

ВЕСТНИК

ТВЕРСКОГО
ГОСУДАРСТВЕННОГО
УНИВЕРСИТЕТА

Научный журнал

Основан в 2003 г.

Зарегистрирован в Федеральной службе по надзору в сфере связи, информационных технологий и массовых коммуникаций (Роскомнадзор).

ПИ №ФС77-51592 от 2 ноября 2012 г.

Серия «Философия»

№ 2, 2014

Учредитель

ФЕДЕРАЛЬНОЕ ГОСУДАРСТВЕННОЕ БЮДЖЕТНОЕ
ОБРАЗОВАТЕЛЬНОЕ УЧРЕЖДЕНИЕ
ВЫСШЕГО ПРОФЕССИОНАЛЬНОГО ОБРАЗОВАНИЯ
«ТВЕРСКОЙ ГОСУДАРСТВЕННЫЙ УНИВЕРСИТЕТ»

Редакционный совет:

Председатель д-р физ.-мат. наук, проф. А.В. Белоцерковский

Зам. председателя д-р техн. наук, проф. И.А. Каплунов

Члены редакционного совета:

д-р филол. наук, проф. Е.Н. Брызгалова, д-р филос. наук, проф. Б.Л. Губман,
д-р филол. наук, проф. А.А. Залевская, д-р пед. наук, проф. И.Д. Лельчицкий,
д-р ист. наук, проф. Т.Г. Леонтьева, канд. экон. наук, доцент Д.И. Мамагулашвили,
канд. физ.-мат. наук, доцент Б.Б. Педько, д-р хим. наук, проф. Ю.Г. Папулов,
д-р биол. наук, проф. А.Я. Рыжов, д-р геогр. наук, проф. А.А. Ткаченко,
д-р юр. наук, проф. Л. В. Туманова, д-р физ.-мат. наук, проф. А.В. Язенин

Редакционная коллегия серии:

д.ф.н., проф. Б.Л. Губман (ответственный редактор),
член-кор. РАН, д.ф.н., проф. И.Т. Касавин, д.ф.н., проф. П.С. Гуревич,
Лесли Мюррей Ph.D., Prof. of Curry College (Бостон, США)
И.А. Клюканов Ph.D., Prof. of Eastern Washington University (Спокан, США),
д.ф.н., проф. В.А. Михайлов, д.ф.н., проф. В.Э. Войцехович,
член-кор. РАО, д.п.н., к.ф.н., проф. М.А. Лукацкий,
к.ф.н., доц. С.В. Рассадин (ответственный секретарь), к.ф.н., доц. С.П. Бельчевичен

Адрес редакции:

Россия, 170100, Тверь, ул. Желябова, 33.

Тел. РИУ: (4822) 35-60-63

*Все права защищены. Никакая часть этого издания не может быть
репродуцирована без письменного разрешения издателя.*

ISSN 1997-9908

© Тверской государственный университет, 2014

VESTNIK TVGU

Scientific Journal

Founded in 2003

Registered by the Federal Service for Supervision in the Sphere of Telecom,
Information Technologies and Mass Communications (ROSKOMNADZOR).
PI №ФC77-51592 from November 2, 2012.

Seriya «Filosofiya»

No. 2, 2014

Translated Title

HERALD OF TVER STATE UNIVERSITY. SERIES: APPLIED MATHEMATICS

Founder

FEDERAL STATE BUDGET EDUCATIONAL INSTITUTION
OF HIGHER PROFESSIONAL EDUCATION «TVER STATE UNIVERSITY»

Editorial Council:

Chairman Dr. of Sciences, prof. A.V. Belotserkovskiy,

Vice-chairman Dr. of Sciences, prof. I.A. Kaplunov

Members of the Editorial Council:

Dr. of Sciences, prof. E.N. Bryzgalova, Dr. of Sciences, prof. B.L. Gubman,
Dr. of Sciences, prof. A.A. Zalevskaya, Dr. of Sciences, prof. I.D. Lel'chitskiy,
Dr. of Sciences, prof. T.G. Leont'eva, Candidate of Sciences, docent D.I. Mamagulashvili,
Candidate of Sciences, docent B.B. Ped'ko, Dr. of Sciences, prof. Yu.G. Papulov,
Dr. of Sciences, prof. A.Ya. Ryzhov, Dr. of Sciences, prof. A.A. Tkachenko,
Dr. of Sciences, prof. L.V. Tumanova, Dr. of Sciences, prof. A.V. Yazenin

Editorial Board of the Series:

Dr. of Sciences, prof. B.L. Gubman (*editor-in-chief*),
Corresponding Member of RAS, Dr. of Sciences, prof. I.T. Kasavin,
Dr. of Sciences, prof. P.S. Gurevich, Ph.D., Prof. of Curry College (Boston, USA) Lesley
Muray, Ph.D., Prof. of Eastern Washington University (Spokane, USA) Igor A. Klyukanov,
Dr. of Sciences, prof. V.A. Michailov, Dr. of Sciences, prof. V.E. Voicechovich,
Corresponding Member RAE Dr. of Sciences, prof. M.A. Lukacky,
Candidate of Sciences S.V. Rassadin (*executive secretary*),
Candidate of Sciences S.P. Belchevichen

Editorial Office:

Russia, 170100, Tver, 33 Zhelyabova str.

Phone: (4822) 35-60-63

*All rights reserved. No part of this publication may be
reproduced without the written permission of the publisher.*

ISSN 1997-9908

© Tver State University, 2014

Содержание

ЧЕЛОВЕК. НАУКА. КУЛЬТУРА -----	7 -
Ильин В.В., Хайруллин А.Г., Хайруллина Г.А. Социальность и истинность: проблема соотношения -----	7 -
Шестаков А.А., Стоцкая Т.Г., Мингулов Х.И. Познание и его границы: онтологический, гносеологический и метафизический аспекты -----	21 -
Лебедев В.Ю., Федоров А.В. Философия и история науки: место истории медицины в современном вузе, социальное освоение и институционализация-----	30 -
Башилов Р.Н., Башилова С.М. Биомедицинская евгеника на современном этапе человеческой эволюции -----	43 -
Шестаков А.А., Стоцкая Т.Г., Мингулов Х.И. Проблема эмпирического и теоретического в контексте становления теоретической биологии -----	50 -
Жук В.Н. Политическая идея: природа и формы-----	58 -
Ильин В.В., Никитин В.А., Тедеева Т.О., Шайсултанова Э.И. О природе права как практически-духовной символической форме-----	64 -
Ануфриева К.В. «Селфи» как форма проявления нарциссизма личности в современном глобальном сообществе-----	79 -
Петров И.А. Знание как ресурс самопроектирования личности -----	91 -
Буланов В.В. Диалог культур как проблема-----	100 -
Ефременков К.М. Экологические последствия глобализации -----	108 -
Семенов В.В. Кризис либерального подхода к проблеме миграции--	118 -
Карлова Е.Ю. Пути совершенствования этики бизнес-коммуникаций в современной России -----	125 -
Генг В.А. Социально-философские проблемы развития трудового потенциала территорий-----	136 -
Аникин Д.А., Линченко А.А. Конфигурации социальной памяти в историческом сознании молодёжи: методологический аспект -----	140 -
Петров Е.И. Основные формы воздействия молодежи на модернизацию экономики и социальных отношений в обществе, основанном на знании -----	152 -
Бурухин С.В., Бурухина Л.В. Спортивные болельщики как социокультурное явление информационного общества-----	160 -
ПРОБЛЕМЫ РУССКОЙ ФИЛОСОФИИ -----	165 -
Козлова Н.Н. Сущность и формы государства в политической философии славянофилов -----	165 -
Ковалева Е.О. Культурная традиция и конфликт поколений в трудах В.О. Ключевского и Н.К. Михайловского -----	175 -
Иванов М.Ю. К.Д. Кавелин и Б.Н. Чичерин: проблема соотношения нравственности с правом, религией и нравами -----	186 -

Малинин С.А. Гегелевское учение о взаимосвязи абсолютного и конкретного в интерпретации И.А. Ильина-----	193 -
Шайхет Е.В. С.Л. Франк о духовных основах мировоззрения русской интеллигенции -----	200 -
ЗАПАДНАЯ ФИЛОСОФИЯ И СОВРЕМЕННЫЙ МИР -----	209 -
René Dorn La nouvelle théorie critique comme théorie normative des expériences de l'injustice -----	209 -
Горобий А.В. «Исторический словарь философии» как воплощение философской истории понятий в ФРГ во второй половине XX века -	217 -
Тесленко О.А. У. Бек: рефлексивность модернизации и становление глобального общества риска -----	228 -
Шиканова В.В. Смерть автора в концепции Ролана Барта-----	244 -
Некролог -----	250 -
КОГАН ЛЕОНИД АЛЕКСАНДРОВИЧ -----	250 -
НАШИ АВТОРЫ -----	252 -
Правила представления рукописей авторами в журнал «Вестник ТвГУ. Серия Философия» -----	255 -

Contents

MAN, SCIENCE, CULTURE -----	- 7 -
Ilyin V.V., Khairullin A.G., Khairullina G.A. Sociality and Truth: the problem of correspondence. -----	19 -
Shestakov A.A., Stotskaya T.G., Mingulov H.I. Knowledge and its limits: ontological, epistemological and metaphysical aspects -----	28 -
Lebedev V.Yu., Fedorov A.V. Philosophy and history of Science: the role of the history of medicine in contemporary university, social development and institutionalization of medicine -----	42 -
Bashilov R.N., Bashilova S.M. Bio-medical eugenics on the contemporary stage of human evolution -----	49 -
Shestakov A.A., Stotskaya T.G., Mingulov H.I. The Problem of relations between empirical and theoretical knowledge in the context of theoretical biology development -----	56 -
Zhuk V.N. Political idea: its nature and forms -----	63 -
Ilyin V.V., Nikitin V.A., Tedeeva T.O., Shaysultanova E.I. The Nature of law as a practical-spiritual symbolical form -----	77 -
Anufrieva K.V. «Selfie» as a form of personal narcissism in the contemporary global community -----	90 -
Petrov I.A. Knowledge as a resource of personality self-design -----	98 -
Bulanov V.V. Dialogue of cultures as a Problem -----	107 -
Yefremenko K.M. Ecological consequences of Globalization -----	116 -
Semenov V.V. Crisis liberal approach to a Problem of migration -----	124 -
Karlova E.Y. Ways of improving the ethics of business communications in modern Russia -----	134 -
Geng V.A. Social and philosophical problems of the areas' labor potential -----	139 -
Anikin D.A., Linchenko A.A. Configurations of social memory in historical consciousness of youth: methodological aspect -----	150 -
Petrov E.I. The Main forms of the impact of young people on the modernization of the economy and social relations in a society based on knowledge -----	159 -
Burukhin S.V., Burukhina L.V. Sports fans as a sociocultural phenomenon of information society -----	164 -
PROBLEMS OF RUSSIAN PHILOSOPHY -----	- 165 -
Kozlova N.N. The Nature and forms of government in the slavophiles' political philosophy -----	173 -
Kovaleva E.O. Cultural tradition and generation conflict in V.O. Klychevsky's and N.K. Mikhaylovsky's writings -----	184 -
Ivanov M.Yu. K.D. Kavelin and B.N. Chicherin on the relations between morality, law, religion, and public mores -----	192 -

Malinin S.A. Hegelian theory of the relations between the absolute and the concrete in I.A. Puyin's interpretation ----- - 199 -
Shaihet E.V. S.L. Frank on spiritual foundations of the russian intelligentsia world outlook----- - 207 -

WESTERN PHILOSOPHY AND CONTEMPORARY WORLD-- - 209 -

Дорн Р. Новая критическая теория как нормативная теория опыта несправедливости ----- - 216 -
Gorobiy A.V. «Historisches Wörterbuch der Philosophie» (Historical Dictionary of Philosophy) as a realization of the philosophical conceptual history in West-Germany in the 2nd half of the 20th century ----- - 227 -
Teslenko O.A. U. Beck: reflexive modernization and the emergence of global risk society ----- - 243 -
Shikanova V.V. The death of the author in Roland Barthes' theoretical views ----- - 249 -

Obituary ----- - 250 -

Kogan Leonid Alexandrovich ----- - 250 -

AUTHORS INFORMATION ----- - 252 -

ЧЕЛОВЕК. НАУКА. КУЛЬТУРА

УДК 1(091)

СОЦИАЛЬНОСТЬ И ИСТИННОСТЬ: ПРОБЛЕМА СООТНОШЕНИЯ

В.В. Ильин*, А.Г. Хайруллин**, Г.А. Хайруллина**

* ГБОУ ВПО Московский государственный технический университет им.
Н.Э. Баумана, г. Москва

**Набережночелнинский институт (филиал) ФГАОУ ВПО Казанского (При-
волжского) федерального университета, г. Набережные Челны

В центре внимания авторов – процедура конституирования истинности знания социальными символическими формами. Исследуются контексты имплантации продуктов познания в корпус культуры.

Ключевые слова: *истина, соответствие, согласованность.*

Конструктивное участие социальности (SF – символических познавательных форм) в конституировании истинности (SR – status rerum) сводится к следующему.

Гносеологический аспект. Через активную роль форм мышления социальность задает интервальность (дистанционность абстракций): теория концептуализирует не объект сам по себе, а определенную его «сторону»; онтология как естественный референт теории суть срез, ракурс, намечаемый культивируемой обществом синтетической понятийной формацией. Понятие, считает Платон, не случайный продукт опыта, а порождение разума. Именно такое порождение, какое обладает логической способностью объединять предметное многообразие в единое под известным углом зрения.

Некий угол зрения в астрономию, вводил Галилей, использовавший в качестве синтетическо-понятийного ядра SF «кинематическую геометризацию». Иной угол зрения туда же вводил Кеплер, выстраивавший синтетическо-понятийное ядро SF вокруг «силы». (В письме Фабрициусу Кеплер пояснял: «Разница состоит... в том, что вы используете окружности, а я – присущие телам силы» [10, с. 139]).

Сверхзадача SF – понятийно, категориально синтезировать, т. е. тематизировать, версифицировать, интерпретировать, – проводить мысль в разнообразных одеяниях, в итоге замыкать ее на действительность. Подчеркнем не только активный (свобода версификации в кругу социально индуцированных легислативных постулатов), но и достаточно автономный, самодействующий, самодостаточный статус SF, приверженность которым вследствие опытной критики позволяет не ускользнуть концептуальному содержанию. Хорошие примеры ремиссии фальсификации во имя защиты идеи – позиции Бора, нейтрализовавшего Комптон-эффект аргументом статистичности законов сохранения,

причинности в атомной физике; Эренфеста, дезавуировавшего отрицательный результат опыта Эйнштейна («опровержение» волновой теории света) ссылкой на групповой характер волн [11, с. 103.].

Если внутринаучных соображений не хватает, в ход идет околонаучная беллетристика. В случае того же Кеплера, когда физика оказывалась бессильной, на помощь приходила метафизика; когда механическая модель оказывалась неспособной служить инструментом объяснения, выручала математическая модель, а теологическая аксиома в свою очередь бралась в качестве связующего звена.

Вместе с тем социальность в лице SF репрезентирует, удостоверяет, а не подменяет SR. Аналогичное – в высоком искусстве. Сошлемся

– на Достоевского: «Я вывел неотразимое заключение, что писатель художественный, кроме поэмы (SF. – *Авт.*), должен знать до мельчайшей точности (исторической и текущей) изображаемую действительность» [8, с. 206.];

– Дюрера: «Искусство... заключено в природе. Кто сумеет вырвать его у нее, тот владеет им» [12, с. 373];

– Бальзака: «Самые сильные проявления счастья и горя в конце концов меняют облик человека – искажают черты, бороздя лицо неисчислимыми морщинами, надевая каждую из них своим языком: и женщина становится тогда величественной в своем страдании, прекрасной в печали своей, великолепной в своей невозмутимости, и если нам позволено будет развить наше необычайное сравнение, то в высохшем озере станут тогда видны следы всех родников, питавших его» [1, с. 216–217];

– Родена: «Обыкновенно думают, что рисунок может быть прекрасен сам по себе, а прекрасны только те истины и те чувства, которые он выражает... Хорош только тот стиль и тот рисунок, которых не хвалят, потому что все внимание поглощено интересом содержания. Когда в литературное или художественное произведение вложена какая-нибудь истина, глубокая мысль или горячее чувство, наперед можно сказать, что и стиль, и рисунок, и колорит прекрасны, но только потому, что они – отражение истины» [14, с. 93–94].

Когда обнаруживаются объективные качества для «истинного эпоса» (Лесков), тогда «очерк нравов» становится историческим романом, эпопеей.

Онтологический аспект. SF создают среду (Н-существования, онтологические допущения, постулаты значения, гипонимизация, таксономизация, семантическая легализация ВК) – среду интеллектуальную. Благодаря фильтрации действительности через SF «бытие» структурируется, расцветивается палитрой образов, не вводясь «полностью».

SF имеют перед проверкой запас прочности:

– некоторые SF в отсутствии эмпирического обоснования (гипотезы Авогадро, Праута) поддерживаются как респектабельные соображения от наперед принятых идей;

– некоторые SF, не оказывая влияния на научное развитие в одних фациях, воспроизводятся, возрождаются в более восприимчивых к ним других фациях – идеи эволюционной космогонии Декарта, не находя поддержки у доминирующего в тезаурусе его времени закона сохранения количества движения, по этой причине пребывая рецессивом, усилиями Канта, Лапласа, Гершеля восстановлены в небулярной модели. Онтологическая сценография мира, поменяв ориентацию с сохранения на изменение, востребовала эволюционные представления.

Знание – не продукт социального декрета, не плод социальной конвенции; оно – динамическое резюме легализующихся ВК и являющихся сюжетом культурно-исторического консенсуса (ВС) предметно-содержательных установок. Комбинация ВК+ВС комплексна; архитектоника ее такова:

(а) множество фундаментальных схем, капитальных образов, Н-существования, интерпретативных предложений, онтологических предположений, вводящих в каркас действительности структурные модели реальности (атом – атомизм; эволюция – эволюционизм; эфир – эфирность; вихри – вихревость и т. п.);

(б) множество относительно независимых от SF эмпирических законов, опытных зависимостей, фактических свидетельств, осуществляющих операциональную фиксацию определенности бытия со стороны:

– качества – количества (сохранение – изменение) – параметры земного шара: качественное (пифагорейцы) – количественное (Эратосфен); преломления света: качественное (Евклид, Птолемей, Альхазен) – количественное (Снеллиус, Декарт); электростатических явлений: качественное (Гильберт) – количественное (Кулон); превращения теплоты в работу и обратно: качественное (Румфорд, Деви) – количественное (Майер, Джоуль); электромагнитного поля: качественное (Фарадей) – количественное (Максвелл); окислительных процессов: качественное (Пристли, Шееле) – количественное (Лавуазье); питания зеленых растений: качественное (Ингенгус, Сенебье) – количественное (Гельс, Сосюр, Тимирязев [4, с. 32]);

– формы – содержания (структура – состав) – строение кристаллов (Гаюи, Митчерлих, Лауэ); земной коры (Фюксель, А. Гумбольдт); солнечной системы (Коперник, Кеплер, Ньютон); галактики (Гершель, Фридман, Леметр, Гамов); электролитов (Аррениус); молекулярных органических соединений (Бутлеров, Кекуле, Вант-Гофф); биологически важных соединений (гемоглобин, хлорофилл, протеины, ферменты, витамины – М. Ненцкий, Э. и Х. Фишеры, Вильштеттер, Функ);

– дискретности – континуальности (сложное – простое): химический элемент (Бойль); биологическая клетка (Шлейден, Шванн); монохроматический свет (Ньютон); акустический оберто́н (Гельмгольц); аминокислоты (Э. Фишер); (в метафизической физиологической тради-

ции – элементаризм (Эмпедокл); гомеомерии (Анаксагор); атомизм (Левкипп, Демокрит));

– относительного – абсолютного (условное – безусловное): относительное (Кеплер) – «абсолютное» (Галлей, Делаланд) в размерах солнечной системы; относительное (Галилей) – «абсолютное» (Гюйгенс) в изменении скорости; относительное (шкалы Фаренгейта, Реомюра, Цельсия) – «абсолютное» (шкала Кельвина) в температуре тел; относительное (Хладни) – «абсолютное» (Био) в скорости звука; относительное (Лавуазье, Лаплас) – «абсолютное» (Реньо) в удельной теплоемкости; относительное (Берцелиус, Авогадро, Канницаро) – «абсолютное» (Перрен) в атомных и молекулярных весах;

– сущности – явления (основание – следствие): мираж – атмосферная рефракция (Монги); светлые и темные кольца на линзах (Ньютон) – наложение волн (Юнг); алмаз – кристаллический углерод (Лавуазье); сокращение конечностей от прикосновения металла (Гальвани) – контактное электричество (Вольта); рисунок на цветах («травники» XVI в.) – указание насекомым пути к сокохранилищу (Шпренгель);

– тождества – различия (градация) – ассоциация признаков по группам сходства, естественные обобщения – классификации: минералы (Вернер); химические элементы (Менделеев); звезды (Г. Рассел); фауна, флора (Линней); группы крови людей (Ландштейнер);

– части – целого (корреляции): химическая атомистика (Дальтон); кинетическая теория газов (Максвелл, Больцман); структурная минералогия (Гаюи); тканевая, клеточная патология (Биша, Вирхов); кристаллография (изоморфизм, полиморфизм – Митччерлих); химическая (Вёлер, Либих), оптическая (Пастер) изомерия; синтез органических веществ из неорганических (Вёлер);

– причины – следствия (возможность – действительность): появление Луны – морские приливы – отливы (Ньютон); движение Нептуна – возмущение орбиты Урана (Леверрье); появление ультрафиолетовых лучей – свечение соли (Стокс); прохождение электрического тока в проводнике – отклонение магнитной стрелки (Эрстед); растворение в воде винно-каменной кислоты – поворот плоскости поляризации света (Био); появление бактерий в крови – заболевание (Пастер, Кох)[4, с. 32–68].

Речь идет о том массиве, на базе которого кристаллизуется важное представление параметрической безусловности признаков существующего. Экспликация же их (признаков) и его (существующего) – в пределах вполне условного легислативного тезауруса (версификация, тематизация, интерпретация).

Пример В.П. Бранского:

Феномен	Тематизация
«Голубизна неба»	Лаллеман: флюоресценция воздуха под влиянием ультрафиолетовых лучей; Шапьюи: окраска из-за присутствия озона;

Гагенбах: рассеяние света, вызванное флуктуациями плотности атмосферы

Диаметрально противоположные трактовки – толкования:

Феномен	Тематизация
«Кораллы»	Рей: растения; Нейсоннель: животные [4, с. 43]

Гносеологическая версия нестыковки платформ – реальная линейность мыслительных процессов, замыкающих обоснование на фундамирующую его основу. Прерыв регресса в поиске последующего основания для предыдущего – апелляция к культуре, являющейся универсальным запасником идей предельной фундаментальности. Так, основанием явления «перелив красок на крыльях бабочек» выступает дифракция света (Гримальди), тогда как основанием дифракции света оказывается дифракция электромагнитных волн (Максвелл) [4, с. 43–44]. В свою очередь дифракционная картина (чередование световых максимумов и минимумов), объясняемая интерференцией световых волн, оправдывается учением о корпускулярно-волновом дуализме частиц, внутреннем строении рассеивающего объекта (где по необходимости велик удельный вес соображений картины мира – ВК, ВС).

Изложение навеивает заключение: постигаемый наукой объект «испаряется» до степени двух неабстрактных определений:

– «снизу» – элементы предметно–практических отображений в инвариантных эмпирических законах, количественных размерностях, пропорциях, корреляциях (период колебания маятника и его длина – Гюйгенс; температура замерзания раствора и концентрация растворенного вещества – Блечден, Рауль; возраст горных пород и количество продуктов радиоактивного распада – П. Кюри, Резерфорд; масса звезд и их температура – Паренаго; количество поглощенного кислорода и степень повышения температуры цветов – Соссюр и т. д.) [4, с. 56–57];

– «сверху» – элементы постигающего характера в «чистом пространстве прозрачной мысли» (Гегель) – явление выдает сущность (основание), так как светится «в самом себе чем-то другим» (Гегель) (законы Кеплера, выведенные как эмпирические показания в авторской формулировке и как концептуальные следствия закона обратных квадратов), – диспергированной по историческим фациям («всемирное тяготение» – оправдание гравитационного закона Ньютона; оправдание оправдания – толкование «тяготения» в «вихревой» (картезианцы), – «эфирной» (Эйлер) моделях).

(в) Множество склонностей, приверженностей, проявлений «фона личности», заявлений «особого характера субъекта»: пикировка

Эйнштейн – Бор по вопросу природы детерминизма и принятие платформы «скрытых параметров» (Эйнштейн, Бройль) [16]; позиции Гейзенберга: «непреодолимость» границ человеческого познания [6, с. 65]; Эддингтона – «селективный субъективизм» [17]; Джинса – «ментализм» [18];

(г) Множество категорологических представительств. Законы, передавая сущностное в явленческом, необходимое в случайном, безусловное в условном, основополагающее в произвольном, причинное в следуемом, получают абстрактную эссенциализацию в категориальных присутствиях. Социально индуцируемая категорология дает предельную в своей объемности символическую структуризацию бытия, наиболее масштабный идейный способ его выражения, типологического включения в картину мира.

Категории – универсальные символические знаки, соотносясь с лексическими понятиями, замыкаются на предметные значения – денотаты. Подобное «замыкание» открывает столбовую дорогу референциальной процедуре. Принятие в расчет сказанного позволяет уточнить: категории в плоскости «бытие» – не *ens fictum*; они работоспособные предметные, а не языковые выражения. Содержательное значение категорий в точном смысле слова не лингвистично, оно онтологично. (Непоправимая ошибка Льюиса и его адептов – приписывание категориальным связям исключительно языковых значений. В его трактовке «значение» языковых выражений исчерпывается модусами

- денотат – объем понятий;
- охват – класс всех возможных вещей, подпадающих под термин;
- сигнификат – свойство вещи, оправдывающее применение термина;
- содержание – совокупность терминов, применимых к тому, что обозначается данным термином.)

На деле категориальные символы суть символы внелингвистические, это такие «постигательные» символы, которые справедливы не для всех возможных миров. Содержательные категорологические интерпретации несут идею порядка существования, задаваемую:

- 1) относительно акта познания (релевантность предметной области теории);
- 2) относительно картины мира (корреспондируемость фации – комбинация ВК+ВС);
- 3) безотносительно акту познания (достояние совокупной общечеловеческой практики – причастность SR).

Линия «Льюис – Тарский», гиперболизирующая «лингвистическое значение» понятийных выражений, предполагает сопоставление не предложений о действительности (фактов) с фиксируемой в них действительностью (фактами), но названий предложений о действительности

сти с самими этими предложениями. Прообраз *filum meditandi* такого рода – идеология античных скептиков (Тимон, Аркесилай, Карнеад, Энесидем, Агриппа, Секст Эмпирик, Пиррон), гипертрофировавших а) критику чувственности: сенсорика недостоверна (Демокрит); б) субъективное влияние на вещи в процессе познания (трансформация вещей до неузнаваемости в субъект–объектном взаимодействии – эффект Карнеада). На этом основании разворачивается купирующая адекватность позиция пробабиллизма – фоллибиллизма.

Платформе скептицизма противостояла развитая в античности же платформа стоицизма (Зенон Китионский, Клеанф, Хрисипп, Панетий, Посидоний, Сенека, Мусоний Руф, Эпиктет, Марк Аврелий), выступавшего с идеей «постигательного» представления. Последнее выглядит вполне основательным.

Накопление достоверности в постигательных субъективных представлениях проясняется посредством гносеологического моделирования онто- и филогенетического контекста становления символических категориальных форм.

Онтогенетика. До 3 лет у детей различение звуков речи сопровождается способностью производить тактильные действия; манипуляция предметностью коррелирована с мышечными сигналами с артикуляционного аппарата, возникающими при произнесении слов [2, с. 220]. «Мышление в действии», связанное с формированием речевых обобщений, есть физиологическая основа функции обобщения.

Ступени интеграции одного с другим:

1) слово в сцепке с чувственным образом: «ляля» – данная конкретная кукла в предметно-действенной (игровой) ситуации (конец первого – начало второго года);

2) слово – заместитель множества чувственных образов однородных предметов: «ляля» – заместитель «кукол вообще» (конец второго года);

3) слово – заместитель ряда чувственных образов разнородных предметов, генеалогически – игровым образом – связанных с «лялей» – «игрушка» (третий год);

4) слово сводит обобщения предыдущих ступеней – интеграция неодушевленных предметов в «вещи» (пятый год) [2, с. 220–221].

Истончение и упразднение манипулятивно-игровой, осязательно-действенной, чувственно-предметной основы мысли влекут последовательное разворачивание и автоматизацию словесно-фразовых комплексов. Прошлый предметно-практический опыт замещается вербальным. С 6 лет поведение подчиняется не манипулятивному, а словесно-обобщенным инструкциям, что позволяет мысли не «воплощаться в слове», а «совершаться» в нем (Выготский).

С позиций «вхождения» чувственной предметности в рациональную образность дело выглядит так. Ребенок, знакомясь с объектом, по-

лучает сигнификат «елка», сцепленный с набором ощущений. По Сеченову, это – символ «первой степени», где ощущения сведены в знак комплексного раздражения. Возникает система «рефлексов между компонентами комплекса, которая есть не что иное, как полное представление о предмете» [2, с. 220]. В терминах теории значения кристаллизуется значение «в элементарной форме» (Сеченов). В опыте с разными елками ребенок распространяет на них усвоенное значение. Оформляется символ «второго порядка» – расширенное по объему понятие, утрачивающее конкретность чувственного образа. Далее «елка» подводится под «дерево», «растение» с еще большим предметным кругом, набором весьма абстрактных содержательных признаков.

Предметно-манипулятивный базис понятия, гносеологически замкнутый на чувственно-конкретный символ «первой степени» а) осуществляет связь «порядка идей и порядка вещей»; б) фундирует внелингвистическую теорию значения.

Филогенетика. Если онтогенетика проливает свет на становление предметного значения, то филогенетика снабжает пониманием смыслообразования. Центральным здесь, как во всем и всяком человеческом деле, оказывается участие символического. Символическое, отмечалось ранее [9], есть единство образа и смысла. В контексте обсуждаемого важно иметь в виду, что в познавательном отношении смысл символического заявляется как тенденция. Главное – расценивать производство понятийно-образного (посредством смежности, причастности, идентичности и т. д.) не как наличность, а как динамичность.

Вектор «не данность – заданность» выводит на стезю историчности. Гносеологическая природа последней выражена Броделевским: «История – это сумма всех возможных историй, всех подходов и точек зрения, вчерашних, сегодняшних, завтрашних» [5, с. 345]. Сущность в познании как поднятие единичности в особенность и всеобщность дана исторически.

Символические конденсаты предметности – категории – формально (будучи символами) суть условности условностей; содержательно – безусловная субстанциальная перспектива. Категории – значимые символические отношения, предметно-понятийные отнесенности. В тесном смысле понятие их объектности (субстанциальности, субстантивности) проясняется в створе следующего:

- генеалогически формы мышления связаны с объектными признаками, передают предметные связи;
- смысловые значения играют роль схем: формы мыследеятельности предшествуют чувственности, целенаправляют применение «терминов» к представлениям;
- значения черпаются из SR и культуры, создаются в опоре на эмпирические законы и выразительные возможности SF;

– естественная динамика знания – переход от теории к теории, фации к фации (в отсутствии дедуктивного правила «предельного перехода», примитивно истолкованного «соответствия») – включает и естественную кумуляцию содержания о предметной сфере (математические формализмы, эмпирические удостоверения, символические образы мира, воспроизводимые в проекциях на реальность, интерпретациях, референциях). Аккумулируемое содержание составляет историческое богатство категориального фонда, в предельном отношении – богатство человеческого культурного наследия. Познание исключает ситуацию смыслового вакуума; накопление предметно-истинностного содержания – в динамических фигурах включения и воспроизведения (опосредствуемых фациальными актуализациями категорологии);

– абсолютное, говорит Франкл, постигается не с помощью символа, а в символе.

Операциональный аспект. Как отмечает Л.М. Гутнер, «любая конкретная система измерительных операций сама подчинена определенной системе законов и может осуществляться в сфере их действия» [7, с. 130]. Определение скорости света в лабораторных условиях опиралось на использование открытого Керром электрооптического эффекта (возникновение двойного лучепреломления в оптически изотропных веществах – жидкостях, газах, помещенных в электрическое поле), равно как фотоэлектронной эмиссии.

В исследованиях, замкнутых на «выборки», «репрезентативность», экспертные оценки, поведение ансамблей (в том числе ошибки при измерениях), велика роль таких концептуальных конструкций, как центральная предельная теорема, закон больших чисел (распределение случайной величины – с соблюдением условия Линдберга – идет по нормальному закону, изображаемому колоколообразной кривой Гаусса; нормальное распределение случайной величины статистично).

Операциональный базис оказывается одной из сторон органичного распределения и опредмечивания мысли, опосредствует связь теоретического и эмпирического: «...понять то, что происходит вне нас, можно с помощью построения понятий, значимость которых целиком основана на подтверждении» [15, с. 307]; проверочное знание обоснуется операционально-экспериментальными методами, достаточно надежно обеспечивающими его достоверность (своего рода, по мнению Б. Маркова, «позитивный капитал знания» –).

Операциональность и предметность – взаимозависимые признаки символического [13], актуализирующие способность последнего нести объективную информацию, соотноситься с SR. Вслед за Тарским справедливо усматривать в символическом (языке) наличие «объект-языка», нацеленного на воспроизведение предметности [20]. Вместе с тем, фиксируя SR-независимое от сознания положение дел в действительности, «объект-язык» зависим от SF-закрепленных социально (общественным

сознанием) схем взаимосвязей предметного мира, равно как самого понятия предметности.

Утрирование комбинации SR versus SF, собственно, намечает антитрансценденталистскую перспективу социологии знания: вывод значений объект-языка из-под юрисдикции (легислатуры) SF влечет их гипостазис (значение «в себе», истина «ни для кого»). Из SR активируется лишь релевантное SF, таким образом оперативно решается проблема культурно значимого в существующем. Непосредственным инструментом подобного решения является фация, наделяющая фигуры объект-языка допустимыми (осмысленными) интервальными значениями. (Критерий осмысленного, социокультурно санкционированного существования в фации следующий: существовать – значит быть значением интерпретированной переменной.)

Эффективность операционализации объектного языка знания – в его предметно-действенной, чувственно-наглядной генеалогии, находящей историческое закрепление в инструментальных средствах, в свою очередь содействующих переводу сигнификатов в материально-практическую форму.

Интерактивный аспект. Социальность в контексте теории познания есть генеральное многоосное отношение. Гносеологический интерес его концептуализации вызван новыми сечениями, которые вносит понимание общественного характера познавательного процесса в его профессиональную рефлексию.

а) Е. Блейлер в свое время высказал идею энграмм: вследствие психических переживаний в душе остаются следы; в соответственных упражнениях (экфория) энграммы способны воспроизводиться [3]. По аналогии возможно выдвинуть соображение культурных энграмм; достоинства культуры не исчезают бесследно, пребывают в особом духовном пространстве, оказывая влияние на всех, к нему причастных. Соображение духовно-культурных энграмм обогащает гносеологию представлением всеобщности, непрерывности, самоподдерживаемости интеллектуально-символической деятельности, к которой как целому, равно как любой ее части, приобщаются носители интеллектуально-символического.

Духовная культура живет не только изменением, но и сохранением, не только свободой, но и наследованием; подвижное, вариативное, непередаваемое, незакрепляемое (утрирование чего осуществляли постмодернисты), собственно, есть художочная символика (авангардистский абсурд), не причастная к культурной формации. Возможность утилизации социальных продуктов символической культуры (в востребованности) актуализирует перекрытие персонально-личностного, снабжает мыследеятельность рефлексивными обобщениями истории практики и познания (рефлексия в общем и есть осознание содержимого души через его происхождение, отнесение к источникам и истокам. В

рефлексии, утверждает Мид, «целостный социальный процесс привносится в опыт участвующих индивидов»);

б) Хабермас предложил перспективную мысль: общество выполняет «условия сохранения социокультурных жизненных миров». Мысль Хабермаса под углом зрения наших разысканий допустимо выразить в редакции: общество – корпоративный носитель познавательно значимых представлений. В смысле тотальном – (а) и фациальном – гомеостатичность когитальных матриц, модулей, эталонов в хронотопах: социальное санкционирование всеобщности, необходимости неких базовых образов реальности. (Напомним: с позиций как логики, так и методологии, всеобщность, необходимость – не абсолютные, а относительные атрибуции знания, осмысленные в кругу принципиальных систем отсчета – «базисных посылок» – ВС).

в) Льюис представил рассуждения, связывающие (а) и (б). На базе тотальных культурных смыслов мы понимаем действия людей вообще – современников и предшественников. Нашу общую мирожизненную реальность отображают наши общие категории [19, р. 114]. На базе фациальных культурных смыслов мы заявляем и проявляем себя как «фундаментально сходные существа», принимающие в границах своего мироотношения определенные предпосылки (ВК), опирающиеся «в общем на одни и те же потребности, интересы и способности различения и отношения» [19, р. 91.]

Радикальны наши «общие потребности», наша «социальная организация», предназначенная для их удовлетворения, наше «обучение социальным примером» [19, р. 115].

Определенность мирожизненного мира (наша выборка: фоновые предположения, явные и неявные допущения, интерпретативные предположения, модели реальности) – комбинация ВК + ВС – своим непосредственным и объективным фактом социокультурного влияния осуществляет когнитивное воспроизводство, проводит идейную интеграцию, создает собственных адептов. Рефлексивно-аналитическим эквивалентом сказанного выступает коммуникационный консенсус (социологическая оболочка ВС), устанавливаемый посредством соотнесения общезначимого понимания мира (ВК) с пониманием его всеми агентами мирожизненной общности (исключение – выбивание из общности – мыслительное отщепенство, диссидентство – Яноши, до $\frac{3}{4}$ XX в. рьяно защищавший «эфирную» модель мироздания).

Прекрасный пример культивации SF через социальную универсализацию взглядов – история становления алгебраических идей в Европе и Китае.

Европейская алгебра, утрирующая отношение равенства (математика есть дисциплина, выстраивающая тело теории вокруг операций с отношением равенства или его нарушения), развивалась как техника переноса символических записей с одной стороны равенства в другую.

Китайская (сунская) алгебра выстраивалась вокруг физических операций, связанных с манипуляцией фишками на доске. Одна вариация – записи; другая – процедуры. В конкуренции вариаций (в мысли как природе действует правило естественного отбора) победил европейский путь, открывший магистраль абстрактного оперирования символическими системами: алгебра – обобщение арифметики, высшая алгебра – обобщение алгебры и т. д. Представление предметом функции функций влечет символическое разворачивание теорий групп, колец, полей, векторов, категорий и т. д.

г) Потебня, Ортега, Бастиан говорят о вхождении идей, миробразов, представлений в вид низовой словесности (сказы, фольклор). Для этой цели вводятся следующие фигуры: «народная поэзия» (Потебня); «народная культура» (Ортега); «народные мысли» (Бастиан). О чем речь? О власти интернализированных сценографий действительности, выказывающих свою жизненность архетипов, становящихся достоянием людей своего времени, но приобретающих разную степень выраженности в науке (рафинированная рациональность), искусстве (рафинированная образность); повседневности (обыденно-практическая традиционность). Воистину, недоумевает Ортега, поразительно и таинственно то тесное внутреннее единство, которое каждая историческая эпоха сохраняет во всех своих проявлениях. Единое вдохновение, один и тот же жизненный стиль пульсируют в искусствах, столь несходных между собою. Не отдавая себе в том отчета музыкант стремится воспроизводить в звуках в точности те же самые эстетические ценности, что и художник, поэт и драматург (и, добавим от себя, – иные представители духовного и практически-духовного воспроизводства. – *Авт.*) – его современники. И эта общность художественного (шире – ценностного. – *Авт.*) чувства поневоле должна привести к одинаковым социологическим последствиям. Последствиям, затрагивающим основы самостояния, являющимся способом эпистемического воспроизводства самости, ее фациальной, мыследеятельностной судьбы, а потому оказывающимся всеобщие-необходимыми.

Список литературы

1. Бальзак О. Собр. соч.: в 15 т. М.: Художественная литература, 1952. Т. 2. 556 с.
2. Батуев А.С. Высшая нервная деятельность. М.: Наука, 1991. 260 с.
3. Блейлер Е. Руководство по психиатрии. Берлин: Врач, 1920. 538с.
4. Бранский В.П. Философское значение проблемы наглядности в современной физике. Л.: ЛГУ, 1962. 192 с.
5. Бродель Ф. История и социальные науки // Современные тенденции в буржуазной философии и методологии истории. Ч. III. М.: ИНИОН, 1969. С. 115–142.

6. Гейзенберг В. Философские проблемы атомной физики. М.: Техиздат, 1953. 225 с.
7. Гутнер Л.М. Методологические принципы измерения. Л.: ЛГУ, 1972. 145 с.
8. Достоевский Ф.М. Письма. М.: Художественная литература, 1934. Т. III. 340 с.
9. Ильин В.В. Теория познания. Символика. Теория символических форм. М.: МГУ, 2013. 384 с.
10. Кеплер И. О шестиугольных снежинках. М.: Наука, 1982. 194 с.
11. Марков Б.В. Проблема обоснования и проверяемости теоретического знания. Л.: ЛГУ, 1984. 168 с.
12. Мастера искусства об искусстве: в 6 т. М.; Л.: Искусство, 1937. Т. 1. 635 с.
13. Пивоваров Д.В. О соотношении предметного и операционального компонентов научного познания // Вопросы философии. 1977. № 5. С. 97–120.
14. Роден О. Искусство. СПб., 1914. 320 с.
15. Эйнштейн А. Собрание научных трудов: в 4 т. М.: Наука, 1967. Т. IV. 600 с.
16. Эйнштейн А., Инфельд Л. Эволюция физики. М.: Наука, 1947. 304 с.
17. Eddington A.S. The Philosophy of the Physical Science. Cambridge: Cambridge Univ. Press, 1939. 240 p.
18. Jeans I. Physics and Philosophy. Cambridge: Cambridge Univ. Press, 1942. 320 p.
19. Lewis C.J. Mind and World Order. New York: Charles Scribners, 1956. 340 p.
20. Tarski A. The Semantics conception of truth // Philosophy and phenomenological research. V. IV. New York: Charles Scribners, 1944. 443 p.

SOCIALITY AND TRUTH: THE PROBLEM OF CORRESPONDENCE

V.V. Ilyin*, A.G. Khairullin**, G.A. Khairullina**

*Moscow State Technical University named after N.E. Bauman, Moscow

** Branch of Kazan Federal University in Naberezhnye Chelny, Naberezhnye Chelny

ny

The article is focused on the procedure of the truth of knowledge constitution on the basis of socially conditioned symbolic forms. The contexts of implantation of knowledge products within the cultural framework are examined.

Keywords: *truth, correspondence, human culture.*

Информация об авторах:

ИЛЬИН Виктор Васильевич – доктор философских наук, профессор ГБОУ ВПО «Московский государственный технический университет имени Н.Э. Баумана», г. Москва. E-mail: vvilin@yandex.ru

ХАЙРУЛЛИН Аскар Гафиятуллович – доктор философских наук, профессор, заведующий кафедрой философии Набережночелнинского института (филиала) ФГАОУ ВПО «Казанский (Приволжский) федеральный университет», г. Набережные Челны. E-mail: askar58@mail.ru

ХАЙРУЛЛИНА Галяя Абузяровна – кандидат философских наук, доцент кафедры философии Набережночелнинского института (филиала) ФГАОУ ВПО «Казанский (Приволжский) федеральный университет», г. Набережные Челны. E-mail: askar58@mail.ru

Authors Information:

ILYIN Viktor Vasilyevich – Ph.D., Prof. of Moscow State Technical University named after N.E. Bauman, Moscow. E-mail: vvilin@yandex.ru

KHAIRULLIN Askar Gafiyatulloviсh – Ph.D., Prof., Chair of Philosophy Dept., Branch of Kazan Federal University in Naberezhnye Chelny, Naberezhnye Chelny. E-mail: askar58@mail.ru

KHAIRULLINA Galya Abuziyarovna – Ph.D., Assoc. Prof. of the Dept. of Philosophy, Branch of Kazan Federal University in Naberezhnye Chelny, Naberezhnye Chelny. E-mail: askar58@mail.ru

УДК 165.3

ПОЗНАНИЕ И ЕГО ГРАНИЦЫ: ОНТОЛОГИЧЕСКИЙ, ГНОСЕОЛОГИЧЕСКИЙ И МЕТАФИЗИЧЕСКИЙ АСПЕКТЫ

А.А. Шестаков*, Т.Г. Стоцкая*, Х.И. Мингулов**

*ФГБОУ ВПО «Самарский государственный архитектурно-строительный университет», г. Самара

**ФГБОУ ВПО «Самарский государственный экономический университет», г. Самара

Статья посвящена последовательной тематизации философско-мировоззренческого содержания понятия «граница». Опираясь на материалы естествознания, авторы выявляют онтологические, гносеологические и метафизические смыслы данного феномена. Особое внимание уделяется философской интерпретации проблем и трудностей развития современного естествознания.

***Ключевые слова:** граница, предпосылки познания, основания науки, эксперимент.*

Концепт «граница» полон метафизических тайн. О границах познания вопрошали как философы, так и естествоиспытатели. И литература, касающаяся этого вопроса, едва ли подлежит обозрению. Впрочем, в настоящее время рассмотрение этой, казалось бы, сугубо традиционной проблемы гносеологии приобрело принципиально новое звучание, обусловленное последовательной тематизацией таких понятий, как «контекст», «смысл», «наблюдатель» и т. п. Это вновь оформившееся пространство изучения – постоянно мигрирующая грань между наукой и ненаукой, субъективным и объективным, истиной и ложью – придало рассмотрению данного вопроса принципиально новые аспекты (подробнее см.: [1]). Что же касается XX в., то эту тему с особой глубиной и впечатляющим естественно-научным обоснованием осветил Вернер Гейзенберг. Ее значимость для известного физика станет еще более понятной, когда отметим, что даже основное произведение, подводющее итог его многолетнему творчеству, мыслитель назвал «*Schritte uber grenzen*» (буквально – «переход через границы»), в еще большей степени оттеняя доминантный смысл термина – трансформацию категориальных структур познания в ходе научных исследований. Эта сторона проблемы получила исчерпывающее освещение в известном докладе Гейзенберга «Изменение структуры мышления в развитии науки» [2].

Попробуем с опорой на развитие естествознания систематическим образом рассмотреть различные смысловые пласты концепта «граница». Речь пойдет об онтологическом, гносеологическом и метафизическом уровнях. Вряд ли можно возражать против того факта, что вся совокупность средств познания совершенно естественным образом имеет пределы своего применения. Если, к примеру, в системе назван-

ных средств выделить так называемую приборную базу, то в последней можно выделить онтологические границы. Они связаны в первую очередь с макроскопической природой приборов или используемой измерительной техники. Помимо этого ограниченность определяется и вещественной природой средств познания, поскольку большинство приборов представляет собой в конечном счете твердое тело. Поэтому итоговые данные получают выражения в терминах времени (часы), пространства (линейки) и т. д. Среди таких приборов – большинство электроизмерительных устройств, счетчик Гейгера, осциллографы, спектрометры и многие другие технические средства. В принципе, любой измерительный прибор имеет эвристическую силу только в пределах той области реальности, частью которой он сам и является. Что, впрочем, вполне естественно и может быть названо принципом онтологического соответствия.

Специального обсуждения требует ограниченность самого наблюдателя. К этому типу ограничений можно отнести следующие. Во-первых, сама вещественная природа человека. Человек, являясь вещественным объектом, подвергает анализу ту часть объективного мира, которая также вещественна или близка к таковой. Именно эту часть реальности человек и может постигать. С точки зрения эмпирико-сенсуалистического подхода именно эту часть реальности субъект только и может постичь как с помощью органов чувств, так и с помощью разума. При этом мышление, сознание, разум рассматриваются в данном контексте строго материалистически как «функции высокоорганизованной материи». В рассматриваемом случае нельзя исключать возможность того, что все невещественные (ментальные) конструкции не будут иметь определенной референции в знании. Подтверждением этого обстоятельства является та часть копенгагенской интерпретации квантовой механики, которая допускает отказ от попыток описания квантовых объектов до выполнения процедуры измерения – вплоть до отрицания самого существования этих объектов (подробнее см.: [3, с. 21–23]).

Во-вторых, человеческий организм пространственно конечен. Он также конечен во времени. Можно заключить, что наблюдатель имеет в этом смысле ограниченную отражающую и конструирующую гносеологическую потенцию. Это, кстати, касается и человечества в целом. Наконец, человек обладает только пятью органами чувств, что также является принципиальным ограничением в познании реальности. Как известно, у многих живых существ имеются и другие органы восприятия, в частности, органы, позволяющие воспринимать инфракрасное излучение, ультразвук, видеть в темноте и т. п. Если считать, что реальность имеет бесконечно большое количество качественно своеобразных свойств и состояний, то их «полное» постижение с помощью лишь пяти органов чувств естественно вызывает суждение о принципиальной ограниченности такого познания. Впрочем, у сциентистов остается

надежда на безграничные возможности разума. Все это, конечно, так, тем не менее вряд ли можно сомневаться в том, что разум обладает еще огромными нереализованными возможностями и потенциалом. Конечность партикулярного антропоморфного наблюдателя позволяет высказать предположение вообще о принципиальной ограниченности любых антропоцентрических систем отсчета, причем не только физических, но и аксиологических, гносеологических и т. д.

В физической реальности существует определенная иерархия качественно различных уровней организации материи. Такими онтологическими уровнями являются, к примеру, макромир и мир квантованных объектов и процессов, обычное макроскопическое и планковское, или сингулярное, состояние материи, макромир и уровень квантово-полевого вакуума, движение с досветовой и световой скоростью и т. д. Представляется вполне естественным допустить, что наблюдатель, принадлежащий к одному из уровней реальности (например, макроскопический наблюдатель) никогда не сможет наблюдать в качественно «удаленных» областях мира. Так, с точки зрения современных представлений, он никогда не сможет непосредственно взаимодействовать с квантовой частицей как с равновеликим самому себе объектом, а всегда только опосредованно, причем цепочка отношений опосредования будет только расти. Также рассматриваемый нами наблюдатель никогда не сможет непосредственно воспринимать фотонную реальность – уровень бытия, раскрывающийся для фотонного наблюдателя, т. е. при движении со скоростью света. Зададимся естественными вопросами: можно ли границу между бесконечно различными уровнями физической реальности рассматривать как предел для любого конкретного наблюдателя? Является ли сама качественная безграничность мира определенной границей любого познания? Ограничивает ли онтология гносеологию? Можно ли, далее, утверждать, что онтология всегда «шире» любой гносеологии?

Вместе с тем существуют физические феномены, которые заставляют усомниться в возможности принципиального разделения физического мира на абсолютно несвязные друг с другом онтологические кластеры. Так, эффект Казимира свидетельствует, что наблюдатель вложен в реальность таким образом, что он может наблюдать эффекты взаимодействия объектов его (макроскопического) уровня с такими качественно удаленными уровнями физической реальности, как, например, квантово-полевой вакуум. Можно утверждать, что этот эффект на определенном уровне отражает единство мира и свидетельствует, что даже очень удаленные уровни реальности в силу единства мира могут быть не только связаны потенциально, но и вполне конкретно, проявляясь на любом уровне (подробнее см.: [4]).

Остановимся подробнее на гносеологических ограничениях фундаментального физического познания. Если оставаться в рамках существу-

ющих физических теорий, то совершенно очевидные границы на познание физической реальности накладывают представления о существовании принципиально ненаблюдаемых физических объектов и процессов. К ним относятся, в частности, свободные кварки, сверхсветовое движение, «минивселенные» в инфляционной космологии и т. п. Если выводы соответствующих физических теорий верны и такие объекты действительно ненаблюдаемы, то представляется очевидным, что подобные границы в физическом познании принципиально непреодолимы. Однако следует признать и то, что само наличие этих границ, а также их характер определяются нашим знанием природы соответствующих объектов и процессов.

В классической физике, как известно, процедура измерения и наблюдения никоим образом не изменяла состояние наблюдаемого объекта или системы. Для исследования непрерывных сред была предложена идея пробного тела, основные свойства которого должны были состоять в следующем: пробная частица должна была стать почти естественным элементом этой среды и быть достаточно малых размеров, чтобы не создавать возмущения в ней. Для мегамира понятие пробного тела, в принципе, сохраняет свою силу, в то время как для микромира оказалось невозможным найти физический референт этому понятию. Этот факт во многом определяется наличием соотношения неопределенностей. Наглядно эту ситуацию демонстрирует мысленный эксперимент – «микроскоп Гейзенберга» (подробнее см.: [3, с. 22]).

В контексте решения поставленных в исследовании задач прибегнем к следующей качественной аналогии. Предположим, что мы хотим изучить свойства некой планеты – в нашем случае это будет Сатурн. Для измерения, скажем, ее характеристик мы берем в качестве «пробной частицы» другую планету аналогичных размеров, скажем, Юпитер, разгоняем ее до релятивистских скоростей и сталкиваем с Сатурном. По разлетающимся осколкам мы пытаемся определить свойства изучаемой планеты. Например, ее ландшафт, природу литосферы, внутреннее строение, гипотетически возможные формы жизни и т. д. Вполне очевидно, что подобные, прямо скажем, «апокалиптические» средства и методы измерения вряд ли будут адекватными. Однако природа не оставила нам вариантов: других средств измерения в микромире, по видимому, просто не существует. И вот в такой ситуации физикам приходится искать выход. Все это приводит к следующему, далеко идущему выводу: в квантовой физике мы достигли вполне определенных границ *неразрушающего* познания. В этой области реальности в принципе невозможно экспериментально исследовать объекты и процессы в их *естественной* форме бытия.

Что же в итоге? Оказывается, что мы не можем познать не только «вещи в себе» в кантовском смысле, но и многие «вещи до нас»! Иными словами, мы не можем осмыслить их такими, какими они являются до антропного воздействия. И это обстоятельство следует признать объек-

тивным фактом. Вообще говоря, онтология квантового мира гносеологически очень специфична и таит в себе много парадоксального. Но означает ли все это конец экспериментального познания в микромире? Конечно же, нет. Квантовые физики уже сейчас нашли определенные методы познания в условиях неустранимой пертурбативности. Однако суть при этом осталась, все же, принципиально разрушительной: по осколкам или ливням частиц судят об их свойствах. С нашей точки зрения, современную экспериментальную реализацию в этом плане возможно продемонстрировать с помощью адронного коллайдера. В этой ситуации имеются две возможности: 1) последовательно развивать пертурбативные средства и методы познания квантованного мира; 2) искать какие-то принципиально новые методы экспериментального исследования микромира.

Однако согласно квантовой теории ничего принципиально нового быть просто не может. Мы уже отмечали, что в познавательном процессе становятся слишком длинными и все продолжают увеличиваться цепочки эмпирических опосредований. Зададимся вопросом: можно ли в принципе однозначно истолковать то, что мы видим «на другом конце» данной эмпирической цепи, простирающейся, скажем, от наблюдателя в лаборатории до несуществующего в свободном состоянии кварка или суперструны? Понятно, современное познание физической реальности радикально отличается от времени зарождения классической науки. Можно утверждать, что неклассическая наука в основном работает с ненаблюдаемыми объектами. А это – вся квантовая теория, все теории объединения и даже классическая электродинамика. Если когда-то исследователь мог непосредственно наблюдать соответствующие явления или движение объектов (эпоха механицизма), которые он изучал (например, движение тел, брошенных с высоты или под углом к горизонту), то в настоящее время исследователь «видит» только через многотонные слои детекторов на ускорителях и т. п. В современных условиях наблюдения ведутся только косвенно, принципиально опосредовано и неявно.

Впрочем, границы познания могут быть не только онтологическими и гносеологическими, но и метафизическими. Многие великие ученые (к примеру, Эйнштейн, Гейзенберг, Шредингер и др.) уделяли метафизическим компонентам важную роль в научном познании (подробнее см.: [5]). Одну из возможных метафизических границ можно сформулировать следующим образом: конечное (человек) не может познать бесконечное. Но конечен ли человек? По-видимому, соответствует действительности утверждение, что человек представляет собой физически конечную систему. Бесконечный же не только количественно, но и, что самое главное, качественно мир отличается от любого конечного объекта своей мощностью, причем не только и даже не столько в смысле мощности множеств. Часть не может познать целое, если их онтологические уровни несопоставимы. Вместе с тем в литературе получили обоснование подходы, в которых предлагается релятивизировать

бинар «множество» и «элемент множества» [6]. Конечен ли человек как субъект познания? Возможно, что именно в этом смысле он не имеет границ. Велико количество причин, задающих далекие от оптимизма футурологические сценарии конечной эволюции человечества. С одной стороны, конец существования (гибель) человечества с необходимостью определяет и конец науки. В самом деле, с исчезновением людей исчезает и сам субъект познания; познавать просто будет некому. Однако с более широкой точки зрения следует рассматривать мир и реальность более сложными в качественном отношении. Так, например, очевиден тот факт, что все, что бы в мире не происходило, – в этом мире же и остается, меняя, правда, формы своего существования. Кроме того, можно со всей логичностью предположить, что то, что произошло, было чисто механистической, примитивной случайностью и навсегда теряется, не отразившись в новых свойствах самого мира.

В этом контексте любопытен вопрос о природе научного знания. В частности, в литературе широко известна концепция третьего мира К. Поппера. Информация, а тем более научное знание, по-видимому, имеют гораздо более глубокую (онтологическую) природу и не сводятся лишь к человекоразмерности или антропоудобству [7, с. 208]. В ряде работ И.А. Акчурина было показано, что различные физические объекты, структуры и пространства имеют различную информационную емкость [8; 9]. Так, к примеру, вода – основа всего живого – обладает максимальной информационной емкостью именно при температуре 36,6 градусов по Цельсию, т. е. нормальной температуре человеческого тела. Пусть и неоднозначны опыты японского исследователя М. Эмото, но они все же свидетельствуют, что вода не является «мертвой» неорганической материей, а способна воспринимать информационно и эстетически насыщенные звуки, например, различным образом реагировать на отличающиеся сигналы и слова и соответствующим образом структурироваться. Как оказалось (и это зафиксировано в исследованиях), каждое пространство, в том числе и абстрактное-математическое, имеет свою информационную емкость [10]. Другими словами, все эти и многие другие нетривиальные и не общепризнанные в научном сообществе данные позволяют, на наш взгляд, предположить, что и научные знания «живут» ещё какой-то другой, пока неведомой нам жизнью и играют в реальности более существенную роль, чем ту, которую мы себе представляем сейчас.

В заключении выделим еще несколько возможных принципиальных ограничений фундаментального познания в области современной физики. К ним можно отнести, в частности, следующие.

1. Возможное существование объектов, принципиально никак не связанных с нашим миром (например, гипотетические тахионы).

2. Существование квантового предела измерений. Напомним, что ещё Гейзенберг в упомянутом нами выше мысленном эксперименте

(микроскопе Гейзенберга) показал, что такой предел действительно существует.

3. Принципиальные экономические ограничения науки (научного познания). Об этом писали С. Вайнберг [11], В.С. Барашенков [12], Дж. Хорган [13] и др.

Итак, познание «границ» и «пределов» познания доступно философии— особой форме духовного опыта человека. По природе своей этой форме общественного сознания присуще стремление к синтезу всех имеющихся форм познавательной активности человека, теснейшая связь с духовной культурой общества. Для нее характерен специфический язык, глубоко личностное отношение к миру. Философия, отличаясь от остальных проявлений человеческого мироощущения, оживляет их всех, придает им гуманистическую направленность, осмысливает для человека. Имеются серьезные основания утверждать, что философия в системе человеческого знания играет генерализирующую роль, приводя его в стройную систему (подробнее см.: [14; 15]). Философствовать означает не просто размышлять о мире, но и вопрошать о самом себе в этом мире, о смысле и целях собственной жизни. Лишь человеческий разум дает интеллектуальную власть над миром и безгранично расширяет диапазон его возможностей и свободы.

Список литературы

1. Маркова Л.А. Подвижность границ и новая онтология // Маркова Л.А. Наука на грани с ненаукой. М.: «Канон+», РООИ «Реабилитация», 2013. С. 154–166.
2. Гейзенберг В. Изменение структуры мышления в развитии науки // Гейзенберг В. Избр. философ. работы: Шаги за горизонт. Часть и целое. СПб.: Наука, 2006. С. 134–142.
3. Гейзенберг В. Физика и философия. Часть и целое. М.: Наука, 1989. 400 с.
4. Мостепаненко В.М., Трунов Н.Н. Эффект Казимира и его приложения // Успехи физических наук. 1988. Т. 156. Вып. 3. С. 385–426.
5. Ахутин А.В. Вернер Гейзенберг и философия // Гейзенберг В. Избр. философ. работы. СПб.: Наука, 2006. С. 536–569.
6. Концепция целостности / И.З. Цехмистро, В.И. Штанько и др. Харьков: Харьковский гос. ун-т, 1987. 223 с.
7. Романовская Т.Б. Объективность науки и человеческая субъективность, или В чем состоит человеческое измерение науки. М.: Наука, 2001. 208 с.
8. Акчурин И.А. Теория элементарных частиц и теория информации // Философские проблемы физики элементарных частиц. М., 1963. С. 338–363.

9. Акчурин И.А. Информационная емкость и микромир // Философские вопросы квантовой физики. М., 1970. С. 240–248.
10. Эмото М. Энергия воды. М.: София, 2007. 128 с.
11. Вайнберг С. Мечты об окончательной теории: Физика в поисках фундаментальных законов природы. М.: URSS, 2008. 256с.
12. Барашенков В.С. Существуют ли границы науки? М.: Мысль, 1982. 207 с.
13. Хорган Дж. Конец науки. СПб.: Амфора, 2001. 470 с.
14. Шестаков А.А. Философия науки: в 2 т. Самара: Изд-во «Самарский университет», 2012. Т. 1. С. 259–292.
15. Шестаков А.А. «Telos» европейской мысли: трансцендентальная традиция как философский опыт спасения человека // Вестник Самарского государственного университета. Гуманитарный выпуск. 1999. № 3. С. 3–10.

KNOWLEDGE AND ITS LIMITS: ONTOLOGICAL, EPISTEMOLOGICAL AND METAPHYSICAL ASPECTS

A.A. Shestakov*, T.G. Stotskaya*, H.I. Mingulov**

*Samara State University of Architecture and Civil Engineering, Samara

**Samara State University of Economics, Samara

The article gradually examines the philosophical content of the notion «margin». With reference to the natural sciences, the authors reveal ontological, epistemological, and metaphysical meaning of this phenomenon. Special attention is paid to the philosophical interpretation of development problems and obstacles on the way of contemporary science evolution.

Keywords: *margin, background of knowledge, science foundations, experiment.*

Об авторах:

ШЕСТАКОВ Александр Алексеевич – доктор философских наук, профессор кафедры социально-гуманитарных наук ФГБОУ ВПО «Самарский государственный архитектурно-строительный университет», Самара. E-mail: shestakovalex@yandex.ru

СТОЦКАЯ Татьяна Геннадьевна – доктор философских наук, профессор кафедры социально-гуманитарных наук ФГБОУ ВПО «Самарский государственный архитектурно-строительный университет», Самара. E-mail: stotskaya@yandex.ru

МИНГУЛОВ Хамзя Ильясович – кандидат физико-математических наук, проректор ФГБОУ ВПО «Самарский государственный экономический университет», Самара. E-mail: mingulov@mail.ru

Authors information:

SHESTAKOV Alexandr Alexeevich – Ph.D., Prof. of the Samara State University of Architecture and Civil Engineering, Samara. E-mail: shestakovalex@yandex.ru

STOTSKAYA Tatiana Gennadievna – Ph.D., Prof. of the Samara State University of Architecture and Civil Engineering, Samara. E-mail: stot-skaya@yandex.ru

MINGULOV Hamzya Ilysovich – Ph.D., vice-president of the Samara State University of Economic, Samara. E-mail: mingulov@mail.ru

УДК 165.9

ФИЛОСОФИЯ И ИСТОРИЯ НАУКИ: МЕСТО ИСТОРИИ МЕДИЦИНЫ В СОВРЕМЕННОМ ВУЗЕ, СОЦИАЛЬНОЕ ОСВОЕНИЕ И ИНСТИТУЦИОНАЛИЗАЦИЯ

В.Ю. Лебедев*, А.В. Федоров**

*ФГБОУ ВПО «Тверской государственный университет», г. Тверь

**ФГБОУ ВПО «Тверская государственная медицинская академия», г. Тверь

Дан анализ исторического процесса медицинской науки в контексте гносеологии и социологии. Предлагается авторская концепция периодизации исторического процесса в медицинских науках в контексте теории и истории познания. Проведен краткий анализ современного социального освоения и институционализации медицинской науки на базе исторического материала, отмечены основные закономерности современной социализации медицины.

Ключевые слова: *история медицины, исторический процесс, институционализация, модели врачевания, евгеника.*

Вопросы о месте и роли преподавания истории науки актуализируются реалиями современной высшей школы: перестройка образования, распределение учебных часов. В силу постепенно сложившейся традиции история науки часто рассматривается как нечто несущественное, некая «виньетка», украшающая основной «текст», источник добавочных знаний, создающих облик интеллектуала, эрудита и т. п., но для дела бесполезных. Сформировалась модель, согласно которой учебные дисциплины распределяются между двух полюсов: на одном пребывает знание, для которого история науки – второстепенный придаток, на другом же все то, где изучение истории и есть уже постижение сути предмета, элиминация истории просто невозможна. Ко вторым относят прежде всего философию. К первому полюсу тяготеют точные и естественные науки, к ним же примкнула и медицина. Очень многие искренне считают, что отсутствие знания истории медицины совершенно не влияет на качество врача. Однако современное состояние науки, очередная смена парадигм и ориентиров ставит нас перед необходимостью новой рефлексии нал тем, чем собственно занимается человек науки, а также все, кто оказался к ней причастен, в том числе и получив высшее образование. Мы попытаемся показать, насколько знание истории науки и, в частности, серьезное внимание к современному периоду, понятому в свете общего системного характера истории, оказывается необходимым для состоятельности такой рефлексии, для получения полноценного и *сознательного* ответа на вопрос: чем мы занимаемся, что мы хотим получить, как и зачем. В будущее науки во всяком случае следует идти с открытыми глазами (ср.: [6]).

Современная медицинская наука представляет собой комплекс знания не только чисто естественно-научного и чисто гуманитарного.

Действуя в рамках системы, выраженной основными концептами: *человек, природа, здоровье, болезнь, смерть, норма, отклонение* современная медицина уже сегодня с полным правом действует еще и в социологическом измерении. Иначе говоря, от медицины клинического случая, медицины *casus morbi*, сегодняшняя медицинская наука перешла к рассмотрению *casus societatis*. Причины этого уже неоднократно назывались: это, с одной стороны, медиализация культуры и общества, с другой – сам исторический процесс медицинской науки, в результате которого медицина вышла на тот уровень, когда не быть наукой «глобального» масштаба она просто не могла. В настоящей статье авторы рассматривают исторический процесс медицинской науки в свете данной концепции. Следует отметить, что большинство поднимаемых вопросов достаточно дискуссионны и многие проблемы из поставленных еще достаточно далеки от разрешения. Это же касается и приведенной ниже периодизации исторических этапов развития медицины. Не претендуя на универсальность, окончательность и идеальность авторской концепции – не только потому, что построение идеальных концепций практически неосуществимая цель, но и в силу неоднородности исторического материала, служащего фактологическим базисом. Так, дело затрудняется разного рода абберациями личностной значимости (мы назвали бы это именно так), когда взгляды выдающегося деятеля в той или иной сфере науки некорректно проецируются на всю эпоху, когда ему пришлось жить, даже если это были взгляды непонятого одиночки. Такие абберации закрепляются и благодаря научной литературе, особенно энциклопедической, невольно превращающей описание истории в описание преимущественно выдающихся людей. Историческая методология избавляется от пережитков «романтической школы» (не будем касаться вопроса о масштабах интеллектуальных искажений, спровоцированных романтизмом вообще, в частности, генерации ряда псевдонаучных построений), история медицины также острее нуждается в ликвидации остатков романтического метода из поля научного дискурса. О методологическом совершенствовании истории науки говорят не только представители классического науковедения (связь науки и истории у Т. Куна [5, с. 198 и след.]), но и историки медицины, указывая, в частности, на необходимость рецепции социологических методов [4, с. 21–37]. Однако методологическая чистка не может быть произведена сразу, так что последствия романтического диктата также становятся препятствиями для построения корректной периодизации.

В силу уже названной нами специфики, между чисто естественно-научной стороной медицинской науки и ее гуманитарными составляющими уже изначально имеется напряжение и рассогласование, хотя бы чисто гносеологическое. Так, гуманитарный подход как принцип исследования подразумевает работу с ценностно-смысловыми характеристиками объекта медицинской науки, порой с полным отрывом от физиологического базиса. В сфере же чисто естественно-научной гумани-

тарный подход подчас вторичен и принимается во внимание *post factum*. Так, эксперименты со вспомогательными репродуктивными технологиями в начале–середине XX в. (И.И. Иванов, С.А. Воронов и др.) изначально представляли собой чисто естественно-научные исследования; их биоэтическое переосмысление началось значительно позже. Более того – порой «чистым естествоиспытателям» приходится идти на уступки «гуманитариям», требующим сокращения или полного запрещения каких-либо технологий. Так, это касается опытов на животных (особенно – «острых опытов», *resp* – вивисекций, в ходе которых животное погибает) или каких-либо «нелицеприятных» медицинских технологий (например, почти полное прекращение заготовки трупной крови). В качестве другого примера – дефицит трупных органов и минимальные шаги в развитии трансплантологии – все это связано с уступками «экспериментаторов» «гуманитариям» и множествами нерешенных биоэтических проблем, когда технологическая готовность опережает моральную готовность общества.

Сегодняшние работы по исследованию медицинского дискурса, медицинской культуры, медицинского исторического процесса – это вектор исследований, направленный на снятие напряжения между гуманитарной и естественно-научной составляющей медицины.

Формирование подобной междисциплинарной проблематики, работа на стыке нескольких областей, пересечение различных дискурсивных полей – одна из важнейших черт неклассической традиции. В данной традиции в аналитику бытия вовлекается социокультурный контекст; и именно в этой традиции выражаются витальные аспекты человеческого бытия (болезнь, здоровье, смерть, жизнь), т. е. то, чем испокон веков занималась сама медицинская наука, но в другом ключе.

В течение всего исторического процесса в медицинской науке происходило смещение акцентов то с естественно-научного поля на гуманитарное, то – наоборот. Это выражалось формулой «лечить больного» либо «лечить болезнь». Сегодня эта проблема выбора не только не снята – она стала еще острее, поскольку в эту проблему выбора включилась еще одна переменная – социум. Точнее говоря, социум присутствовал едва ли не на всех стадиях развития медицины, но сейчас он стал одной из основных переменных в этой системе уравнений (бинарная оппозиция становится тернарной, к ней добавляется член «лечить представителя социума»).

Прежде чем рассматривать современную ситуацию решения этой проблемы выбора, рассмотрим предполагаемую периодизацию истории медицины так, как она видится авторам. То, что данная периодизация не лишена недостатков – это очевидно, но вместе с тем это не причина для отказа от попыток.

Мы сочли возможным выделить следующие периоды:

1. Магический.

Коротко характеризуя этот период, отметим, что магическое сознание, основанное на принципе подобия (желаемое действие можно вызвать подражанием) и принципе взаимосвязи и соприкосновения (предмет, воздействовавший на другой предмет, продолжает в дальнейшем оказывать влияние на судьбу другого предмета даже после окончания воздействия) продуцировало соответствующие правила для медицинской науки. Так, например, лекарь, который должен был унять боль в желудке, катался по полу, корчами и гримасами изображая боль в животе, а потом вставал подобно выздоровевшему больному. Этиология болезни в основном признавалась сверхъестественной, поэтому врачевание включало в себя магические практики. Лечебные свойства лекарственных растений, обнаруженные случайно, также объяснялись присутствием в них определенного сверхъестественного начала. Представления о болезнях было топологическим – их выделяли по страдающему участку тела, патогенетические представления отсутствовали. Примитивные хирургические вмешательства также проводились как магические обряды (данная проблематика подробно разработана в трудах М. Элиаде и А. Ван Геннепа).

Отметим, что остатки магического сознания продолжают оказывать достаточно серьезное воздействие и на современную систему «врач–пациент». Пациенты (в первую очередь невысокого культурного уровня) увлекаются различными альтернативными методами лечения (чего стоит широко известный в интернет-сообществах «доктор Попов» с его лечением огурцами, дающими «силу земли»)¹; врачи же грешат различными приметами. Так, общеизвестно, что медикам, находящимся на ночных дежурствах, запрещено желать «спокойной ночи», поскольку бытует примета, что после такого пожелания ночь будет отнюдь не спокойной. Известно, что хирурги не любят оперировать рыжих, горбатых, коллег и родственников. Такое первобытное суеверие у медиков парадоксальным образом граничит с их скепсисом и агностицизмом.

2. Эмпирический.

В этот период развития медицина активно накапливает данные, получаемые у постели пациента, на аутопсиях, при эмпирическом лечении. Эти данные передаются из поколения в поколение в строжайшем секрете, не осмысляясь и не подвергаясь критике (в случае чистого эмпиризма).

Данный период включает в себя следующие этапы:

А. «Чистый эмпиризм». Наиболее отчетливо этот этап выражен в Александрийской школе медицины, где выделяются два имени чистых эмпириков – Герофила и Эразистрата. На основании многочисленных вскры-

---

¹ Нами наблюдался случай, когда родители не пускали ребенка проститься с умирающей бабушкой, потому что якобы «от нее он может заразиться мертвой энергетикой (sic!) и умереть».

тий трупов и вивисекций осужденных на смерть преступников и рабов они описали достаточно большое количество анатомических образований, при этом делая чисто умозрительные представления о функции этих структур. Многие из выдающихся медиков Древней Греции и Рима также были и философами. Порой на основании эмпирического базиса делались достаточно далеко идущие выводы и строились целые философские системы (таковы философские системы Аристотеля, Гиппократ и др.). Показательно в этом отношении учение о темпераментах, созданное Гиппократом, на основании наблюдения за жидкостями организма (кровь, слизь, черная желчь, желтая желчь) и их балансом в организме.

Б. «Герменевтический эмпиризм». В связи с активным распространением религий (как христианства, так и ислама), в методологии медицины наступает коренной перелом. Отметим основные черты влияния средневековой церкви на медицинскую науку:

- «тело как гробница души» (Платон, диалог «Федон») и «тела ваши суть храм живущего в вас Святаго Духа» (1. Кор. 6. 19–20 – апостол Павел). Артикуляция медицинских проблем шла параллельно богословской рефлексии над гностическими философами и теологами ортодоксальной религии. Так, воспитанный в духе неоплатонизма Августин Блаженный (антропология св. Августина достаточно сложна, и понимать ее следует в контексте с христологией Августина, поэтому данных вопросов мы в настоящей статье специально не касаемся) полемизирует с крайним неоплатонизмом гностического типа, утверждая, что человек есть разумная душа, владеющая своим телом, при этом в своих работах прямо вопрошая «Кто же любит свои оковы?» (вопрос, понятное дело, обращен к гностикам и неоплатоникам). Фактически, отношение к телесному страданию зависело от решения вопроса о природе мира, его благодати или отсутствия таковой. Постепенно в оценке болезни акцент смещался с онтологии (падшесть мира) на божественную педагогику и сотериологию (болезни как наказание, испытание, спасающее средство). Абсолютного единства в отношении к болезням нет до сих пор, часто вопрос «лечиться или нет, если лечиться, то как» оставляется на усмотрение самого человека и его духовника. Здесь можно провести параллель с тем, что нет однозначно всеобщих аскетических практик. Кроме того, аскетические практики в христианстве имеют подчас даже региональные особенности;

- снижение авторитета медицины по сравнению с авторитетом Церкви;

- трактовка большинства болезней (особенно – всех психических) как расплаты за грехи или как действия темных сил. Отсюда следует, что одними из методов лечения становятся молитва, пост и покаяние. Симптомы психических расстройств постоянно рассматривались как признаки одержимости или подобных состояний, порожденных вмешательством нечистых сил. По мере развития медицинского знания вносились уточнения в церковные предписания о применении экзорцизмов (в

сторону сужения их применения и более осторожного подхода в подозрительных случаях), что находило отражение в богословских сочинениях, требниках и т. д., хотя практика немедленного направления на отчитку всех «неадекватных» и до сих пор не редка.

Вместе с тем основная масса средневековых городских и сельских жителей, не вдаваясь в теологические споры, активно пользовалась не только рекомендуемыми Церковью методами, но и методами магическими и алхимическими, подчас синкретически сочетая церковные и парацерковные ритуалы с откровенными заимствованиями из языческой магии (что, впрочем, нередко наблюдается и сегодня). В эту же эпоху появляются и родоначальники всей «малой» хирургии – цирюльники, которые активно пользуют больных до Нового времени.

Отметим, что за счет снижения авторитета медицины и почти полностью отсутствующего санитарного мышления, вкупе с большой скученностью проживающих в городах появляются знаменитые масштабные средневековые эпидемии.

В медицине как науке в этот период активно действуют два начала: с одной стороны, изучение «отцов медицины» (Гален, Гиппократ, Цельс) и их толкование (герменевтический вектор), с другой – еще только начинающая себя проявлять медицина чисто клинического направления. Так, Парацельс, будучи не только медиком, но и алхимиком, называл самого себя «иатрохимиком», говоря, что он «одинаково знает и химию, и медицину». Алхимия как один из этапов развития медицины представляла собой синтез магических воззрений, толкований древних книг и собственного опыта.

В. «Клинический эмпиризм». Данный этап связан с ослаблением диктата Церкви, отменой запрета на вскрытие трупов людей и началом систематического обучения врачей на базе учебных клиник и анатомических театров. Хронологически мы относим этот этап к началу Нового времени. Имеющиеся многочисленные описания случаев начинают складываться в одну нозологию, делаются попытки связать структурные изменения, обнаруженные *post mortem*, с клинической картиной, имевшейся при жизни больного. Этот этап – финальный перед выходом на следующий, клинический, период развития медицины.

3. *Клинический период.* Здесь нами также выделяются три этапа в формировании медицинской науки.

А. «Чистый клиницизм». На данном этапе осмысление имеющегося практического опыта проходит в индуктивном порядке: сходные клинические случаи описываются в отдельной нозологии. Подвести под нозологию базис из фундаментального знания пока еще невозможно (это станет возможно только на следующем этапе), поэтому зачастую приемлем синдромологический подход. Например, обморок, проявляющийся кратковременной потерей сознания на фоне острого падения сердечного выброса и обусловленный кратковременной ишемией го-

ловного мозга, описывается как приступ Морганьи–Адамса–Стокса. Причины его (например, синдром слабости синусового узла; полная атриовентрикулярная блокада) на данном этапе развития медицины установить пока еще не представляется возможным.

Б. «Научный клиницизм». На этом этапе продолжается дальнейшее углубление индуктивного подхода на фоне включения в систему фундаментальных естественных наук. Такая синхронная и диахронная взаимосвязь медицины как прикладной отрасли знания и фундаментальных наук (анатомии, физиологии, биохимии) в конечном счете приводит к формированию ситуации, при которой медицина выступает одновременно как источник для постановки проблем чисто естественнонаучного плана, одновременно являясь и средством решения проблем фундаментальных наук. Так, стремясь открыть причину цинги, пеллагры, рахита и болезни «бери-бери» (чисто медицинская задача), выявили новый класс органических веществ – витамины (достижение фундаментальной науки). Другой пример – открытие Мортонем наркоза, послужившее одним из толчков к исследованию торможения в центральной нервной системе. В противоположном направлении, от фундаментальных наук в клинику, пришло учение Вирхова о клеточной патологии, основанное на клеточной теории Шлейдена–Шванна.

На этом этапе медицина развивается стремительными темпами (сравните арсенал медика XVIII в. и начала XX столетия) и социумом активно мифологизируется. Создается паттерн «всемогущего врача», вооруженного уже не потусторонними силами (как это было в магический период), но вполне реальными научными данными. Сформулированный Артуром Кларком «Третий закон» («Любая достаточно развитая технология неотличима от магии») в этом отношении идеально характеризует данный этап развития медицины.

Буквально до первой половины XX в. медицинская культура с полным основанием может быть отнесена к типу фаустовской культуры (в типологии О. Шпенглера). Вместе с тем уже на рубеже XIX–XX вв. начинают активно проявляться черты того кризиса полноты жизни, о котором пишет Шпенглер. Связано это с растущим напряжением между рациональностью (кризис рациональности – в терминах Шпенглера) и утраченной подлинностью существования человека (иррациональным). В философии происходит осознание того, что разум, выступавший как основная движущая сила последних двух столетий, уже не способен проявить себя как гарант прогресса. Этот «перекос» в сторону рациональности создавал все больше и больше проблем в духовной сфере.

Попытки найти выход из этого кризиса в медицинской культуре приводят к появлению третьего этапа развития медицинской науки:

В. Социальный клиницизм. Данный этап можно было бы обозначить лозунгом: «Врач – не только ученый, но и Человек». Многие из медиков понимают, что, будучи всемогущими в лаборатории, они ока-

зываются беспомощными у постели больного. Показательны в этом отношении «Записки врача» В. Вересаева: «Но что же, чем во всем этом может помочь наша медицина? Какая цена ее жалким средствам, которыми она пытается чинить то, что так глубоко уродуется жизнью?.. Великий человек висит на кресте, его руки и ноги пробиты гвоздями, а медицина обмывает кровавые язвы арникой и кладет на них ароматные припарки...» [1, с. 125].

На фоне продолжающегося кризиса общеевропейской культуры медицина пытается решать вопросы, которыми до этого она занималась лишь отчасти: помимо газетной полемики, развернувшейся позже вокруг «Записок врача», в диалогах общества и медицины появляются следующие темы: право врача на эксперимент, право на врачебную ошибку и даже – право на исследование феномена гениальности в медицинском ключе, берущие начало в работах Чезаре Ломброзо и оформившиеся в ингиениологию².

Этот взаимный диалог медицины и социума привел к тому, что медицина, которую активно упрекали в оторванности от мира, начала активно «социализироваться», а вскоре – даже активно потакать государственным интересам. Медицину в прямом смысле этого слова взяли на вооружение все основные сверхдержавы (в первой половине XX в. особенно в этом отличились фашистская Германия и Япония). Этот довольно печальный феномен не нов: в Первую мировую войну воюющие державы активно использовали работы Нобелевского лауреата Фрица Габера; во Вторую мировую и после нее все основные наработки ведущих ученых так или иначе пытались использовать в военных целях. Широко известный тезис, что война выступает двигателем прогресса, в данном случае полностью применим к медицинской науке того времени.

После капитуляции фашистской Германии и Нюрнбергского трибунала, когда были открыты факты массовых экспериментов на людях, общество осознало, что научный прогресс, основанный на огромном количестве человеческих жертв – это катастрофа. С этого момента осознания медицины как орудия с чрезвычайными возможностями и понимания необходимости ее социального регулирования берет начало четвертый период развития медицинской науки, который продолжается до сих пор.

4. Период социального освоения и институционализации медицины.

На этом периоде своего развития естественно-научная и гуманитарная стороны медицины вкуче с социумом составляют единое поле, характеризующееся следующими чертами:

1. Унификация и стандартизация медицинской науки. Методики лечебно-диагностического процесса жестко выверены и стандартны. Их

---

² Дискуссии о феномене гениальности с позиций медицины пришли в Россию вместе с работами Ч. Ломброзо и нашли здесь огромное количество поклонников (для примера – страстный поклонник идей Ломброзо, невролог и психиатр В.Ф. Чиж (1885–1922).

верификация проходит по критериям доказательной медицины (методологические основы доказательной медицины – чрезвычайно интересная и дискуссионная тема, которой мы в настоящей статье не касаемся. Желающих отсылаем к имеющимся по этой проблеме работам), и применимость или неприменимость их может быть установлена только в результате исследования крупных статистических выборок.

2. Сверхспециализация и технократизм. Специальная дифференциация является неизбежным следствием накопления знаний, но порождает и естественные проблемы. Можно вспомнить реплику хирурга о том, что вслед за клиникой ортопедии кисти появится клиника болезней концевой фаланги третьего пальца кисти [3, с. 146]. Но вместе с тем наблюдается и дифференциация преимущественно организационная. В настоящее время невозможно представить себе весь лечебно-диагностический процесс в руках одного человека, даже для установления «простых», казалось бы, диагнозов, необходимо взаимодействие нескольких специалистов или медицинских подразделений (клиническая и биохимическая лаборатория, отделение лучевой диагностики, отделение функциональной диагностики, смежные специалисты, фармацевтические подразделения, и т. д.). Постановка диагноза и назначение лечения все менее зависит от одного врача, его права в выставлении такого диагноза более или менее строго ограничиваются (так, специалисты по ультразвуковой диагностике избегают формулировок диагноза, а подтверждают лишь «наличие признаков»). Уровень диагностики подчас определяется наличием дорогой технической базы, а для наличия этой базы нужно вступить в коллектив, который должен быть легализован обществом. Имеющийся ранее (в начале XX в.) институт частнопрактикующих врачей-одиночек сегодня представить себе достаточно проблематично (в первую очередь это касается врачей-интернистов). Частные кабинеты врачей-офтальмологов, стоматологов сегодня не в состоянии оказать требуемую порой медицинскую помощь в полном объеме. Деятельность частнопрактикующего офтальмолога-одиночки вообще связана с подбором очков или контактных линз, поэтому зачастую он работает рядом с оптикой; частнопрактикующие стоматологи же оказывают лишь терапевтическую стоматологическую помощь; представить себе, скажем, экстракцию зуба в частном стоматологическом кабинете невозможно; данную процедуру проведут только в стоматологических клиниках. Частнопрактикующий психотерапевт оказывает только психотерапевтическую помощь; назначать лекарственные препараты он имеет право либо после получения соответствующей лицензии, либо – принимая как врач-психотерапевт в амбулаторном учреждении психиатрической службы. При этом карательные санкции за превышение лечебных полномочий становятся все более устрашающими.

3. Изменение мифологических представлений о враче. Вместо слегка чудаковатого ученого-практика перед нами служащий-эксперт,

всемогущество которого не только не магическое, но и не сциентистское, это всемогущество административное.

4. Еще одной характерной чертой является подконтрольность врачей. Если раньше врач боялся утратить престиж или практику из-за падения спроса, то сейчас источником опасности являются комиссии, проверки, доносы, от которых никакой объективности не ждут, их деятельность самоценна.

5. Проблему усугубляет информатизация общества. Медицинская практика старого типа исчезла, при этом все усиливается зависимость от медицинской экспертизы в важнейших делах, имеющих социальное измерение (от среднестатистического работающего человека требуют предоставить все больше и больше справок и иных документов медицинского характера, что в первую очередь создает благоприятные условия для надзора и манипулирования).

6. Закономерный кризис доверия к медицине. На практике это выражается в обращении к иным технологиям заботы о здоровье, их выбор – от вульгарного самолечения по медицинской литературе до упаривания урины, обращения к силе земли, чистки замусоренных астрально-ментальных чакр, изгнания кишечных черепашек и так далее – зависит от культурного уровня субъекта, разочарованного в медицине и примкнувшего к антимедицинской контркультуре.

7. Незащищенность медицинских работников (социальная и юридическая). Данная особенность следует из всего вышесказанного: помимо падения престижа профессии, девальвации социального положения врача и закономерного кризиса доверия к медицине вообще и к медикам в частности имеет место также и стремление «засудить» врачей. Нередко судебные тяжбы против медиков ведутся с презумпцией «пациент всегда прав», а полностью отсутствующий институт грамотных адвокатов, способных вести дела, связанные с оказанием медицинской помощи, и отсутствие возможности страхования профессиональной ответственности делают врача «крайним» в большинстве дел (примером этого может служить широко обсуждаемое в СМИ и Интернете дело медбрата Станислава Чириманова) (см., напр.: [7]). Меры по введению договорной модели медицинского обслуживания во многом провоцируют подозрительность и сутяжничество.

8. Сильнейшая зависимость медицины от ресурсов (в том числе – и от возможностей пациента). Социальное расслоение между «медициной для бедных» и «медициной для богатых» существовало всегда, но в современном обществе оно выражено особенно. Это связано не только с неодновременностью развития медицинской науки в разных регионах мира, но и с ярко выраженным «медицинским туризмом», который могут себе позволить только люди достаточно состоятельные. Подавляющее же большинство не имеет ни средств, ни возможностей лечиться за рубежом. Особенно это касается людей старшего поколения, в которых еще с со-

ветских времен остался миф о «бесплатности и общедоступности медицины». Последние достижения мировой медицины (развитие трансплантологии, генотерапия, терапия стволовыми клетками, высокоточные хирургические вмешательства) известны, но в большинстве своем недоступны современному россиянину. Такой гигантский разброс: пациент читает в газетах о роботоконплексе Da Vinci, находясь где-нибудь в ЦРБ, где до сих пор кипятят шприцы. Эта ситуация порождает антимедицинские настроения, причем как среди пациентов, так и среди врачей.

Такое положение дел позволяет прогнозировать автократизацию и социальную прагматизацию медицины и соответственно усиление антимедицинских настроений, если, конечно, сама медицина не воспользуется теми силовыми резервами, которые ей дала социальная институционализация.

Произошла радикальная деприватизация медицины, диагностика (фундаментальный акт медицины старой, традиционной) трансформировалась в экспертизу. Закономерный вопрос о сохранении медицинской тайны сегодня по-прежнему актуален. Если ранее о факте обращения, диагнозе и методах лечения знал лишь один врач, сегодня разрозненную информацию о пациенте можно получить из совершенно разных источников: начиная от санитарки приемного отделения или регистратора поликлиники до заведующего отделением и главного врача. Широко применяемая как средство сохранения медицинской тайны кодировка диагноза по МКБ-10 вряд ли может рассматриваться как серьезное препятствие к получению информации: все данные МКБ находятся в открытом доступе в Сети. Об информационной безопасности локальных компьютерных сетей в ЛПУ сегодня также не приходится говорить: современные технологии хакерства позволяют при желании «взломать» все что угодно, не говоря уже о возможности получить все данные о том или ином пациенте.

Едва ли не первым случаем разрушения традиционной модели («врач приходит, если зовут; врачевание носит почти всегда приватный характер» сменяется «приходом врача тогда, когда это определил социум») стала евгеника. Гальтоновский проект уже подразумевал социальную недобровольность, точнее, социальную гигиену, осуществляемую в недобровольном порядке. Часто встречается мнение, что евгенический проект в первоначальном своем виде не состоялся, все рациональное, что в нем содержалось, перешло в русло медицинской генетики, а возрождение евгеники происходит только в новом тысячелетии, при ином уровне знаний и биотехнологий (хотя Ф. Фукуяма замечает, что «над всей генетикой издавна висит призрак евгеники» [6, с. 340]). Мы позволим себе не согласиться с этим. Помимо инициирования евгенических законов в ряде государств, евгенический проект оказался успешным, поскольку поменял медицинскую ментальность и, в итоге, самым решительным образом поспособствовал рождению новой модели медицины.

Евгеника в данный момент намерена взять реванш, но остаются нерешенными проблемы, очерченные почти век назад тем же Н.К. Кольцовым: совершенно непонятно, что и каким образом будет сочтено нормой, а что отклонением. Активно продвигаемые для обсуждения сегодня идеи постгуманизма имеют под собой базис в виде возможной реализации евгенического проекта. Рассматриваемые в рамках идей постгуманизма возможности усиления интеллекта, создания искусственных органов человеческого тела, интеграцию сознания человека в компьютер, киборгизацию в конечном счете ведут к формированию нового типа человека, а данный процесс есть не что иное, как евгенический проект (ср.: [2]). При этом согласия самих людей никто, кажется, спрашивать не собирается. Такое формирование «нового типа» не может пройти «все и сразу», поэтому если идеи постгуманизма получат активное практическое распространение, то неизбежен конфликт между существующими людьми и продуктом «нового типа». Чем закончится этот конфликт, остается только догадываться.

Фактически, евгеника более напоминает инструмент, способный оказаться в любых руках, ее собственная программа (общетеоретическая, точнее, общегуманитарная, социальная) довольно схематична и сохраняет в себе многие иллюзии позапрошлого века с его верой в прогресс и социальным оптимизмом. Однако же та модель отношений врача и пациента, ценностных ориентиров медицины, которыми и характеризуется современный этап ее истории, появилась в значительной мере благодаря ей. Насколько сложившееся положение дел может быть изменено, что в состоянии понять и принять для себя медик, рефлектирующий свою деятельность, насколько он вообще способен к такой рефлексии, – это зависит и от серьезного изучения истории науки³.

Список литературы

1. Вересаев В.В. Записки врача. СПб.: Лениздат, 2013. 223 с.
2. Глэд Д. Будущая эволюция человека. Евгеника XXI века. М.: Захаров, 2005. 176 с.
3. Деген И. Портреты учителей. Тель-Авив: Б.и., 1992. 219 с.
4. Дернер К. Гражданин и безумие. М.: Алетейя, 2006. 544 с.
5. Кун Т. После «Структуры научных революций». М.: АСТ, 2014. 443 с.
6. Фукуяма Ф. Наше постчеловеческое будущее. М.: АСТ, 2008. 349 с.
7. Сухова И.-Л. Медик снова забил пациента до смерти. Расследование скандального случая в новгородской больнице: улики нет, но приговор есть — 9 лет колонии [Электронный ресурс] //

---

³ Статья выполнена в рамках исследовательской программы Лаборатории междисциплинарных биосоциологических и биофилософских исследований (Российское философское общество).

<http://www.mk.ru/incident/2014/05/23/medik-snova-zabil-patsienta-do-smerti.html> (дата обращения – 01.06.2014).

PHILOSOPHY AND HISTORY OF SCIENCE: THE ROLE OF THE HISTORY OF MEDICINE IN CONTEMPORARY UNIVERSITY, SOCIAL DEVELOPMENT AND INSTITUTIONALIZATION OF MEDICIN

V.Yu. Lebedev*, A.V. Fedorov**

*Tver State University, Tver

**Tver State Medical Academy, Tver

The paper is focused on the study of the historical development of medical science in the context of the epistemology and sociology. It offers the authors' approach to periodization of the historical process in medical sciences in the context of history and theory of knowledge. Contemporary social development and institutionalization of medical science on the basis of historical material, as well as the basic regularities of modern socialization of medicine are briefly analyzed.

Keywords: *history of medicine, the historical process, institutionalization, models of the treatment, eugenics.*

Об авторах:

ЛЕБЕДЕВ Владимир Юрьевич – доктор философских наук, профессор кафедры социологии ФГБОУ ВПО «Тверской государственный университет», Тверь. E-mail: Semion.religare@yandex.ru

ФЕДОРОВ Алексей Васильевич – студент ГБОУ ВПО «Тверская государственная медицинская академия», ассистент Лаборатории междисциплинарных биосоциологических и биофилософских исследований (Российское философское общество), Тверь. E-mail: doctorfedorov100@rambler.ru

Author's information:

LEBEDEV Vladimir Yurievich – Doctor of Philosophy, Professor of Sociology Dept., Tver State University, Tver. E-mail: Semion.religare@yandex.ru

FEDOROFF Alexey Vasilievich – Tver State Medical Academy, student. Assistant of the laboratory of multidisciplinary research in biosociology and bio-philosophy (Rissians Phylosophical society). E-mail: doctorfedorov100@rambler.ru

УДК 613.94

БИОМЕДИЦИНСКАЯ ЕВГЕНИКА НА СОВРЕМЕННОМ ЭТАПЕ ЧЕЛОВЕЧЕСКОЙ ЭВОЛЮЦИИ

Р.Н. Башилов, С.М. Башилова

ГБОУ ВПО «Тверская государственная медицинская академия», г. Тверь

Анализируется возрождение евгенических идей при помощи современных биотехнологий, которые способны улучшить биологический потенциал будущих поколений. Показаны цели и проблемы биомедицинской евгеники как современного этапа эволюции человека. Сделана попытка описать перспективы и опасения современной науки.

Ключевые слова: *евгеника, биотехнологии, генная инженерия, эвтаназия, аборт.*

Актуальность данной темы определяется появлением новых возможностей реализовать бесконечное стремление человечества совершенствовать свои физические и интеллектуальные качества.

Современные биотехнологии и практики здравоохранения способствуют возрождению основных идей евгенического движения.

Напомним, что понятие «евгеника» (от греч. *eugenes* — «хорошего рода», «породистый») обозначает учение об искусственной селекции применительно к человеку, а также о путях улучшения его наследственных свойств.

Можно утверждать, что в настоящее время роль естественного отбора в человеческой популяции значительно уменьшилась. Мощное развитие медицины привело к тому, что, во-первых, увеличилась продолжительность жизни, во-вторых, снизилась младенческая смертность. Все эти на первый взгляд позитивные показатели ведут к ухудшению человеческого генофонда. Развитие медицины привело к увеличению хронических заболеваний и накоплению генетического груза у пожилых людей, еще способных производить потомство, а выхаживая детей с низким показателем жизнеспособности, мы получаем человека с низким уровнем здоровья.

Основную идею евгенического движения можно обозначить фразой – больной человек вряд ли может иметь здоровое потомство.

Идеологи евгеники предлагают бороться с явлениями вырождения человеческого генофонда, заменяя естественный отбор искусственным (социальным) отбором.

Евгенисты предупреждают о том, что нужно осознать нашу ситуацию в физическом мире – как биологических существ. По их мнению, если мы хотим выжить как вид и обрести некую более высокую философскую значимость, чем остальные животные, у нас нет другого выбора кроме как подчинить свое поведение интересам будущих поколений

и регулировать рождаемость, руководствуясь принципами, неоспоримыми для всех остальных биологических видов, т. е. заменить естественный отбор научным [2]. Отец евгеники сэра Фрэнсиса Гальтона писал: «То, что природа делает слепо, медленно и безжалостно, человек может делать осмотрительно, быстро и гуманно... Работать в этом направлении – его долг» [8, р. 45].

Классическая медицина сегодня в основном заботится о уже живущих людях, а евгеника – о благе будущих поколений.

Выделяют два вида евгеники – негативная и позитивная евгеника.

Цель позитивной евгеники – повышение рождаемости у генетически полноценных людей и индивидов, обладающих сверхспособностями, путем финансового стимулирования, целевых демографических анализов, искусственного оплодотворения, пересадки яйцеклеток, клонирования и т. д.

Негативная евгеника, направленная на снижение рождаемости среди генетически неполноценных с помощью семейных консультаций, предусматривает, в частности, своевременное прекращение беременности, стерилизацию или эвтаназию.

Однако современные биотехнологии нивелируют границы между позитивной и негативной евгеникой.

Евгеника развивала в основном негативное направление, которое носило дискриминационный характер. В настоящее время можно говорить о новом витке интереса к евгеническому движению. Это связано прежде всего с развитием биотехнологий – биомедицинская евгеника.

Очевидно, что сегодня евгеника должна руководствоваться современными биоэтическими требованиями, согласно которым интересы отдельного человека стоят выше интересов государства и науки, необходимо максимально соблюдать права пациентов и испытуемых при применении новых технологий. Таким образом, биомедицинскую евгенику с большим основанием можно считать либеральной евгеникой.

По мнению Ю.В. Хен, «современная евгеника – это евгеника либеральная, ориентированная не на абстрактные интересы расы или государства, а на представление отдельных граждан о том, каким они хотят видеть своего ребенка. Таким образом, мы обходим максималистскую постановку вопроса традиционной критики евгеники, основывавшейся на том, что для осуществления евгенического проекта необходимо сначала прояснить точное значение понятие “человек” и только потом строить некий абстрактный идеал» [6]. Это кардинальным образом отличается от идей классической евгеники, целью которой являлось улучшение генофонда наций. Биомедицинская евгеника удовлетворяет потребности отдельного человека, семьи в рождении более совершенных детей. При этом не создаются искусственные условия для реализации данных проектов, не нарушается свобода выбора в рамках репродуктивного здоровья.

Конечно, сегодня на практике реализуется лишь часть биотехнологий, способная улучшить генофонд населения. Более действенные технологии находятся на стадии разработки, испытания или уже внедрения.

Современными практиками биомедицинской евгеники можно считать:

- евгеническая эвтаназия детей с дефектами развития;
  - искусственные аборт на основании выявленных дефектов при пренатальной диагностике;
  - тотальный скрининг новорожденных на генетические дефекты, а последующая коррекция этих дефектов дает возможность им доживать до репродуктивного возраста;
  - планирование семьи с рекомендациями избегать деторождения носителям генных дефектов;
  - биометрическое обследование молодых людей для выявления уровня здоровья, физического развития, наследственных дефектов, которые проявляются в позднем возрасте;
  - составление банка спермы и яйцеклеток генетически здоровых людей.
- Кроме этого к перспективным мероприятиям можно отнести:
- генную терапию (введение в организм генов, восполняющих продукцию «сломанных» генов);
  - коррекцию генома яйцеклеток перед имплантацией;
  - репродуктивное клонирование (имплантация ядра соматической клетки здорового родителя, если другой несет генные дефекты);
  - терапевтическое клонирование (потребление клонов для трансплантации органов);
  - широкое применение суррогатного материнства.

По большому счету пренатальная диагностика и искусственный аборт, как евгенические технологии, тесно взаимосвязаны. Пренатальная диагностика, целью которой является дородовое выявление у эмбрионов и плодов наследственной и врожденной патологии, служит прямым показанием к преждевременному прерыванию беременности.

В нашей стране каждая беременная женщина обязана на определенных сроках беременности пройти ультразвуковое обследование. А если у врачей возникнет подозрение патологии плода, то будут произведены более инвазивные методы диагностики.

Определенно пренатальная диагностика носит явный евгенический характер, потому что вместе с абортом направлена на снижение генетического груза в популяции в целом.

Сегодня в нашей стране данные евгенические технологии входят государственную программу по борьбе с младенческой смертностью и признаются высокорентабельными. Так, «отдача на каждый затраченный

рубль на пренатальную диагностику составляет не менее 9–10 рублей. Достаточно заметить, что содержание только одного ребенка с болезнью Дауна стоит государству не менее 150 000 рублей в год, и это при средней продолжительности жизни такого больного около 26 лет!» [3, с. 49].

Высокодоходной могла бы стать легализация эвтаназии как реализация евгенического проекта. Но в данном случае дело обстоит по-другому.

Бесспорно, что между евгеникой и движением за право на смерть существует тесная связь: они исходят из убеждения, что ценность жизни – не в жизни как таковой, а в ее качестве. Хотя применительно к евгенике говорить нужно скорее только о детской эвтаназии, потому что взрослые люди, имеющие неизлечимые заболевания, вышли из репродуктивного возраста, да и ни о каком потомстве думать не будут. Так, в 2014 г. впервые легализована детская эвтаназия в Бельгии.

Легализовать евгеническую эвтаназию в России в современных условиях достаточно проблематично, так как общество не готово к конкретным шагам в этом направлении: ни морально, ни материально. Одним из главных условий легализации эвтаназии должно быть то, что общество достигло бы такого уровня, когда экономический фактор будет вообще исключен из перечня возможных причин применения.

Особое значение в евгеническом движении в ближайшем будущем будет играть самая революционная биотехнология – генная инженерия. Уже сегодня при использовании новых репродуктивных технологий можно выбрать пол ребенка, спланировать его фенотип. Генная инженерия в скором времени, манипулируя генами, будет закладывать интеллектуальные, физические способности, формировать личность человека за счет биологического компонента.

Такое конструирование человека таит в себе массу опасностей, о которых можно только догадываться. Потому что сегодня, впервые за всю историю человечества, генная инженерия действительно располагает средствами, которые «дают возможность в принципе и в обход этических рамок осуществить селекцию людей. Новые техники позволяют обходить старые этические возражения либо устранять их как иррациональное сопротивление. Усовершенствование человеческого вида попадает в сферу технически осуществимого и граничит с областью преступного. Эти перспективы в свете стремительного прогресса репродуктивных техник и генетики обретают неизвестную доселе общественную актуальность» [9, s. 15].

Современное евгеническое движение сталкивается с целым рядом этических проблем. Главные из них – это, во-первых, вопрос о допустимости вмешательства в естественный ход размножения, во-вторых, проблема выбора человека или группы людей, которым будет доверено решать вопросы селекции человечества, т. е. кто достоин

дальнейшей жизни, а кто нет, кого наделять правом иметь потомство, а кому отказывать в данном праве.

Как определить критерий, по которому будет сделан выбор людей подлежащих отстранению от размножения? Каковы те точные признаки, на основании которых можно выделить «неприспособленного», достойного «агрегирования» или «эвтаназии»?

А также всегда будет стоять неприятный вопрос – это проблема судьбы выбракованных особей: следует ли обходиться с ними так же, как с бесперспективным приплодом племенного скота, памятуя о высшем общественном благе, или ценность человека рассчитывается по каким-то отличным от остального животного мира критериям и не допускает утилизации даже совершенно бесполезных для общества граждан [6].

Юрген Хабермас в книге «Будущее человеческой природы. На пути к либеральной евгенике» делает вывод о том, что «изменяющие генную структуру евгенические вмешательства способны изменить всю структуру нашего морального опыта» [5, с. 11].

Философ также задает следующие вопросы: «Сможем ли мы рассматривать самих себя как ответственных авторов истории своей жизни и уважать других лиц как “равных нам по происхождению?”; «Сможем ли мы рассматривать генетическую самотрансформацию вида как путь к росту автономии отдельного человека – или мы подорвем на этом пути нормативное самопонимание личностей, ведущих свою собственную жизнь и оказывающих друг другу равное уважение?» [5, с. 11–12].

Необходимо признать, что вопрос о применении современных евгенических биотехнологий глубоко политизирован.

«Современные евгеники, – пишет П. Вайнгарт, – содействовали политизации своей дисциплины (примерно с 60-х гг.) на основе той же ошибки, в совершении которой они обвиняли старых евгеников. Они снова обещали больше, чем позволяло их знание, и снова это предполагало взятие на себя ответственности за улучшение человечества, на сей раз путем прямого вмешательства в процесс наследования, то есть брались управлять человеческой эволюцией на основе рационального знания» [9, с. 651].

Данную ситуацию подтверждают ведущие российские специалисты в области биоэтики философы Б.Г. Юдин и П.Д. Тищенко, считая, что, например, проект «Геном человека» уникален не только по масштабам, но и в том специфическом отношении, что «впервые осуществление столь грандиозного естественнонаучного исследования производится одновременно с проработкой моральных и правовых проблем, возникающих или могущих возникнуть в процессе исследования или в связи с практическими приложениями его результатов» [7, с. 9]. А также: «Проект “Геном человека” создает чрезвычайно важный прецедент для развития науки и ее взаимодействия с обществом, поскольку в этом случае реализация крупного международного научного проекта не только идет од-

современно с исследованием социальных последствий его разработки, но нередко и финансируется из того же источника» [4, с. 12].

Сам факт публичного признания того, что финансирование способно влиять на ход научных разработок, тоже является показателем серьезных изменений в структуре науки, которые П.Д. Тищенко «суммирует в понятии “другой науки”, парадоксальным образом сочетающей фундаментальные исследования, коммерческую деятельность и шоу-бизнес» [4, с. 17].

Таким образом, биомедицинская евгеника несет в себе опасности различных видов: биологического, связанного с последствиями уменьшения генетического разнообразия, «социальный» страх – страх оказаться жертвой государственного произвола, а также этического – трансформация моральных суждений и нравственного поведения.

Исходя из вышесказанного, можно заключить, что значение биоэтического движения заключается в определенной позиции объяснения и конструирования социально ответственного и безопасного поведения субъектов в условиях становления иных типов самости и самоидентификации, в условиях новых видов социального риска, заданных новыми «техниками» жизни, новейшими «продуктами» биотехнологий [1].

Развитие биотехнологий инициирует необходимость в дополнении принципа уважения свободы принципами уважения целостности и достоинства индивида.

Список литературы

1. Башилов Р.Н. Проблема социальной ответственности в дискурсе биоэтики: дисс. ... канд. филос. наук. Тверь, 2005. 164 с.
2. Глэд Д. Евгеника двадцать первого века. Будущая эволюция человека. М.: Захаров, 2005. 176 с.
3. Пренатальная диагностика в акушерстве. Современное состояние, методы и перспективы: метод. пособие. / НИИ акушерства и гинекологии им Д.О. Отта РАМН. СПб.: Изд-во Н-Л, 2002. 63 с.
4. Тищенко П.Д. Биовласть в эпоху биотехнологий. М.: ИФ РАН, 2001. 177 с.
5. Хабермас Ю. Будущее человеческой природы. На пути к либеральной евгенике. М.: Весь мир, 2002. 144 с.
6. Хен Ю.В. Евгенический проект: «pro» и «contra». М.: ИФ РАН, 2003. 252 с.
7. Этико-правовые аспекты проекта «Геном человека». М.: РНКБ РАН, 1998. 190 с.
8. Galton F. Eugenics, Its Definition, Scope, and Aim // Sociological Papers. 1905. № 1. P. 45–50.
9. Weingart P., Kroll J., Bajertz K. Rasse. Blut u. Gene. Frankfurt a/M. 1988.

BIO-MEDICAL EUGENICS ON THE CONTEMPORARY STAGE OF HUMAN EVOLUTION

R.N. Bashilov, S.M. Bashilova

Tver State Medical Academy, Tver

The article examines the revival of eugenic ideas on the basis of contemporary biotechnology that can improve the biological potential of future generations. Attempting to describe the perspectives and concerns of contemporary science, it reveals the goals and problems of bio-medical eugenics as specific for the contemporary stage of human evolution.

Keywords: *eugenics, biotechnology, genetic engineering, euthanasia, abortion.*

Об авторах:

БАШИЛОВ Роман Николаевич – кандидат философских наук, доцент кафедры философии и психологии с курсами биоэтики и истории Отечества ГБОУ ВПО «Тверская государственная медицинская академия», Тверь. E-mail: bashilov.r@mail.ru

БАШИЛОВА Светлана Михайловна – кандидат философских наук, ассистент кафедры общественного здоровья и здравоохранения с курсом менеджмента ФПДО, ГБОУ ВПО «Тверская государственная медицинская академия», Тверь. E-mail: repina.c@mail.ru

Authors information:

BASHILOV Roman Nikolaevich – Ph.D., Assoc. Prof. of the Dept. of Philosophy and Psychology with the courses of Bio-ethics and Russian history, Tver State Medical Academy. E-mail: bashilov.r@mail.ru

BASHILOVA Svetlana Mikhailovna – Ph.D., Assistant Prof. of the Dept. of Public health and medicine with the course of medical institutions management, Tver State Medical Academy. E-mail: repina.c@mail.ru

УДК 165.3

ПРОБЛЕМА ЭМПИРИЧЕСКОГО И ТЕОРЕТИЧЕСКОГО В КОНТЕКСТЕ СТАНОВЛЕНИЯ ТЕОРЕТИЧЕСКОЙ БИОЛОГИИ

А.А. Шестаков*, Т.Г. Стоцкая*, Х.И. Мингулов**

*ФГБОУ ВПО «Самарский государственный архитектурно-строительный университет», г. Самара

**ФГБОУ ВПО «Самарский государственный экономический университет», г. Самара

Статья посвящена анализу специфики теоретического и эмпирического в биологии. Особое внимание уделяется рассмотрению изменения методологического инструментария биологии в процессе ее исторической эволюции.

Ключевые слова: эмпирическое, теоретическое, научное познание, методы научного исследования.

Проблема «эмпирическое-теоретическое» всегда была в центре внимания методологии науки, как западной, так и отечественной. Более того, говоря о последней, можно с уверенностью констатировать, что разработка этого проблемного комплекса стала одним из достижений философско-методологической мысли. Особый вклад в постановку и разработку этой проблематики внесли В.С. Швырев, В.С. Степин, В.С. Черняк, М.А. Розов, Е.П. Никитин, Е.А. Мамчур и многие другие исследователи (см., напр.: [1; 2; 3]). Подчеркнем, что рассматриваемая проблема получила не только, так сказать, «рамочное» рассмотрение – в общей структуре идей и проблем философии и методологии науки, но и была плодотворно раскрыта на конкретном материале естествознания. Видимо, в силу своего доминирующего положения упор пришелся на физику и сопредельные ей дисциплины (см.: [4]). Хотя, конечно, различные аспекты взаимосвязи эмпирического и теоретического были рассмотрены на примере и других естественно-научных дисциплин, и биологии в частности (см.: [5; 6; 7]).

Свойственное современности активное развитие биотехнологий, приобретшая широкий общественный резонанс проблема клонирования обострили интерес к философско-мировоззренческим аспектам развития биологии и, в частности, к осмыслению ее становления и развития в аспекте взаимосвязи категорий «эмпирическое» и «теоретическое». Говоря предельно широко, мы можем утверждать, что сам феномен соотношения эмпирического и теоретического обусловлен целой совокупностью факторов – от сугубо внутринаучных и междисциплинарных до социокультурных. В осмыслении этого вопроса надо иметь в виду и существенно отличающиеся темпы теоретизации, существующие в корпусе знаний той или иной научной дисциплины. Что же касается конкретно биологии, то известно, что период ее теоретизации существенно от-

ставал от развитых к тому периоду наук – механики, физики или химии. Еще до стадии теоретизации в трудах по биологии проявились своего рода прообразы исследовательских программ, это были натурфилософские представления, имевшие соответствующую времени логическую валидность (см. подр.: [8]).

Итак, чтобы корректно осмыслить эвристическое значение в научном исследовании теории и эксперимента, необходимо ответить на вопрос, какова основная когнитивная задача той или иной науки? В самом общем виде можно было бы ответить так: основной задачей является расширение знаний о мире и углубление рефлексивного их осознания. Что и говорить, первобытный человек знал, видимо, огромное количество фактов, связанных с его практической жизнедеятельностью. В своей жизни он сталкивался с гораздо большим количеством животных и растений, чем современный биолог, но он, что естественно, видел одних и тех же представителей животного и растительного мира, которые были характерны для мест его обитания, досконально знал их повадки и внешний вид, совершенно не вникая в закономерности их жизнедеятельности, видовой состав и т. д. Что же касается ученого, то ему важно не только *описать* имеющиеся факты, но и раскрыть связи между ними, выявить закономерности, определяющие, к примеру, в биологии основные этапы жизни, развития и смерти. Описание, как известно, – это лишь начало познавательного пути. Тогда как интерпретация выступает предпосылкой понимания фактов и установления связей между ними. Врач с помощью фонендоскопа, как известно, слышит шумы сердца, но посредством этого прибора их может расслышать и любой человек. Проблема в том, что врач определенные шумы квалифицирует как, например, показатель порока сердца, чего обычный человек не может сделать.

Биология, как известно, занимается изучением целостных органических систем. Из-за сложности изучения такого рода систем ученые использовали различные методы. Нередко в истории развития этой науки появлялось искушение объяснить эффекты органической целостности (холистичности) действием различных нематериальных факторов. Понятно, что такое истолкование противопоставлялось односторонности механистического материализма, не способного прийти к объяснению целостности органической жизни. Идеалистические ориентиры вели к признанию нематериальных факторов, или сил (вспомним, на пример, идеи витализма – *архей* Парацельса, *доминанты* Рейнке), активной, не зависимой от материи *формы* (Аристотель и его последователи), таинственного поля (А.Г. Гурвич) или внутренних законов развития (номогенез Л.С. Берга). Неясность в истолковании «механизмов» передачи признаков по наследству привела к многолетнему противостоянию теоретических программ преформизма и эпигенеза, признания или отрица-

ния наследуемости прижизненно приобретаемых в онтогенезе новых свойств (см. подр.: [9, с. 101–102]).

Представляется, что в основание методологически корректного исследования должен быть положен принцип монизма. Последний является определяющим в контексте проблемы соотношения теории и эксперимента. Руководствуясь этим принципом, можно предложить некую единую «точку отсчета» в рассмотрении как в целом философских оснований биологии, так и проблемы соотношения в ней эмпирического и теоретического уровней знания [10, с. 13].

Переходя к анализу своеобразия методов биологического исследования, отметим, что основы теории эксперимента заложил, как известно, Ф. Бэкон, справедливо признавая в нем базовый метод изучения природы. Он предложил схему элиминативной индукции, т. е. очищения прафеномена от затемняющих его черт других феноменов. Прафеномен Бэкона достигается путем обобщения (дифференциального обобщения) и является теоретическим конструктом, применяемым для объяснения свойств конкретных феноменов (процедура подведения под закон). Другое истолкование индукции было предложено Гете: у него прафеномен не исключал все частные феномены, а наоборот, суммировал их свойства таким образом, что данный природный феномен становился своего рода исходной посылкой в истолковании целого ряда иных феноменов. Стоит подчеркнуть, что хотя эксперимент и применялся в классической биологии, но здесь он не рассматривался в качестве ведущего метода и стал завоевывать позиции в основных биологических науках лишь спустя довольно длительное время. Например, В. Койтер внедрил в эмбриологию основы методологии экспериментального исследования, подвергнув систематическому рассмотрению развитие эмбриона курицы, а другой исследователь – Р.Я. Камерариус внедрил экспериментальный метод в область ботаники (см. подр.: [9, с. 33]).

Процедура последовательного описания является результатом интерпретации наблюдений и признается на этом основании главным методом классической биологии. Стоит подчеркнуть, что работа по описанию живой природы, проведенная в XVI–XVII вв. в биологии, имела существенное значение для ее развития. Она наметила пути к систематизации животных и растительных организмов, зафиксировав все их реальное разнообразие. Логическим следствием работы описательного периода явилось становление биологической теории – построение ее понятийно-категориального аппарата, обоснование принципов методологии, а также первые попытки объяснить сущность и выявить основополагающие характеристики жизни.

Представляется ясным, что осуществленные в различных местах и в различное время исследования следует подвергать сравнению. Эта процедура позволяет сопоставить сходство и различие организмов и их частей. Сравнивая закономерности, объединяющие разнообразные явления,

исследователь может, к примеру, сопоставить размеры раковин моллюсков в наше время и в более ранний исторический период, поведение лицицы в Жигулевском заповеднике, или, скажем, в Приморье, рост культуры клеток при низкой и высокой температуре и т. п. Сравнительный метод получил распространение еще в XVIII в. Отметим, что именно на его принципах была построена систематика и получено одно из крупнейших обобщений – клеточная теория. Отметим, что сравнительный метод, проявивший себя в решении проблем эволюционизма, впоследствии трансформировался в исторический. Последний применяется, как известно, для изучения закономерностей появления и развития организмов, становления их структурных и функциональных характеристик. С введением данного метода в биологии произошли качественные изменения: из сугубо описательной науки она стала превращаться в науку *объясняющую*. Если говорить о современном состоянии, то исторический подход является наиболее общим принципом, вокруг которого группируются все другие принципы и подходы теоретической биологии. Отметим, что в процессе накопления эмпирических знаний традиционная биология использовала по преимуществу метод наблюдения, тогда как для функционально-химической биологии, напротив, эксперимент являлся основным эмпирическим методом. Что же касается эволюционной биологии, то она использует исторический и сравнительный методы.

Подчеркнем, что проблемы, объективным образом возникающие в процессе научного исследования, нельзя решить лишь методами наблюдения или эксперимента. Наиболее наглядными примерами здесь могут служить процессы эволюции, которые нельзя непосредственно наблюдать и о которых исследователи вынуждены судить, по существу, лишь по косвенным данным систематики, палеонтологии, экологии или по наблюдениям за те короткие отрезки времени, ограниченные человеческой жизнью, на которых мы можем уловить отнюдь не глобальные эволюционные механизмы, а лишь микроэволюционные изменения. Имеется, впрочем, и ряд других проблем, не поддающихся непосредственному изучению. К ним относится, например, биология человека. В данном случае исследователи могли бы даже поставить эксперимент, однако моральные принципы не позволяют производить экспериментальные исследования, опасные для человека или нарушающие его естественные права. Как раз поэтому исследователям приходится создавать теоретические построения по аналогии с другими организмами, или, в более серьезных случаях, опирающиеся на факты из иных областей знания.

Главная черта теоретического знания в отличие от эмпирического, направленного на обнаружение лишь внешних связей, – обнаружение внутренних и существенных связей. Обобщая все многообразие явлений предмета в эмпирическом знании, теоретическое знание глубже отражает его сущность (см. подр.: [11, с. 104–144]). Как известно, цель науки – поиск истины. Соответственно эта форма сознания не может

обходиться без теории. В силу этих обстоятельств можно утверждать, что теория – суть науки и ее ядро. Истинное знание в науке должно быть выражено в теоретической форме, в которой в наиболее адекватном виде представлено объяснение сущности исследуемой реальности. Если говорить в общем плане, то научная теория – это форма организации научного знания, дающая целостное представление о закономерностях и существенных связях определенной области действительности – объекта данной теории (см.: [12, с. 973]).

Зададимся вопросом, каковы пути развития теоретической биологии в аспекте рассматриваемой проблематики? Отметим, что отдельные черты этого будущего вырисовываются уже достаточно отчетливо. В основе теоретической биологии, как известно, лежат самые разные методы: сравнительный, общелогический и математический и многие другие, которые, образовав единство, постепенно и создали это новое направление. Рассмотрим в качестве примера два отличающихся друг от друга теоретических направления – назовем их условно дарвиновское и павловское. И Ч. Дарвин, и И.П. Павлов сумели рассмотреть явления с новой точки зрения. Основоположник дарвинизма сопоставлял размножаемость, наследственность и изменчивость и выступал с выводом о естественном отборе. Тогда как И.П. Павлов анализировал врожденную реакцию, нейтральные раздражители и выработку новой формы поведения и создал теории условных рефлексов, а затем и второй сигнальной системы. Подчеркнем, что ученые оставили за скобками много неизвестных явлений, которые они и не стремились сделать предметом рассмотрения. Дарвин, например, не мог установить природу наследственной передачи и изменчивости, но считался с ними как с фактом. Тогда как отечественный физиолог не знал ни природы торможения и возбуждения, ни механизма заключения условных связей, но также взял эти явления за основу и смог построить стройную теорию, которая не может быть фальсифицирована вне зависимости от того, какие механизмы будут вложены при дальнейшем исследовании в эти понятия. Данными учеными, так сказать, на будущее были оставлены такие задачи, как изучение механизма изменчивости, наследственности или способов образования условных рефлексов. Их решение может повлиять на многое в наших знаниях, но оно уже не изменит основной установленной закономерности.

Такой подход вовсе не случаен. В биологии много переплетающихся между собой фактов, подчас для нас не известных. Количественные показатели в ней очень изменчивы. И в то же время основные явления и закономерности обладают большой устойчивостью. Естественно, что задачей теоретической биологии как раз и является выяснение основных закономерностей, оставляя за скобками то изменчивое, частью даже неизвестное, что уже не окажет влияния на основные принципы и вскрытые закономерности. Именно поэтому так эвристически плодотворны

были подходы Дарвина и Павлова, придерживавшихся этих принципов (см. подр.: [8, с. 409–410]). Именно эти обстоятельства, с нашей точки зрения, послужили основанием оценки Карлом Поппером теории Дарвина одновременно как метафизической (она не способна к проверке) и как исследовательской («она основательно прояснила весьма конкретные и совершенно практические вопросы») программы (см. подр.: [13]).

История биологии убедительно свидетельствует, что как бы далеко ни заходила дифференциация знания, главной задачей теории оставалось изучение организма и сообществ организмов как целостных систем. После синтеза дарвинизма и генетики поиски подходов к познанию целостности биологической организации не прекращались. В 30-е гг. XX в. И.И. Шмальгаузен создал учение об организме как целом в индивидуальном и историческом развитии. Открытие основных законов наследственности позволило сблизиться двум другим отраслям экспериментальной биологии – генетике и экспериментальной эмбриологии. В 30-е гг. XX в. Т.Г. Морган сделал предметом изучения их взаимоотношения. Предпринимались попытки создать целостное здание теоретической биологии. Например, Э.С. Бауэр считал, что теоретическая биология должна складываться из теории эволюции и общей теории живой материи. Вообще говоря, в современной биологии сталкиваются две закономерные и противоречивые тенденции. Одна знаменует выход биологии на новый рубеж – познания элементарных структур и процессов на молекулярном и субмолекулярном уровнях. Другая – характеризует стремление к познанию явлений жизни в их системном единстве. Обе названные тенденции закономерно порождены прогрессом всего комплекса биологических наук.

В наше время биология становится не только средством изучения природы, но и также способом влияния на процессы, происходящие в биологических системах. Имеются основания утверждать, что биология вступила на новый путь развития, называемый биоинженерный. Становление и стремительное развитие генной и клеточной инженерии, инженерии биосфер, решение проблем взаимодействия биосферы и человечества требуют совершенствования методов анализа и сознательного управления всем складывающимся комплексом исследований и практических разработок. Все это убедительно свидетельствует, что как традиционные, так и новые методологические средства биологического исследования требуют пристального внимания и изучения.

Список литературы

1. Швырев В.С. Теоретическое и эмпирическое в научном познании. М.: Наука, 1978. 382 с.

2. Швырев В.С. Эмпирическое и теоретическое в научном познании // Энциклопедия эпистемологии и философии науки. М.: «Канон+», РООИ «Реабилитация», 2009. С. 1149–1151.
3. Степин В.С. Теоретическое знание: структура, историческая эволюция. М.: Прогресс-Традиция, 2000. 744 с.
4. Ахундов М.Д. Взаимодействие теоретического и эмпирического аспектов в развитии физики // Теория познания и современная физика / отв. ред. Ю.В. Сачков. М.: Наука, 1984. С. 127–148.
5. Депенчук Н.П. К вопросу о соотношении эмпирического и теоретического в биологии // Философские науки. 1978. № 2. С. 128–132.
6. Теоретическое и эмпирическое в современном научном познании / под. ред. Н.П. Депенчук. М.: Наука, 1984. 336 с.
7. Взаимодействие методов естественных наук в познании жизни / под. ред. Р.С. Карпинской. М.: Наука, 1976. 351 с.
8. Малиновский А.А. Тектология. Теория систем. Теоретическая биология. М.: Эдиториал УРСС, 2000. 448 с.
9. Игнатъев В.А. Методологические ориентиры биологического познания // Философия и общество. 2005. № 2. С. 101–112.
10. Карпинская Р.С. Теория и эксперимент в биологии. Мировоззренческий аспект. М.: Наука, 1984. 162 с.
11. Шестаков А.А. Философия науки: в 2 т. Самара: «Самарский университет», 2012. Т. 1.
12. Швырев В.С. Теория // Энциклопедия эпистемологии и философии науки. М.: «Канон+», РООИ «Реабилитация», 2009. С. 973–975.
13. Поппер К. Дарвинизм как метафизическая исследовательская программа // Вопросы философии. 1995. № 12. – С. 39–49.

THE PROBLEM OF RELATIONS BETWEEN EMPIRICAL AND THEORETICAL KNOWLEDGE IN THE CONTEXT OF THEORETICAL BIOLOGY DEVELOPMENT

A.A. Shestakov*, T.G. Stotskaya*, H.I. Mingulov**

*Samara State University of Architecture and Civil Engineering, Samara

**Samara State University of Economics, Samara

The article is focused on the analysis of the specific properties of theoretical and empirical knowledge in biology. Particular attention is paid to the change of the methodological tools in biology in the process of its historical evolution.

Keywords: *empirical knowledge, theoretical knowledge, scientific knowledge, methods of scientific research.*

Об авторах:

ШЕСТАКОВ Александр Алексеевич – доктор философских наук, профессор кафедры социально-гуманитарных наук ФГБОУ ВПО «Самарский государственный архитектурно-строительный университет», Самара. E-mail: shestakovalex@yandex.ru

СТОЦКАЯ Татьяна Геннадьевна – доктор философских наук, профессор кафедры социально-гуманитарных наук ФГБОУ ВПО «Самарский государственный архитектурно-строительный университет», Самара. E-mail: stotskaya@yandex.ru

МИНГУЛОВ Хамзя Ильясович – кандидат физико-математических наук, проректор ФГБОУ ВПО «Самарский государственный экономический университет», Самара. E-mail: mingulov@mail.ru

Authors information:

SHESTAKOV Alexandr Alexeevich – Ph.D., Prof. of the Samara State University of Architecture and Civil Engineering, Samara. E-mail: shestakovalex@yandex.ru

STOTSKAYA Tatiana Gennadievna – Ph.D., Prof. of the Samara State University of Architecture and Civil Engineering, Samara. E-mail: stotskaya@yandex.ru

MINGULOV Hamzya Ilysovich – Ph.D., vice-president of the Samara State University of Economic, Samara. E-mail: mingulov@mail.ru

УДК 300-399 /32

ПОЛИТИЧЕСКАЯ ИДЕЯ: ПРИРОДА И ФОРМЫ

В.Н. Жук

ФГБОУ ВПО «Тверской государственный университет», г. Тверь

Политическая идея рассматривается как рационализованная ценность, не имеющая предмета в опыте, но возникающая из умонастроений той или иной эпохи. Реализуется политическая идея в различных формах: идеология, миф, метафора и др.

Ключевые слова: идея, ценность, идеология, метафора, миф, идеал.

Политические идеи вырабатываются в политической философии. Идея не имеет предмета в опыте и является рационализованной ценностью, а ценность связана с осознанием того, что человек принадлежит определенной культуре, эпохе.

Политические идеи возникают из умонастроений той или иной эпохи и первоначально существуют как идеи обыденного сознания, как мир его ценностей. Политическая философия рационализирует идеи обыденного сознания, обосновывает их и оформляет в качестве ориентиров. Так в политической философии и создаются идеи естественного права, свободы, равенства, конституции, гражданского общества, правового государства, суверенитета, демократии, фашизма и др. На основе этих идей политическая философия конструирует политические идеалы, ценности, взятые в их совершенстве. Поэтому часто политические идеи приравнивают к утопическим. Важнее другое – хотя политическая философия непосредственно не связана с политической практикой, ее идеи часто становились основой различных идеологических концепций, в которых люди выражают свое стремление преобразовать общество с помощью идей, по модели идей. На этой основе и рождаются различные политические доктрины, которые помимо научных политических исследований обращаются в политическую практику.

Одной из важных форм реализации политических идей является идеология. Как отмечает Б. Парамонов, «идеи, идеализм (можно в этот раз поставить и “идеологию”) изначально связаны с забвением человеком древа жизни, с предпочтением древа познания. Идеализм, спроецированный социально, – это и есть идеология, современный Молох, требующий человеческих жертвоприношений» (см.: [5, с. 65]). Идеология является совокупностью идей для широковещательного использования, «массовой коммуникации». Тиражируемые в обществе идеи могут содержать истинные знания, а могут содержать ложь и целенаправленную дезинформацию (см.: [2, с. 9]).

Говоря об идеологии, К. Мангейм различает два значения этого понятия. Первое он назвал частичным, второе – тотальным. Первое

означает, что идеология принадлежит ограниченной общности людей, полемизирующей со своими идеологическими противниками. В этом плане идеология коллективна и часто камуфлирует себя, не только маскируя факты и аргументы противника, но и выдавая себя за истину, очевидность и т. д. Что касается тотальной идеологии, то, по К. Мангейму, можно говорить об идеологии эпохи или конкретной социальной группы (класса), имея в виду своеобразие и характер всей структуры сознания данной эпохи (см.: [3, с. 82]).

Классифицируя политические идеи, К. Мангейм определяет их по наличию различных политических направлений:

1) бюрократически-консервативное мышление – стремление преобразовать проблемы политики в проблемы теории управления;

2) исторический консерватизм, социальной основой которого является дворянство и те слои буржуазной интеллигенции, которые по своему духовному и реальному значению занимали в стране господствующее положение. Идея их такова, если говорить упрощенно: править должна аристократия;

3) либерально-демократическое буржуазное мышление, для которого характерны интеллектуализм, игнорирование элементов воли, эмоциональности, что повлияло на создание научной политики и институтов политической борьбы (парламент, избирательная система);

4) социалистически-коммунистическая теория, являющаяся синтезом интуитивизма и стремления к рациональности;

5) фашизм. По своей сущности он активен и иррационален, охотно заимствует положения иррациональных философий и адекватных им политических теорий. В фашистское мировоззрение вошли переработанные соответствующим образом идеи Бергсона, Парето, Сореля. По оценке К. Мангейма, в центре фашистского учения находится апофеоз непосредственного действия, вера в решающий акт, значение инициативы руководящей элиты. Сущность политики в том, чтобы действовать, понять веление момента. Не программы нужны, а люди и сила воли (см.: [3, с. 140–159]).

По мнению О. Ребуля, важной формой реализации идеологии, в которой она выполняет свои определенные функции, является речевая деятельность, язык. Существенной чертой языка политики является его убеждающая направленность. Цель политического выступления – убеждение – достигается главным образом с помощью метафор (см.: [8, с. 23]).

Метафора наряду с идеологией является важной формой реализации политической идеи. В эссе «Две главных метафоры» Х. Ортега-и-Гассет пишет: «Метафора – это действие ума, с чьей помощью мы постигаем то, что не под силу понятиям. Посредством близкого и подручного мы можем мысленно коснуться отдаленного и недостижимого. Метафора удлиняет радиус действия мысли. Она, правда, всего лишь обес-

печивает практический доступ к тому, что брезжит на пределе достижимого» (см.: [4, с. 468]). При помощи метафоры политики стремятся дать более четкое, яркое и экспрессивное определение тому или иному важному явлению, привлечь внимание публики, сформировать общественное мнение. В качестве примеров известных политических метафор можно привести следующие: «холодная война», «равновесие страха», «ядерная зима», «железный занавес», «общеевропейский дом», «рак коммунизма», «империя зла», «падающие кости домино», «бумажный тигр», «большой скачок» и др. Подобного рода метафоры сыграли важную роль в формировании политического сознания, политических отношений, однако их значение все же ограничено во времени, так как они адекватны лишь определенным условиям существования той или иной политической ситуации. Указанные выше метафоры сегодня уже утратили свое практическое значение. На смену им придут новые.

Весьма специфический подход к рассмотрению данного вопроса находим у французских исследователей языка политики. По их мнению, язык политики способствовал формированию так называемого «полемиического словаря». Метафоры в нём различаются согласно идеологии, к которой они относятся. Например, метафоры идеологии либералов заимствованы из математики и кинематики: «право», «закон», «равенство», «разум», «единство», «прогресс до бесконечности»...

Метафоры идеологии консерваторов заимствованы из биологии: «органический», «раса», «земля и кровь», «род», «наследство», «древний» и т. д. Метафоры марксистской идеологии заимствованы из области динамики и химии: «массы», «силы», «движущие силы истории», «государственный аппарат», «давление массы».

По мнению авторов, такой анализ политики позволяет облегчить понимание политического текста (см.: [8, с. 90]). В данном случае в этом можно усомниться. Столь прямое заимствование политических метафор из естественных наук по сути лишает их статуса метафор.

Метафора – это перенесение имени, но есть множество случаев переноса, не имеющих ничего общего с метафорой. А то, о чем говорилось выше, – примеры неметафорического переноса. «Слово в таких случаях начинает вместо одного значить другое, отказываясь от первого смысла» [4, с. 466].

Иногда в политической практике, особенно в ораторской технике, происходит перенос акцента со слова на тот визуальный образ, который это слово порождает. Оратор Бернар Лами (XVII в.) так формирует принципы нового трибуна: «Тот красноречив, кто зачаровывает своих слушателей так, что они, если можно так выразиться, не замечают, что слушают слова, но воображают, что видят то, что им говорится: столь жив образ, возникающий в их воображении» (цит. по: [9, с. 29]).

Ораторская техника в речах политиков может превращаться в искусство так, что слова должны быть увидены, их принадлежность языку

должна исчезнуть. В таких случаях обращение оратора к образам, метафорам может доминировать настолько, что «момент зрительного предъявления слова (“узрите эти слова”) предстает как момент такой блокировки чувств, которая по существу соответствует наивысшей точке ужаса, – ужаса, как будто производимого парадоксальной инверсией семиотических материй (словесной – в визуальную)» [там же; с. 25]. Но все же при этом необходимо заметить – как бы ни были значительны роли жеста, мимики, интонации, взгляда в речах политических ораторов, главную роль в создании политической метафоры играет слово, язык, без которых невозможно познание, коммуникация, творчество.

Непосредственно с идеологией, метафорой связана такая форма реализации политической идеи, как миф. Поскольку в истории культуры мифическое мышление претерпевает значительные изменения, то правомерно говорить о мифах, созданных в традиционных обществах, в которых миф в большей мере исходит из действий, чем из образов и представлений. Здесь ритуал предшествует догме и становится мифообразцовой моделью для главных видов человеческой деятельности, работающей активной силой.

Со временем такое положение мифа в культуре меняется, особенно в XX в., когда возникают псевдомифы, сознательно создаваемые людьми, сообразно их целям и интересам. Они часто имели успех, так как шли навстречу мифической потребности человека.

Одним из первых, кто в XX столетии заговорил о мифе, был идейный предшественник фашизма Ж. Сорель, имевший в виду его роль в придании идеологии революционного размаха, в отображении тенденций, инстинктов, ожиданий народа или партии, в воздействии на человеческую фантазию. Ж. Сорель стал одним из духовных отцов политических мифов, которые оказали влияние на историю XX в. Там, где существует дефицит логики, рефлексии, миф становится желанным гостем в такой мере, что способен замещать саму реальность. По мнению Э. Кассирера, политический миф – отчаянное средство, к которому человек обращается в критических ситуациях; когда разум не оправдывает наших ожиданий, то всегда остается в качестве высшего разума власть сверхъестественного и мистического (см.: [1, с. 59]). «Политическое мышление может в лучшем случае, воплощаясь в “мифы”, возбуждать людей к действию, но совершенно не способно научно постигать политику или прогнозировать будущее» [3, с. 170]. Но человеку, несмотря на ослепляющий свет иррациональности, все же удается обрести необходимый для повседневной жизни эмпирический опыт.

Как отмечалось выше, современные политические мифы (псевдомифы) не возникают спонтанно, они представляют собой искусственные творения, созданные умелыми и искусными мастерами. Так, например, разоружение Германии после Второй мировой войны было подготовлено ментальным ревооружением, привнесенным политиче-

скими мифами (см.: [1; с. 61]). Современные политические мифы не начинают с того, что санкционируют или запрещают какое-либо действие. Они сначала изменяют людей, чтобы потом иметь возможность регулировать и контролировать их деяния. И люди часто парализуются мифами, чем и пользуются политические демагоги, используя подлинный мифический потенциал. «Они умело пробуждают определенные ассоциации, затрагивающие все еще живые, хоть и вытесняемые формы опыта. Это воздействие тем сильнее и доходит тем скорее до взрыва, чем сильнее было вытеснение, искавшее лишь клапан, чтобы вздохнуть полной грудью» [6, с. 340–341]. К. Хюбнер приводит пример того, как Гитлер мастерски смог употребить глубоко уязвленный Версальским договором миф о рейхе и нации в качестве движителя своих расистских и антисемитских псевдомифов. Особо важное место политические мифы современности занимают в тоталитарных обществах, примеров тому много. Так, в нацистской Германии «страсть к «благородному происхождению» объясняет... периодическое возвращение к расистскому мифу об «арийцах». «Ариец» был... моделью для подражания с целью достижения расовой «чистоты», обретения физической силы, героической морали, бытовавших в достославные и творческие времена «начал» [7, с. 182].

В марксизме идея бесклассового общества – не что иное, как миф о золотом веке, который, по многочисленным традициям, характеризует и начало, и конец истории (см.: [там же, с. 103]). Под воздействием этого мифа советское общество просуществовало не одно десятилетие.

С падением большого числа тоталитарных режимов может возникнуть иллюзия возможности демофологизации социальной жизни. Но это остается иллюзией, так как отказ от мифов в политической жизни не ведет к истине, свободе, миру. Согласимся с К. Хюбнером, утверждающим, что и в будущем будут продолжать действовать те мифы, политическое значение которых несокрушимо даже в созданных по демократическому образцу странах (см.: [6, с. 341]).

Мы затронули политическую идеологию, политическую метафору и политический миф как формы реализации политической идеи, но можно указать и на иные формы: политическую утопию, политический символ, политический идеал и даже политическую астрологию, которые потребуют отдельного, серьезного анализа.

Список литературы

1. Кассирер Э. Техника современных политических мифов // Вестн. МГУ. Сер. 7. Философия. 1990. № 2. С. 59–65.
2. Курикалов Ю. Национальная идея России превыше идеологии // Россия. 2004. № 9. С. 4–12.
3. Мангейм К. Идеология и утопия. М.: ИНИОН, 1976. Ч. 1. 215 с.

4. Ортега-и-Гассет Х. Восстание масс. М.: АСТ, 2001. 506 с.
5. Парамонов Б. Портрет еврея. СПб.; Париж: Изд-во Гржебина, 1993. 227 с.
6. Хюбнер К. Истина мифа. М.: Республика, 1996. 448 с.
7. Элиаде М. Аспекты мифа. М.: Academia, 1995. 110 с.
8. Язык и идеология: реферат. сб. М.: ИНИОН, 1987. 127 с.
9. Ямпольский М. Жест палача, оратора, актера // Ad Marginem 93: ежегодник. М., 1993. С. 71–89.

POLITICAL IDEA: ITS NATURE AND FORMS

V.N. Zhuk

Tver State University, Tver

Political idea is understood within the article's format as a rationalized value that has no object within the given experience, but appears on the background of mentality of this or that epoch. Political idea may emerge in different forms: ideology, myth, metaphor, etc.

Keywords: *idea, value, ideal, ideology, metaphor, myth.*

Об авторе:

ЖУК Валерий Николаевич – кандидат философских наук, доцент кафедры философии и теории культуры ФГБОУ ВПО «Тверской государственной университет», e-mail: zhoukv@mail.ru

Author information:

ZHOUK Valery Nikolaevich – Ph. D., Assoc. Prof. of the Dept. of Philosophy and Cultural Theory, Tver State University, Tver, e-mail: zhoukv@mail.ru

УДК 1(091)

О ПРИРОДЕ ПРАВА КАК ПРАКТИЧЕСКИ-ДУХОВНОЙ СИМВОЛИЧЕСКОЙ ФОРМЕ

В.В. Ильин*, В.А. Никитин**, Т.О. Тедеева**, Э.И. Шайсултанова**

* ГБОУ ВПО Московский государственный технический университет им.
Н.Э. Баумана, г. Москва

**Набережночелнинский институт (филиал) ФГАОУ ВПО Казанского (При-
волжского) федерального университета, г. Набережные Челны

Предмет внимания авторов – право как должностовательно-императивная символическая форма практически-духовного. Социальное назначение права – учреждение гарантийности обмена деятельностью, соблюдение равнопартнерства сосуществования на базе кодифицированных принципов выражения порядка.

Ключевые слова: регуляризация, норма, должествование.

Природотворяющая сила человеческого – обмен деятельностью, межиндивидуальное взаимодействие, коммуникация, интеракция, позволяющие определять человека как существо общественное, общительное, общающееся.

Между тем общение не «делится на разум без остатка» (Гете). Камень преткновения взаимодействия – воцарение неопределенности, неустойчивости, нестационарности. В стихии обмена деятельностью высока вероятность столкновения интересов, воле, свобод, чреватых неорганизованной массой произвольных взглядов, действий. Возникают ситуации негарантированные, в которых «побуждения пересиливают все прочее» (Сеченов). Дело можно понять яснее и резче, если сказать: где спонтанные возмущения способны влечь непредопределяемые (трансцендентные) исходы, там мы сталкиваемся со случаем некорректных задач, нарушающих условия постановки задач корректных. Напомним, задача считается корректно поставленной, если удовлетворяет требованиям наличия, однозначности, устойчивости решений. Несоблюдение хотя бы одного из требований трансформирует корректные задачи в некорректные, т. е. не имеющие даже приближенных решений.

Шок от обнаружения последних был столь велик, что Адамар ввел соответствующий запрет на их пребывание в науке, – действительно, какой смысл может иметь решение, если сколь угодно малое варьирование переменных влечет сколь угодно большие его (решения) изменения? Иначе говоря, наука требует от своих объектов устойчивости к возмущениям и, следовательно, онтологической упорядоченности, интерпретируемости. В противном случае исчезает предмет изучения.

Намного серьезнее, острее положение в социуме, передающем проявление *Ното credens* по законам световой волны. Купирование произвольных натяжек, деструкций, выбросов самости, вызванных к

действию автономно, производится предписаниями к сообществу и его составляющим, ставящим противовес безобразию человека в самих его побуждениях.

Регуляризация. Невероятное разнообразие жизненных сред, контекстов общения – можно ли надеяться ввести их регламентацию? Мечников допускал «космическое чувство» в человеке в виде любви к ближнему и миру. На этой почве выросал ортобиоз – учение о рациональном образе человеческой жизни.

Допущение «врожденной человечности» (Олдридж), тяги к возвышенному в качестве «законного стремления человеческой природы» (П. Романов) не ново. «Спокойствие порядка» (Августин) в виде высшего «содействия согласованной жизни» вводили поборники законоустанавливающих рассматриваний, опосредующие универсум логосом. Таковы стоики (согласно логосу устроен мир); христиане (согласно логосу создан мир), сводящие план и акт творения к разумной схеме. Аналогичный ход в конструировании образа действительности проигрывал Конт, убеждающий: всякое явление есть просто следствие порядка, который вытекает из естественных законов.

Если устремить внимание в этом направлении, придется признать – перед нами тенденция нарочитая, решительно выводящая за пределы трезвого понимания.

«Прекрасно лишь то, чего нет на свете», – говаривал персонаж Руссо. Аксиома вечного разумного масштаба жизни страдает пропуском существенного – «разумное» не покрывает «человеческого». Сущее не крепится на разумном плане; базисом жизнедействия выступает свободное самовыражение, в рамках которого человек «за все платит сам» (Сартр).

Жизнь не делает нас совершенными, – она делает нас нормособразными, встраивая в качестве частей в глубокий и мощный строй социально выверенного. Укрощение угроз вследствие свободы самовыражения, безнарядного произвола осуществлялось *ab origine* вставлением деятельности и созидания в твердые рамки предопределения. Роль регулирующего начала с переступанием границ передаваемого рационально играли смирительные колодки судьбы, рока, фатума, промысла, вводящие момент неизбежности, неотвратимости, необходимости.

Летописи рода человеческого сохранили имена богинь, дающих жребии, создающих вторую, третью перспективу провидения. В их числе мойры – Клото (прядущая жизненную нить), Лахесис (определяющая участь), Атропос (прерывающая жизнь), совокупно конкурирующие с Тихе.

В переводе на язык мыслей указанное в темной сути транслирует из древности идею закона: предусмотрение – то, что упорядочивает человеческое движение.

Человек задуман по образу и подобию Божьему, а сотворён только по образу. Подобие достигается в самотворчестве по неким правилам.

Сфера человеческого в истории – сфера регуляризованного. В кругу общения мы взаимозависимы. Основание действий – наш выбор, без которого мы – элемент природы, но выбор подготовленный, экспектационный. Эффект социальности – эффект вовлечения, участия, сопричастия. В противоположность *Homo ferus* *Homo sapiens* в сообществе себе подобных руководится максимой «для людей с людьми». Сие означает согласование поведения с системой ожиданий по поводу правил исполнения частичных ролей. «Есть много вещей, не обязательно запрещенных, которые человек вряд ли решится делать в присутствии другого человеческого существа», – подчеркивает Шибутани [9, с. 25]. Обмен деятельностью крепится не на произвольных, а на вмененных фигурах, исключающих самочиние, санкционированных порядком интеракции. Невстроенность в таковой равносильна бездомью человека, пребывающего в асоциальной форме – вне общества и его установлений. Римляне ставили на изгоев клеймо «*save furem*», обрекая на отлучение, отчуждение. Схожим клеймом отмечены отвергаемые обществом социальные типажии «девианта», «делинквента», «деликта» (три «д»), патологично неспособные на сколько-нибудь прочные, глубокие отношения, требующие хоть ничтожной доли души.

Три «д». То, что обособливает человека из бытия, есть свобода. Свобода выбора. Последний, однако, не произвольная игра сил в духе «своей глупой воли». Свободу выбора в социуме выгодно отличает опосредованность полем правил, некоей инструктивной канвой «что и как делать», ориентирующей на поведенческое преодоление низин жизни, исключающей абсурдистско-парадоксалистские веления, самоосуществления, импровизации наподобие нелепого кредо: «Какое мне дело до законов природы и арифметики (читай: законов общества. – *Авт.*), когда мне эти законы и дважды два четыре не нравятся» [4, с. 105]. (Политический волонтарист Людовик XVI в 1742 г. ввел формулу указа «потому что так нам нравится»).

Как показал М. Шериф, даже на восприятие реальности (стадия чувственности) воздействует позиция окружающих [11]. Словом, казалось бы, вполне суверенный потенциал субъективности складывается через внешние оценки, квалификации, влияния.

Субъективный опыт – не сознание, а история, говорит Дьюи. Разумеется, повторное переживание и воспроизведение индивидуальностью прочных и гибких уз социальности, кристаллизованных регламентами права (юридизм), морали (этизм), традиции (традиционализм). И одно, и другое, и третье – ресурсы одного сущностного уровня, позволяющие стратегией не прямых действий, точно ключу, открывать плотно запертые двери.

Жизнь – высокая ценность. Но многократно выше жизнь патентованно достойная. Формы обеспечения достойной жизни – опробованные практикой порядки деятельности и созидания. Бес импульсивных

решений, насильственных вмешательств, деструктивных маний приручается терпимостью, согласием, примирением, вытекающим из высокой резонансности инициатив социальным нарядам.

Право – формально-официальное, кодифицированное, институциональное выражение порядка (система общеобязательных должностований) – нормы, меры, через «свободу», «равенство», «справедливость» фиксирующие правоначала (правомочность, правоспособность, правосубъектность) с обеспечивающими их сдержками, противовесами, способами контроля, санкциями.

Мораль – неформально-официальное, кодифицированное неинституциональное выражение порядка (система адресных вменений, через «совесть», «достоинство», «честь» вводящая гуманитарно прочувствованные оценки, устанавливающая внутренний распорядок души) – принципы, предписания, заповеди, максимы, непосредственно-практические повеления «что должно», формирующие способы самоконтроля, диспозиции «субъективной единичности» (Гегель) к благочинным, добродетельным самополаганиям.

Традиция – неформально-официальное, некодифицированное, неинституциональное выражение порядка (система стереотипных мироориентаций, устойчивых деятельностных реакций) – обычаи, заветы, обряды, ритуалы, предания, назидания, через «классические образцы», «символы веры», «кредо» поддерживающие, передающие, воспроизводящие элементы наследия, дабы выработать идентичность, задать преемственность, нащупать времени связующую нить, т.е. воплотить целесообразное культуротворчество.

Культура, вопреки Фрейдю, есть не постановка, а снятие элементарных запретов. Снятие благодаря насаждению орудий, опор гуманитарной формации – устоев, регламентов регуляризации. Право, мораль, традиция оконтуривают рамки социальных взаимодействий двусоставно: в измерении официальной признанности, общеобязательности, эффективной позитивности и в измерении санкционированной «Я-мотивации». В результате проявления человеческого в человеке – акты выбора – поддаются рассмотрению и со стороны реализации свободы, и со стороны меры подлинности человека.

Действительно, сущностная природа «Я» сказывается в вовлечении, участии, наведении мостов взаимности. «Я» не автаркично, живет с публикой, для публики, за счет публики; раскрывается в отношении к «своему иному» в двутактном цикле присвоения и отдачи. «Я» – организация многоэтажная, цементированная сознанием, что «Я» – нечто большее, чем его пребывание в малом натуралистическом времени. Обретение личностного в утрате биологического: это «нечто большее» – от сознания пребывания в большом времени культуры, социальной памяти, наследия. Динамический срез поставляет такую картину: переход границы предличностного, предморального инстинктивно-

автоматического мира и приобщение к личностно-моральному бытию означает погружение в стихию высоко-духовной, идеологической жизни, управляемой законами не органического, но ценностного существования. Когда восприимчивость «Я» в сонме интенций на высокое приходит в упадок, личность перестает быть субъектом идеологии, происходит деградация «Я», выражающаяся в разрушении экспектаций, впадении в «ситуацию ноль», возвращении в «естественное состояние» (в животном царстве в отсутствие ценностной рефлексии нет идеологической взаимности сознаний).

Как видно, регуляризованность общения есть последний базис человечности в редакции: правоспособность, совесть, нравственность, персональная добропорядочность выступают окончательными основоположениями гуманитарного. Деформация их чревата развалом гуманитарной формации, обмельчанием человека. Прекрасно об этом – у Гоголя: «Все теперь расплылось и расшнуровалось. Дрянь и тряпка стал всяк человек; обратил себя в подлое подножие всего и в раба самых пустейших и мелких обстоятельств», и нет теперь нигде свободы в истинном ее смысле».

«Рефлекс свободы» (Павлов) в цивилизованной оранжировке значит противодействие агрессивному принуждению, но не благочинному побуждению. Императив «автономия человеческого духа» (Маркс) допускает лишь такое прочтение: «Ты должен, следовательно, можешь».

Регуляризация не возвращает пострадавшему утраченное, она предупреждает бессмысленный и беспощадный бунт, делает нормообразным общение, координирует взаимодействие независимо мотивированных участников. Границы регуляризации – порог, за которым – ненависть, отрицание, отрешение, разрыв, распад, разложение, интервенция. Его переходят представители трех «д» – девианты, делинквенты, деликты – носители брутального, вымороченного, вырожденного, асоциального.

Три «д» – профаническая, хаотическая патология на базе выхода из порядка, изъятия из регламентов. Соответствующие разрушения субъекта прав и обязанностей возникают

– в случае девианта – по причине соматических деформаций (подрыв юрицизма, этизма, традиционализма). Скажем, в Австралии человека с лишним набором хромосом не судят, т. к. считается, что действия дефекта не подводимы под какую-либо канонику;

– в случае делинквента – по причине поведенческих деформаций (подрыв этизма, традиционализма). Крайним выражением аффективного самоутверждения является афронт – нарочитое игнорирование, нарушение этикета;

– в случае деликта – по причине правовых деформаций (подрыв юрицизма). Варианты проступков, преступлений – виновных противоправных деяний, совершенных вменяемыми.

Единственным способом, каким человечество может пролонгировать гуманитарное состояние в степени, отвечающей «особенной действительности и специфическому содержанию» (Гегель), приличествующим высшей сфере мироздания, есть регуляризация, намечающая горизонт дозволенного. Он представляет собой форму узаконения свободных самовыражений. За его пределами – неопределенность, отсутствие гарантийности, повышенная вероятность провала в деструкцию.

Сверхзадача горизонта, связывая обмен деятельностью, задавая поведенческую качественность коммуникации, нормировать, вводить норму.

Базовое понятие теории ценностей – норма. Как директивная инстанция она устанавливает меры, руководящие начала, правила, порядки, распространяющиеся на все измерения человека как био-социоприродной организации.

Измерение «био». Первейшее условие нормосообразного – исключение уродливой ненормальности. Сказано в Евангелие от Матфея: «Не все вмещают слово... но кому дано» (Мф. 19, 12). Причисление к роду Ното идет «по способности» обладать разумом, отправлять волеие. По наличию данных потенциалов проводится идентификация: «Люди рождаются свободными и равными в своем достоинстве и правах». Правоспособность вытекает из состояния «быть человеком», пребывать нормальным «по рождению».

Измерение «социо». Фундаментальное условие нормосообразного – приобщенность к социальному этосу (совокупность правил общежития, набор согласованных норм, институционально защищаемые установления). Причастность к социальности обусловлена принадлежностью к статусам – регламенты дееспособности (удовлетворение условиям «зрелости» – цензы); членства: касты (Индия), кланы (Китай), племена (арабский мир), сословия (средневековая Европа) и т. д.; коммуникации: символизм общения, – скажем, руку мужчины жмут, руку женщины целуют, руку церковного иерарха (мужчины) целуют – по его касательству к чину и т. д.

Измерение «культура». Капитальное условие нормосообразного – чувствительность к традициям, заветам, тонким духовным влияниям. Принципы объединения людей – исходные идентификации:

– стереотипы: формы устойчивой целостности миродействия от привычек, обычаев, данных в предании (фольклорно-эпические выражения, свидетельства) до обязывающих смысловых дифференцировок «МЫ» – «ОНИ», вводящих картину дробной действительности (вплоть до эндогамии);

– архетипы: формы устойчивой целостности мироотношения, миропонимания, членящие единое человечество по поколенческим, культурным, расовым, половым, ареальным признакам. Отсюда разломы в понимании, кооперации: дилеммы «отцы – дети», «старое – но-

вое», «мужчины – женщины»; трилеммы «белые – желтые – черные», «Запад – Россия – Восток» и т. д.

Нерв социальности – интеракция, складывающаяся на базе норм, нормирования обмена деятельностью во всех отмеченных регистрах. Каковы нормы, таково межсубъективное взаимодействие, таково межсубъективное взаимодействие, таково общество.

При судействе (общественный строй, описанный в Книге Судей) власть отправлялась по авторитету; при монархии – с изменением регламента интеракции – по принуждению.

На Западе, утрирующем «право», «гражданство», преобладает достижительность в самоутверждении. В России, акцентуирующей «духовность», «моральность», есть склонность к исканиям (вплоть до самоотречения с обретением самоуважения). Отсюда – отсутствие самоинициации в напряженном достижении статусов (за статусы в России не борются всеми правдами и неправдами, на статусы в России приглашают – прецедент С. Радонежского).

Таким образом, ценностный нигилизм (казус трех «д») не терпим; регламентация обмена деятельностью как матрица ценностного санкционирования поведения,

- производя смыслы, значимости в общении,
- проводя отнесение к общеобязательности,
- осуществляя передачу опыта,
- намечая способы обретения статусов,
- превращает знаки в события, определяет непреходящую

роль регулятивов.

Фактуальная основа норм как эффективных основоположений деятельности – «рутина» традиционных эволюционных инструментов – отработанных в недрах природы условно-рефлекторных, подражательных принципов, на уровне мотивации, экспектации очерчивающих поведенческие границы для

- согласования жизненных интересов (особей, популяций) на базе «разрешенного – запрещенного» (прав – обязанностей);
- вписания индивидуальности (частное) в совместность (общее).

Роль нормативной канвы обмена деятельностью исходно играли ритуальные, обрядовые, назидательные пласты мифа.

Ритуал – канонизированный порядок церемониально-обрядовых действий. Обряд – множество установленных обычаев, традицией действий (демаркация между ритуалом и обрядом задается основанием побудительности, позволяющим различать «внешнюю» и «внутреннюю» встройку лицедеев в церемониальные акты). Обычай – совокупность исторически выработанных стереотипных фигур поведения.

Стадии кристаллизации права:

- зарождение права – архаичная социальность стадии вождеств.
- Право выплывает из обычая, традиции как средств регуляризации

совместной жизни. На этой стадии право отличают: казуистичность (оформление в нормы отдельных эпизодов); несистематизированность (правоприменения, правотворчества); нерасчлененность (синкретизм уголовного, гражданского, имущественного, земельного, семейного, торгового, процессуального права)¹; неинституциональность (отсутствие специализированных органов юстиции); общинность (надличностный характер ответственности);

- привязка нормативной формации к особенностям общежития локальных групп (племенное, обычное (от слова «обычай», право), регуляризацию поведения в которых поддерживают полномочные группы (вожди, жрецы);

- сословное (корпоративное) право (IX–XV вв.). Упрочение сословно-цеховой структуры общества, обуславливая ролевую, частично-функциональную дифференцировку социума, узаконивает единообразные порядки общения для представителей конкретных страт (право – поведенческо-этикетная императивная канва общения);

- общегосударственное право (XVI–XVIII вв.). Система кодифицированного институционального права: государственное нормотворчество, санкционированное правоприменение, правоохранение.

Назначение: нормы, правила общественного взаимодействия, вводящие легитимные возможности самореализации.

Структура:

- права человека (естественные права – базис позитивного права), обеспечивающие предпосылки гарантийного сосуществования;

- принципы – основоположения права, обуславливающие «демократизм, справедливость, гуманистичность, равенство» материализации правовых норм.

Субординация:

- референдумное право (публичное право) – приоритет общесоциальных решений (плебисциты, ассамблеи) перед решениями законодательных, совещательных органов;

- централизованные нормы – изданные государством, законодательными учреждениями законы, подзаконные, нормативные акты (указы, постановления, декреты, инструкции);

- корпоративные нормы (частное право) – правила деятельности организаций;

- договорные нормы (частное право) – соглашения, регулирующие порядок социального самоопределения субъектов интеракции.

В ситуации поведенческой неопределенности, утверждалось выше, не остается ничего иного, как адресоваться к нормализующим самореализацию моральным абсолютам. Между тем мораль не поставляет

---

¹ Систематизация статей началась с институций Гая, «Саллической правды» Хлодвига I.

универсальных ресурсов снятия жизненных коллизий. Общеизвестен недостаток морали – отсутствие всеобщности, необходимости, гарантийности. Аналогичное утверждаемо о религии.

Всевышний своим личным подвигом, преодолевая предательство, неправый суд, гонение, трусость, лицемерие, выстаивает, но выказывает любовь к... нравственным уродам. Любовно-жертвенный подвиг Спасителя искупает идею рода (по призванию – высшей ипостаси мироздания): «...се человек» – немощен, слаб, греховен, податлив, но в противостоянии велик, силен, несгибаем, несокрушим. Спасение человека через возрождение веры в него – героический, самоотверженный акт, подвигающий к благородному, возвышенному, заставляющий самое имя «человек» звучать гордо. Только – гордо ли звучит «человек» в... массовой душегубке?..

При рациональной реконструкции ситуации дело не столько в ущемлении «доброй воли», сколько «демонической свободы». Основное противоречие человеческого мира – противоречие свободы и принуждения. Торжество свободы, в отличие от предположения Шеллинга, не оказывается предзаложенным: утрата свободы, как мы понимаем, не доказывает успеха свободы [8, с. 120–121]. Перед лицом неумолимых обстоятельств, когда внешней принудительности противостоит внутренняя свобода, победа последней а priori не обеспечена.

Когда изменить ни мир, ни себя нельзя, чем подкреплять душу? Не помогает ни наука (справедливое для рационального сознания может быть пагубным для жизни – за создание ДДТ дали Нобелевскую премию, однако отказались от широкого его использования по причине разрушения жизненного); ни религия (справедливое для апофеозного сознания – «непорочное зачатие» – для жизни бессмысленно); ни мораль (в глубочайших тайниках нашего самопринудительного «благообразного, добродетельного» сознания – роковой разлад). Перефразируя Наполеона, можно выразиться так: место фатума со времени Древнего мира заняло право.

Не ограничиваясь рамками уникальных интерактивных систем отсчета, право охватывает всю полноту интеракции (по объему, но не по сути – «полное право есть полная несправедливость»), не ущемляя компетенций ни религии, ни морали.

Взятые единосоузно, мораль, религия, право самостоятельны, автономны; они не могут быть фундированы друг другом. Подчинение морали религии влечет корысть; подчинение религии морали влечет дидактизм, ригоризм; подчинение права религии влечет фундаментализм, морали – волюнтаризм, патернализм. Наряду с прочими формами практически-духовного права оккупирует свою символическую нишу, в тематизации своей природы не допускает игры порождениями воображения вместо понятий, словами вместо вещей [5, с. 598].

Право отменяет базирование обмена деятельностью на сверхразумности, сверхопытности, анархической свободе, безответственности (отсутствие обязывающего в выборе, поступке, действии, принятии решения), одновременно вводит в выполнение действий, отправление дел облечение полномочиями, обусловленностями. Долженствовательное (обязанное) в границах права – не то, что в морали, – означает не «совестливое», а «социально выверенное», получаемое посредством казуистически-канонического перевода переживательно-чувственного в нормативное. Кодификация «полномочного» упраздняет «расчетливо мучительное», «беспомощно заискивающее», «безропотно угодливое» и т. п., идущие от наихудшей из видов зависимости – человеческой произвольности. Еще раз: формализация, систематизация фигур общения в праве избавляет от самой скверной подчиненности – человека человеку.

Право есть нормативная форма равенства людей, носящая абстрактно-всеобщий характер (отвергающая привилегии, произвол по частным волюнтарным основаниям). Неотменяемое новшество права – введение универсальных императивов деятельности, ограждающих от деспотии, тирании, диктата. Правовое состояние есть состояние свободы не экзистенциального, но социального толка, регулируемое мерами равенства в возможности заявления своей воли на основе формальных – беспристрастных, безличных, безразличных – предписаний, установлений, законов. Правовая свобода означает отсутствие волюнтарных стеснений, ограничений, связывающих самореализацию преднамеренными, умысленными, самовластными оковами. Задавая абстрактно-всеобщее равенство и свободу, право обеспечивает справедливость (какая может быть лишь правовой). (В России, к несчастью, приобрела популярность не правовая, а патерналистская справедливость, поддерживаемая нажимными методами ведения дел в форс-мажоре.)

Реперными точками, фикс-пунктами права выступают:

– закон. Правовой закон аттестует не «прагматический порядок», а легитимные правовые императивы, задаваемые законотворчески «по понятию» (иначе – «телефонное», «кулачное», «революционное» право) в обход произвола доброхотства, господского осчастливливания – тот же гражданский патернализм, бюрократический авторитаризм (наставническая озабоченность, благолепие, расчетливость, отеческая заботливость). Главное в законе – самозаконие, исключаящее наставительность, призрение внешних (управительных) сил и позволяющее самодостаточным самостоятельным гражданам действовать в согласии с правом свободно. Как официально признанная норма закон может совпадать (правовой закон) и не совпадать (ошибки, злоупотребления текущего законодательства) с правом. (Право в точности не совпадает с законом; закон, в свою очередь, в точности не совпадает с указно-декретным кодексом.) В идеале право должно быть законным, закон правовым. (Юридический позитивизм – нормативизм – не критически пренебрегал казу-

сами, где закон оказывался орудием противоправного нормотворчества. Духом правового нигилизма, фетишизацией норм права буквально пропитано советское время, приравнивающее «социалистическое право» к своду приказных норм, установок центрально-административной системы.) Право в объективном смысле есть закон; право в субъективном смысле есть «способность» (ср. идущее от Г. Гроция различие «способность» и «соответствие»; одно предполагает освоение отношений власти, собственности, требовательности, другое сводится к вытекающей из родовой причастности дееспособности). Право – формальная и всеобщая предпосылка оптимально устроенной социальности. Право нельзя приносить в жертву чему бы то ни было. Одновременно праву нельзя что бы то ни было приносить в жертву;

– свобода. Право суть юридически выраженная мера равенства в свободе, ответственность за свободу. Право обслуживает свободного человека, являющегося целью и никогда – средством. Источник идеи права – соблюдение суверенитета «малой социальности» перед опасностью интервенций в неё со стороны «социальности большой». Эту идею начисто отметали Боссюэ и лидеры Просвещения (от Руссо до Гельвеция), без всякой публицистической эlegantности высказывавшиеся за репрессивную роль государства применительно к человеку. По Гольбаху, этак статистская машина призвана обращаться с людьми, как «укротитель с тигром» [3, с. 173].

Тотальную и актуальную поныне добротную критику подобных умонастроений провели немецкие философские классики, расценивавшие государство (власть) как покусителя на свободные действия лиц в соперничестве и сотрудничестве. Задача государства – не господствование (человек создан для свободы!), а обеспечение равных условий, создание возможностей участия в выработке решений на общее благо.

Общественное состояние, как свободно-правовое, имеет тройкий корень:

- права человека,
- законодательные гарантии социального равенства,
- демократические права.

Это именно тот минимум, который, избавляя от кастовых, клановых, аппаратных привилегий, культивирует почву осмысленного, участливого гражданства.

Ничего не может быть порочней несущих недоверие человеку попечительских, покровительских устремлений со стороны власть держащих по поводу «дарования» свободного состояния. «Не может считаться хорошим выражение, – подчеркивает Кант, – известный народ не созрел для свободы. Крепостные помещика (будто бы) не созрели для свободы, а для свободной веры не созрели и люди вообще. Но при таких предположениях свободы никогда не наступит, ибо для неё нельзя созреть, если предварительно не ввести людей в условия сво-

боды (надо быть освобожденными, чтобы иметь возможность целесообразно пользоваться своими силами на свободе). Первые проявления свободоволия могут, конечно, оказаться грубыми и обыкновенно сопровождаются большими затруднениями и опасностями, чем те, при которых все стояло ещё не только под приказаниями, но и под попечением других, но созревают для разума не иначе, как только через свои собственные попытки...» [6, с. 198–199].

Свобода, как и право, не состоит всецело под патронатом государства (сугубо административный ресурс); наставническая забота в функции инструмента устроения (против чего всегда выступали Юм, Смит, Франклин), рано или поздно обнажая самодурство, недалекость властителей, подрывает самые основы права как всеобщего норморегулирования деятельности.

Побудительный потенциал власти – не наставительно-разрешительный (благоволенческий), а гражданско-правовой, – он устанавливается, контролируется дееспособностью как любого, так и всех членов общества, исполненных высокого достоинства самодостаточности «быть господами и владельцами самих себя».

Право предоставляет гарантии от гражданской опеки: человек поступает свободно в согласии с правом и собственными неотчуждаемыми понятиями своего призвания. «Всякий, – утверждает Фихте, – считающий себя господином других, сам раб. Если он и не является таковым, то у него все же рабская душа, и перед первым, показавшимся более сильным, который его поработит, он будет гнусно ползать. Только тот свободен, кто хочет все вокруг себя сделать свободным» [7, с. 79–80].

Предельно мыслимое бедствие, как известно, – смерть. В обычной жизни человек не превозмогает требований самосохранения. Между тем бывают случаи перекрытия императивов обыденности. Таков, к слову, случай свободы. Ущемлять человеческую свободу означает уже не только принимать на себя неподъемное, вторгаясь в компетенцию божества, даровавшего нам свободу [6, с. 198–199], но и покушаться на самое человека, пребывающего самим собой благодаря свободе. Утрата свободы – потеря самости. Отсюда программа: свобода или смерть.

Жизненный опыт, таким образом, обозначает бедствие большее, нежели «несчастье всех несчастий» – смерть. И это суть «несчастье сверх несчастий» – лишение свободы. Свобода – сверхутилитарное и глубоко интимное индивидуальное благо, исключаящее зависимость от другого. Страх рабства питает энергией внутренней независимости, вплоть до священного риска жизнью. Стремление к собственной суверенности через риск подтверждает свободу [2, с. 102];

– справедливость. Социальная беспристрастность – деятельность на законных всеобщих основаниях – дериват права. (Этимологическое подкрепление: «справедливость» – *justitia* – от «права» *jus*.) Неправовая трактовка справедливости корреспондирует патерналист-

скому, авторитаристскому произволу (не по праву, а по милости), пожирающему общий масштаб права. Адекватным мерилom справедливости способно быть лишь правовое мерило; социальная справедливость способна быть лишь правовой. Последнее означает введение всеобщей легитимной меры социальных возможностей (равенство) и ответственностей (воздаяние за нарушение). Формально устанавливаемое соответствие (юридическая эквиваленция) предоставляемого и обретаемого («по делам его»), собственно, конституирует справедливость.

Однако подобно тому, как обнаруживаются ножницы права и реальности, закона и насилуемого нормотворчества, практическая социальная техника намечает конъюнктурную сцепку справедливости со специфически проявляемым в жизнестроении «разумным эгоизмом». В общем случае феномен укладывается в стандартную фигуру «практическая целесообразность».

Многие человекоразмерные вещи объективны, но не символически. Сверхзадача нашего изложения – продемонстрировать: ущемление символического обрекает на неминуемое ущемление человеческого. Символы создают миры – не просто возможные миры (от способов знаковой фиксации), а миры человечески упорядоченные.

Право символично – координацию действий независимо мотивируемых индивидов в социуме осуществляет не инстинкт, а этос, опосредующий обмен деятельностью, нормами, установлениями, конвенансами. Подрыв символической формации – ориентации на обязывающие ценности общения – выставляет из твердых рамок регуляризации. Возникает турбуленция. Рушатся устои. Упраздняется закон. С ними – свобода. («Свобода, – поясняет Гегель, – бывает вообще там, где господствует закон...» [1, с. 38].) Все заслоняет пелена произвола. Человеческое разлагается.

Мы не сгущаем краски. Специфика сущностной локализации человеческого – символическое.

Наш сюжет – право. Природу правоотношений определяет применение, соблюдение норм, иначе говоря, символов, а не приказов, потребностей, интересов. Деформация символического, влекущая кризис норм, предобуславливает кризис человеческого в целом. Примеры трюистичны. Та же демократия – отменна, желанна. («Способность человека к справедливости, – указывает Нибур, – делает демократию возможной, а склонность человека к несправедливости делает её необходимой» [10].) Если же демократия не отмечена печатью права, она и не отменна, и не желанна.

Эпизод 1: «Революционная демократия» – ничем не ограниченная власть народа. Не обеспечивает сугубого пустяка – «прав личности»; перерождается в тоталитаризм.

Эпизод 2: «Демократический вождизм» – лидерство предводителя масс. Не имеет правового статуса; перерождается в деспотию.

Эпизод 3: «Народная диктатура» – опирается на силу, а не закон; вырождается в насилие.

Опыт родоплеменной, рабской, феодальной, казарменно-социалистической организации учит: не может никакая обвораживающая казуистика заслонять казуистику права. Последняя всеобща и необходима. Всеобща, т. е. социально универсальна – в противном случае – частичная (сословная, корпоративная, клиентельная) общественность с патентованными изгоями. Необходима, т.е. социально обязательна – в противном случае – общественность несвободы с патентованными диссидентами.

Если принимать, что – предмет чаяний, – состояние свободы, складывающееся из сочетания возможного (объект) и допустимого (субъект), то обретение подобного состояния осуществляется *contagium vivum*: жизненного с символическим. Иного не дано.

Список литературы

1. Гегель Г.В.Ф. Работы разных лет: в 2 т. М.: Мысль, 1971. Т. 2. 630 с.
2. Гегель Г.В.Ф. Сочинения: в 14 т. М.: Изд. АН СССР, 1959. Т. 4. 493 с.
3. Гольбах П. Система природы. М.: Соцэкгиз, 1940. 456 с.
4. Достоевский Ф.М. Собрание сочинений: в 15 т. М.: Наука, 1975. Т. 5.
5. Кант И. Сочинения: в 6 т. М.: Мысль, 1964. Т. 3. 799 с.
6. Кант И. Религия в пределах только разума. СПб.: Типография М.А. Александрова, 1908. 203 с.
7. Фихте И.Г. О назначении ученого. М.: ОГИЗ, 1935. 140 с.
8. Шеллинг Ф.В.Й. Философские письма о догматизме и критицизме // Новые идеи в философии. СПб., 1914. № 12. С. 45–68.
9. Шибутани Т. Социальная психология. Ростов-н/Д.: Феникс, 1999. 544 с.
10. Niebuhr R. The children of light and the children of darkness. New York: Charles Scribner's Sons, 1946. 345 p.
11. Sherif M. A Study of Some Social Factors in Perception // Archives of Psychology. XXVII. 1935. № 187. P. 17–22.

THE NATURE OF LAW AS A PRACTICAL-SPIRITUAL SYMBOLICAL FORM

V.V. Ilyin*, V.A. Nikitin**, T.O. Tedeeva**, E.I. Shaysultanova**

*Moscow State Technical University named after N.E. Bauman, Moscow

** Branch of Kazan Federal University in Naberezhnye Chelny, Naberezhnye Chelny

The article is focused on the analysis of law as a normative-imperative symbolic form of the practical-spiritual human consciousness dimension. In the social perspective, law is aimed at the constitution of interaction guarantees, observance of equal partnership of coexistence on the basis of codified principles of order.

Keywords: *regularity order, norm, duty.*

Об авторах:

ИЛЬИН Виктор Васильевич – доктор философских наук, профессор ГБОУ ВПО «Московский государственный технический университет имени Н.Э. Баумана», г. Москва. E-mail: vvilin@yandex.ru

НИКИТИН Владимир Аркадьевич – преподаватель кафедры философии Набережночелнинского института (филиала) ФГАОУ ВПО «Казанский (Приволжский) федеральный университет», г. Набережные Челны. E-mail: nizhnekamsk@chulpan.ru

ТЕДЕЕВА Татьяна Олеговна – соискатель кафедры философии Набережночелнинского института (филиала) ФГАОУ ВПО «Казанский (Приволжский) федеральный университет», г. Набережные Челны. E-mail: neronikus75@mail.ru

ШАЙСУЛТАНОВА Эльмира Ильдаровна – старший преподаватель кафедры философии Набережночелнинского института (филиала) ФГАОУ ВПО «Казанский (Приволжский) федеральный университет», г. Набережные Челны. E-mail: mir-sh@mail.ru

Authors Information:

ILYIN Viktor Vasilyevich – Ph.D., Prof. of Moscow State Technical University named after N.E. Bauman, Moscow. E-mail: vvilin@yandex.ru

NIKITIN Vladimir Arkadievich – lecturer of of Philosophy Dept., Branch of Kazan Federal University in Naberezhnye Chelny, Naberezhnye Chelny. E-mail: nizhnekamsk@chulpan.ru

TEDEEVA Tatyana Olegovna – Ph.D. student of of Philosophy Dept., Branch of Kazan Federal University in Naberezhnye Chelny, Naberezhnye Chelny. E-mail: neronikus75@mail.ru

SHAISULTANOVA Elmira Ildarovna – senior lecturer of Philosophy Dept., Branch of Kazan Federal University in Naberezhnye Chelny, Naberezhnye Chelny. E-mail: mir-sh@mail.ru

УДК 159.923.2

«СЕЛФИ» КАК ФОРМА ПРОЯВЛЕНИЯ НАРЦИССИЗМА ЛИЧНОСТИ В СОВРЕМЕННОМ ГЛОБАЛЬНОМ СООБЩЕСТВЕ

К.В. Ануфриева

ФГБОУ ВПО «Тверской государственный университет», г. Тверь

Рассматривается феномен «селфи» как проявление нарциссизма личности в культуре современного глобального сообщества. Утрата чувства онтологической безопасности и поиск стратегии выживания в настоящем, вопреки возрастающему спектру риска и неопределенному будущему порождают реакцию нарциссизма, погружения в бесконечную работу по освобождению, наблюдению и объяснению своей личности. Тиражируемые в СМИ и Интернете образы селфи выглядят ярким воплощением нарциссистского самоанализа личности в контексте современной культуры «общества риска».

Ключевые слова: *личность, самоидентификация, самопрезентация, нарциссизм, нарциссическая личность, селфи, селфизм, лайфлоггинг.*

*Любовь к себе — это начало романа,
который длится всю жизнь.*

О. Уайльд

В настоящее время не представляется возможным преуменьшать или тем более отрицать значимость присутствия социальных сетей интернет-пространства в жизни практически каждого члена современного глобального сообщества, погруженного в особенную коммуникативную среду, не имеющую аналогов в прошлом. Развитие Интернета как пространства социальных коммуникаций влияет на трансформацию социальной идентичности и рефлексивной самоидентичности личности, которые реализуются в условиях глобализации и виртуализации информационно-коммуникативного общества. Коммуникация в интернете невозможна без формирования и развития идентичностей участвующих в ней индивидов, происходящей через интериоризацию интернет-пользователями получаемых из нее установок, представлений, стереотипов мышления, суждений, мнений, оценок, приоритетов, вкусов, образов жизни, особенностей деятельности и т. д. Самопрезентация в сети – типичная стратегия конструирования виртуальной личности. Для каждого пользователя Интернета открывается множество способов заявить о себе большой аудитории: как автора многочисленных интернет-блогов, персональных страниц в социальных сетях, наполненных не лишеными художественных достоинств автонарративами, щедро снабженными аудио и видео и фотопотоками, выбранными в соответствии с предпочтениями автора. Селфи – феномен фотографического

автопортрета, визуальной автопрезентации личности в медийной и интернет-средах, заслуживающий сегодня пристального внимания.

Ярко выраженное перманентное самолюбование и самопрезентирование личности – один из наиболее волнительных для исследователей частной и общественной жизни мейнстримов духовно-личностного развития современной эпохи [1; 2; 3]. Популярные интернет-платформы отчетливо демонстрируют актуальные умонастроения современного общества и обнажают приватные жизни его членов [4, р. 158–167]. Так, Фейсбук можно по праву назвать «социальным зеркалом», а Твиттер – «социальным мегафоном» виртуальной современности. Несмотря на общественную полезность, в личностном плане наблюдается множество негативных эффектов. По данным исследования университета штата Калифорния, чрезмерное использование социальных сетей может вызывать:

- 1) дефицит внимания и гиперактивность;
- 2) депрессию;
- 3) обсессивно-компульсивное расстройство;
- 4) нарциссическое расстройство личности;
- 5) ипохондрию;
- 6) шизоаффектные и шизотипические расстройства;
- 7) телесную дисморфию;
- 8) вуайеризм;
- 9) болезненную зависимость.

Из всех вышеперечисленных «атрибутов» современного интернет-пользователя для нас представляет интерес отчетливо выраженный нарциссический детерминизм. Внушительный фундамент психоаналитических исследований и повсеместная распространенность нарциссизма больше не представляют возможным трактовать его как патологическую форму самовлюбленности и эгоизма (Х. Эллис). Это феномен, определяющий духовно-личностные тенденции развития современной личности, поглощенной борьбой с собственным природным несовершенством. Попытаемся рассмотреть селфи как феномен личностного нарциссизма, выявляя особенности его проявления в культуре современного глобального сообщества.

Профиль нарциссической личности

Рассматривая селфи как характерное проявление нарциссизма, следует отметить достаточно пристальный интерес к этому антропологическому феномену прежде всего со стороны представителей различных версий психоанализа [8, р. 6–8]. Не углубляясь в детальное изучение многообразных подходов к нарциссизму, необходимо вспомнить о тех его оригинальных интерпретациях, которые сложились в работах З. Фрейда, К.Г. Юнга, Э. Фромма, К. Хорни, К. Кохута, Ж. Лакана и других исследователей. Как известно, психолог Х. Эллис впервые употребил термин «нарциссизм» в 1898 г., вспоминая мифологический сюжет Овидия, применительно к клиническому анализу поведения паци-

ентов, отмеченного «самоэротизмом», воспринимавших себя как сексуальный объект. Фрейду принадлежит, как известно, приоритет введения терминов «ego-libido» (любовь к себе) и «нарциссистское либидо» как взаимозаменяемых. Характерно, что как Эллис, так и Фрейд рассуждали о нарциссизме в духе его понимания как сексуального самоудовлетворения, что не является обязательным в понимании такового сегодня при клиническом подходе. Для Фрейда нарциссизм выступает как вполне нормальное явление на стадии детства, а у взрослых индивидов выражается в повышенном самопоении индивида, принимающем зачастую патологические формы. Юнг рассматривал нарциссизм как феномен самовлюбленности, имеющий сексуальную доминанту выражения.

Отход от классического психоанализа ознаменовался своеобразным снятием преимущественно сексуального акцента истолкования нарциссизма, переводом проблематики его рассмотрения в социокультурный план [7, р. 19]. Так, например, Фромм, интерпретируя либидо как психическую энергию, которая нетождественна сексуальной, увидел в нарциссизме компенсаторный механизм, блокирующий интерес к внешнему миру, и самоцентрацию на имманентных потребностях, экзистенциальных состояниях субъекта. Усматривая присутствие нарциссистского ядра у каждого человека, Фромм предупреждал об опасности его гипертрофии, ведущей к превратному отношению к реальности и патологическому желанию властного диктата над другими людьми. Полагаясь на исследования индивидуального, группового и общественного нарциссизма, Фромм сделал вывод, что для каждого человека характерно наличие «нарциссистского ядра», оптимальное биологическое функционирование которого служит выживанию, но при выходе на максимальные режимы оно же является угрозой для жизни. Нарциссизм, по Фромму, являясь профессиональной болезнью предпринимателей и политиков, может нанести большой урон человеческому сообществу. Авторитарные и тоталитарные режимы, несущие на себе печать нарциссизма, способны генерировать агрессию, насилие и войны. Для Хорни нарциссистская реакция вполне оправдана у нормального человека при кратковременной ситуации угрозы его существованию, а в условиях пролонгирования таковой возникает опасность патологии. Резкие и продолжительные социальные изменения, низвергающие традицию, продуцируют почву для создания нарциссистской личности, устремленной на достижение полного признания другими индивидами, соответствие идеалу властного порядка. Нарциссистская личность склонна, по Хорни, солидаризироваться с властью во имя утверждения себя в социальной среде. Хотя подобный тип личности может появляться и в демократических обществах модерности и современности, наиболее благоприятная для него среда тоталитарные и авторитарные режимы. Создатель селф-психологии Кохут выдвинул также оригинальную теорию изначального нарциссизма личности, отождествления с родителями и стремления к

идеальной самореализации, крушение которых может повести к сочетанию состояний патологического нарциссистского самовозвеличения и чувства неполноценности. В своей теории стадии зеркала, определяющей становления «Я» ребенка, дающей также ключ к пониманию субъективности и воображаемого, Лакан предлагает собственную версию нарциссистского компонента личностного развития. Многообразные варианты трактовки феномена нарциссизма побуждают к размышлениям о его природе, различных типах проявлений, о патологических нарциссистских состояниях, имеющих одновременно антропологические и социокультурные основания, оказывающих воздействие на общество и культуру.

Нарциссическое (самовлюбленное) расстройство личности – один из четырех видов драматических расстройств личности, являющий собой тотальную поглощенность индивида самим собой и тем, как он воспринимается окружающими людьми. Целью нарциссов является перманентное стремление к насыщению суетой вокруг своего «Я» и восхищением собственными физическими и интеллектуальными атрибутами.

К наиболее распространенным признакам нарциссизма можно отнести:

- 1) убежденность в собственной уникальности и непревзойденности;
- 2) завышенную самооценку, высокомерие, болезненное восприятие или полную неспособность принятия критики;
- 3) перфекционизм;
- 4) ожидание особого почитаемого отношения и признания окружающих;
- 5) неспособность к эмпатии как эмоциональный дефект и одностороннее слуховое восприятие. Самопоглощенность и отзеркаливание. Отрицание и минимизирование чужих проблем;
- 6) расчетливость и эгоистичность;
- 7) игнорирование правил межличностного взаимодействия, общественных норм и ценностей;
- 8) безответственность и агрессивность.

Нарциссическое расстройство личности по сей день является одним из трудноизлечимых. Терапевты психодинамического направления работают над осознанием неуверенности и механизмов защиты, когнитивные терапевты сосредоточиваются на эгоцентричном мышлении пациентов-нарциссов

На основании данных исследований среди лиц 18–25–летней возрастной категории, проводимых Мичиганским университетом посредством личностного опросника уровня нарциссизма и шкалы оценки собственного достоинства Розенберга, было замечено, что люди, использующие Фейсбук и Твиттер более одного часа в день и имеющие виртуальных друзей, по количеству значительно превосходящих реально суще-

ствующим, наиболее склонны иметь низкую самооценку или нарциссический тип личности. Для них характерно постоянное обновление личного статуса собственного состояния, постоянное размещение новых фотографий самих себя и своего образа жизни, цитат и заметок, целью которых является привлечение дополнительного внимания к своему «Я», постоянная необходимость оценки другими пользователями высказываемого мнения и расширения собственных социальных кругов общения. Исследования, опубликованные в журнале «Cyberpsychology Behavior and Social Networking» (Киберпсихология поведения и социальные сети), демонстрируют выводы о положительном влиянии Фейсбука как своеобразного цифрового зеркала на самооценку пользователей, поскольку именно здесь они могут самостоятельно выстраивать наиболее удачную версию самих себя. «В отличие от зеркала, которое напоминает нам о том, кто мы на самом деле и может оказывать негативное влияние на нашу самооценку, если это изображение не соответствует нашим идеалам, Фейсбук может показать положительную версию нашего «Я», – объясняет Джеффри Хэнкок, соавтор исследования [10].

Тотальное сосредоточение на собственной личности нарцисса предполагает и непереносимое наличие аудитории – «селф-объектов», питающих эгоцентричную идентичность восхищением и одобрением [6, р. 228]. По мнению сторонников психодинамического направления, как правило, это человек, выросший под прессом навязываемых ожиданий своих родителей в атмосфере постоянного оценивания и критики и перенесший постоянную почти болезненную необходимость быть высоко оцененным окружающими индивидами уже во взрослой жизни. Это вынуждает погружаться в мир социальных сетей все чаще, все меньше остается времени на проживание реальной жизни. В результате на фоне неразвитого, пустого реального «Я» формируется некое ложное «Я», оберегаемого защитными механизмами идеализации и обесценивания. Таким образом, проблема нарциссической личности главным образом заключается в несоответствии ложного образа «Я», демонстрируемого окружающим, реальному, тщательно скрываемому «Я». Несмотря на искусно выстраиваемую холодную стену безразличия, глубоко внутри нарцисса скрывается маленький ребенок, которому присуща довольно хрупкая самооценка с большой амплитудой колебания от самовозвеличивания до самоуничтожения, скачки которой зачастую приводят к глубокой депрессии и психосоматическим заболеваниям.

Таким образом, нарциссизм нашел свое современное воплощение в форме проживания личностью виртуальной реальности как своеобразная неизбежная реакция на нашу социальную культуру.

Селфизм как новое психопатологическое состояние общности

Селфи – вид автопортретной фотографии, сделанной при помощи ручной цифровой фотокамеры или фронтальной фотокамеры смарт-

фона или планшета. Часто селфи ассоциируют с использованием социальными сетями. Для селфи характерна нарочитая случайность, их принято снимать камерой на расстоянии вытянутой руки или при помощи отражения в зеркале. На селфи обычно изображается сам фотограф, либо фотограф и несколько лиц, которые по каким-либо соображениям должны оказаться и могут поместиться в кадре – групповые селфи.

В августе 2013 г. The Guardian совместно с ARTE Creative и веб-гуру Нимродом Кэмером спродюсировали серию фильмов «Thinkfluencer» [11] (дослов. пер. – «Бегломыслящий», «Несущий поток мысли») в попытке деконструировать последнее современное интернет-явление. Короткометражные эпизоды были посвящены исследованию воздействия селфи на население Великобритании, выявив тем самым новое психопатологическое состояние общественности – селфизм.

Роберт Корнелиус, пионер американской фотографии, сделал дагеротип (отпечаток, дающий позитивное изображение, т. е. передающее реальные полтона в отличие от негатива) самого себя в 1839 г., который также стал одной из первых фотографий человека, снимающего себя без посторонней помощи. Поскольку процесс съемки был довольно медленным, Корнелиус смог открыть объектив, добежать до нужного места снимка в течение минуты и затем закрыть объектив крышкой. Впоследствии он оставил подпись на задней стороне фотокарточки: «Первый светлый снимок, который я когда-либо брал, 1839 год».

Всемирный дебют портативной камеры-коробки Kodak Brownie в 1900 г. привел к все большему распространению самостоятельной портретной фотосъемки. Этот метод осуществлялся при помощи зеркала и установления камеры на близлежащий объект или на штатив, в то время как кадрирование производилось видеоискателем, установленным в верхней части коробки.

Среди известных первых селфи можно увидеть фотографию женщины, снимающей свое отражение в зеркале, эпохи короля Эдуарда, примерно 1900 г., а также один из подростковых автопортретов великой русской княгини Анастасии Николаевны, сделанный ею самой в возрасте 13 лет также при использовании зеркала. Довольно интересен и фотографический автопортрет пяти мужчин фотографов компании Vugon Company,

удерживающих аналоговую камеру на расстоянии вытянутой руки, сделанный в 1920 г. на крыше Marceau Studio в Нью-Йорке.

Датой рождения самого термина «селфи» можно по праву считать 13 сентября 2002 г., когда он впервые появился на австралийском

интернет-форуме ABC Online: *«Um, drunk at a mates 21st, I tripped ofer [sic] and landed lip first (with front teeth coming a very close second) on a set of steps. I had a hole about 1cm long right through my bottom lip. And sorry about the focus, it was a selfie»*. Как видно, сам термин появился значительно позже, чем феномен.

В начале 2000-х гг., еще до того как Фейсбук стал доминирующей сетью среди социальных сетей, особенностью широко распространенной тогда сети MySpace (МайСпейс) было использование именно селфи. Тем не менее писательница Кейт Лосс указывает на том, что между 2006 и 2009 гг., в то самое время, когда Фейсбук стал популярнее, чем MySpace, фотографии в стиле MySpace (как правило, дилетантские, с ослепляющей глаза вспышкой автопортреты, зачастую снятые напротив зеркала в ванной комнате) стали показателем дурного вкуса пользователей новоиспеченной социальной сети Фейсбук. Ранние фото-портреты на Фейсбуке, напротив, были хорошо сфокусированы, имели более формальный вид и были сняты с расстояния при помощи других лиц, а не самостоятельно. В 2009 г. термин «селфи», используемый для описания бесконечного потока автопортретов, можно было наблюдать у пользователей девочек-подростков фото- и видеохостинга Flickr (Фликр). По мнению Кейт Лосс, работника Фейсбука и автора известной книги «The boy kings: a journey to the heart of the social networks» («Подростковые короли: путешествие в сердце социальных сетей»), усовершенствованные инновации фронтальной фотокамеры прежде всего в четвертом поколении айфонов, а впоследствии и в других мобильных гаджетах, появление и распространение мобильных фотоприложений, привели к возрождению селфи в начале 2010 гг. Среди наиболее значимых приложений такого рода можно отметить Инстаграм (Instagram). Спустя три года было опубликовано более 75 миллионов фотографий с хештегом #selfie.

Таким образом, первоначальные истоки данного термина лежат в социальных медиа и сайтах-фотообменниках. Но использование этого слова не было распространено до наступления второго десятилетия нынешнего столетия, и оно не вошло в общее употребление до прошлого года. Автопортреты, по сути, не принесли ничего нового, люди делают их на протяжении веков, изменяя лишь средства и формат публикации. Холст и масло уступили место целлулоиду, уступившему в свою очередь место фотографической пленке и цифровым средствам массовой информации. А так как процесс значительно ускорился, он потребовал и собственного имени. Теперь, когда наличие смартфона стало хорошим тоном для большинства обычных людей, цифровые технологии с успехом добились того, что снять и поделиться собственным селфи довольно легко, не используя при этом зеркало.

Первоначально столь популярные среди молодого поколения селфи впоследствии завоевали внимание и более старших поколений.

Декабрьский номер журнала «The Times» отметил, что «селфи» вошел в «Топ-10 назойливо звучащих слов» 2012 г. Хотя термин «селфи» и существовал до этого, к 2012 г. он действительно закрепился во времени. Данные общественного опроса за 2013 г. показывают, что две трети австралийских женщин в возрасте 18–35 лет делают селфи в большинстве случаев с целью последующего размещения на Фейсбуке. Опрос, проводимый компанией Samsung, выявил, что около 30% фотографий аудитории 18–24 лет приходится на селфи.

Фотограф Кевин Э. Шмидт (штат Айова) начал серию селфи с 1961 г. и продолжает ее по сей день. Первый селфи был снят на камеру Polaroid J 66, а текущие селфи снимаются на смартфон Galaxy S. Также среди известных лайфлоггеров можно увидеть художника и преподавателя Бостонского колледжа Карла Бадена (делал снимки на протяжении 24 лет), фотографа Ноа Калина (фотографирует себя с 2000 г.), также создавшего специальное мобильное приложение, напоминающее ему делать фото ежедневно, чтобы отследить процесс собственного старения.

К 2013 г. селфи стал настолько распространенным явлением, что в целях мониторинга был включен в онлайн-версию Оксфордского словаря английского языка, а уже в ноябре 2013 г. слово австралийского происхождения «селфи» стало «словом года».

В целом отношение общества к селфи неоднозначно. Это повальное увлечение расценивается либо как очередной способ самовыражения и самопрезентации себя и своей личной жизни самоуглубленной молодежи в сети, или же как новейшая форма проявления современного нарциссизма, так успешно реализуемая при помощи главным образом Инстаграма и других социальных медиа.

Сегодня селфи набрало новые высоты популярности после трансляции 86-ой церемонии вручения премии Академии кинематографических искусств и наук Оскар, опубликованное Эллен Дедженерес и набравшее рекордное количество репостов. До этого самым популярным селфи, набравшим более 778 тысяч репостов, был снимок Барака и Мишель Обамы с подписью «Еще четыре года».

Желание привлечь к себе внимание и набрать как можно больше «лайков» и репостов дает широкое поле фантазии для создания оригинального селфи, что порой выходит за грани разумного и целесообразного: фото на фоне акул, во время прыжка с парашютом и в других экстремальных ситуациях и труднодоступных местах (например, селфи космонавта Майка Хопкинса на фоне Земли). Одним из распростра-

ненных способов разнообразить селфи является конкурс #SelfieOlympics, участники которого соревнуются в абсурдности сделанных фотографий.

Бесспорно, среди других форм интернет-контента у селфи есть максимальное преимущество: гамма эмоций и событийность – эпизод жизни всего в одном снимке. Но как и любое социальное явление, селфи не лишено недостатков. Не каждое селфи оригинально и демонстрирует высокий вкус фотографируемого. Большинство сиюминутных селфи как простых людей, так и знаменитостей, демонстрируют серость будней, неприглядность и нарочитую неряшливость их личностных образов: фото себя дома, в зеркале ванной комнаты, после пробуждения, в лифте и прочее. По аналогии с селфи существуют также: helfie (фотографии причёсок), welfie (фотографии, сделанные во время работы или тренировки), drelfie (автопортреты, сделанные в нетрезвом виде) и т. д.

Если в первом эпизоде сериала «Thinkfluencer» Нимрод Кэмер шутит, что залогом хорошего селфи являются длинные руки, то недавнее появление бесплатной программы для iPhone – CamMe делает возможным осуществлять собственные снимки без помощи рук. Достаточно отойти от устройства на расстояние до 5 метров, поднять руку, сжать ее в кулак и тем самым запустить таймер.

По мнению исследователя социальных СМИ Шона Дениэлса, необычайная волна популярности селфи открывает новые многочисленные возможности публикации новейших фотографий. На данный момент селфи – это основной инструмент лайфлоггинга – ведения хроники жизни.

Стоит отметить, что селфи – это не просто тренд, это полномасштабное социальное явление. В то время как социальная жизнь активно перекочевывает в Интернет, этим явлением проявления клипового сознания умело пользуются и маркетологи. Ярким примером тому служит креативная реклама Turkish Airlines «Kobe vs. Messi: The Selfie Shootout», где двое мужчин бросают друг другу вызов нескончаемым потоком селфи на фоне городов и местностей разных стран мира. Результат рекламного ролика – 74 миллиона просмотров за неделю на YouTube. Не менее показательным примером можно назвать и чрезвычайно популярный среди молодежной аудитории сериал американской телекомпании AMC Walking Dead (Ходячие мертвецы), который также продвигался с помощью бесплатного приложения Dead Yourself (Сделай из себя зомби) на iTunes для передней камеры. Оно позволяло фанатам сериала «зазомбировать» свое фото и фото друзей и затем разместить полученные зомби-фото в социальных сетях с хештегом #deadyourself. Как результат – 3 миллиона скачиваний самого приложения и более 100 миллионов фотографий.

Особого внимания заслуживает и изрядно на шумевшая новость о 19-летнем жителе Британии, который в течение 6 месяцев не выходил из дома, потеряв 13 кг, тщетно пытаясь сделать лучшее селфи на свой

iPhone. Каждый день молодой человек тратил около 10 часов, делая примерно 200 селфи. Получив сильнейшее физическое и моральное истощение, он поступил в медицинскую клинику с диагнозом «селфомания», под которым подразумевалось серьезное психическое расстройство, выраженное в чрезмерном беспокойстве о собственной персоне. Изначально данное расстройство было вызвано болезненной фрустрацией на фоне постоянной критики его фотографий на Фейсбуке со стороны комментаторов. Далее молодого человека постиг провал на кастинге в модельном агентстве. Эти факторы и послужили причинами его общественного затворничества и бесконечного поиска своего идеального фотографического «Я».

Эгоцентризм интернет-зависимых людей в умелых руках маркетологов успешно используется в социальных кампаниях. Многочисленные бренды, в числе которых можно увидеть даже публичную библиотеку Нью-Йорка, реализуют собственные успешные маркетинговые кампании, посредством сочетания самолюбования интернет-пользователей и испытываемых положительных эмоций при совершении полезных для общественности дел. Людям нравится чувствовать свою онлайн-причастность к социальным инициативам, что поощряет их на распространение социально важной информации. Ярким примером тому служит кампания #unselfie (фото самого себя с табличкой, которая скрывает лицо), проведенная BBDO Gerrero (творческий председатель Дэвид Герреро), целью которой являлся сбор гуманитарной помощи для Филиппин.

Так, компанией Johnson & Johnson на основе селфи была разработана благотворительная кампания Selfless Selfie. За каждую фотографию, загруженную посредством бесплатного приложения Donate a Photo, бренд перечислял 1\$ на реализацию выбранной пользователем благотворительной акции [9]. Движение иммиграционной реформы также провели несколько успешных селфи-кампаний #Fairdoras, использующих фетровую шляпу как метафору светлого будущего для всех. Помимо использования при съемке шляпы, также было необходимо подписать мем к фотографии о том, почему, по мнению пользователя, важна эта кампания. Очевидно, что в данном контексте селфи теряет свой яркий негативный эгоцентричный подтекст и выступает инструментом виртуальной социальной коммуникации, активно используемым индивидами и взаимодействующими с ними коммерческими и общественными организациями и движениями для выражения гражданской позиции и достижения социального блага.

Определять истоки современного нарциссизма лишь в новой коммуникационной интернет-среде было бы не совсем корректно. Современный нарциссизм связан прежде всего с появлением нового типа личности с повышенным вниманием к самому себе. Это период индивидуализма, освобожденного от социальных и моральных ценностей,

где происходит изменение частной сферы, находящейся во власти одних лишь меняющихся желаний индивида [5, р. 79]. Ж. Липовецки отмечает, что это символизирует «конец homo politicus и появление homo psychologicus, заботящегося о себе самом и о собственном благополучии [5, р. 81]. «Когда прекращается экономический рост, на смену ему приходит психическое развитие; когда информация заменяет производство, рост самосознания требует все новых источников сырья: в ход идет йога, психоанализ, язык тела, дзен, групповая динамика, трансцендентальная медитация; экономический подъем сопровождается преувеличенным значением «пси» и мощным ростом нарциссизма» [5, р. 85].

Кризис доверия и утрата чувства онтологической безопасности, культура общества «высокого риска» как контекст существования современного «Я» – все это объясняет развитие нарциссизма как стратегии выживания в настоящем, вопреки неопределенному будущему в атмосфере фривольной апатии к драматическим реалиям современности. Нарциссизм – это реакция на вызов бессознательного: побуждаемое потребностью обрести себя, наше «Я» погружается в бесконечную работу по освобождению, наблюдению и объяснению своей личности. Ярким воплощением нарциссистских тенденций в современной культуре выступает феномен селфи.

Список литературы

1. Ануфриева К.В. Культура «высокого риска» как контекст существования современного «Я» // Вестник Тверского государственного университета. Сер.: Философия. 2012. № 3. С. 42–58.
2. Ануфриева К.В., Губман Б.Л. Глобальный мир: рефлексивные сценарии трансформации модерности // Вестник Тверского государственного университета. Сер.: Философия. 2012. № 4. С. 16–26.
3. Гуревич П.С. Горизонты человеческого существования // Человек и его будущее: Новые технологии и возможности человека. М., 2012. С. 72–86.
4. Гуревич П.С. «Кибернавт» как персонаж глобального мира // Культура глобального информационного общества: противоречия развития: сб. науч. ст. М., 2010. С. 158–167.
5. Липовецки Ж. Эра пустоты. Эссе о современном индивидуализме. СПб.: «Владимир Даль», 2001. 336 с.
6. Мак-Вильямс. Психоаналитическая диагностика. М.: Класс, 2001. 480 с.
7. Старовойтов В.В. Современный психоанализ: основные школы и направления развития. М.: Канон +, 2013. 320 с.
8. Holmes J. Narcissism. Cambridge: Icon Books, 2001. 75 p.
9. <http://www.bethkanter.org/selfies-for-good/>

10. <http://www.psychologytoday.com/blog/thriving101/201103/facebook-enhances-self-esteem-study-finds>
11. <http://www.theguardian.com/technology/video/2013/aug/29/thinkfluencer-episode-1-selfies-video>

«SELFIE» AS A FORM OF PERSONAL NARCISSISM IN THE CONTEMPORARY GLOBAL COMMUNITY

K.V. Anufrieva

Tver State University, Tver

The article is aimed at the analysis of «selfie» phenomenon as a form of personal narcissism in the contemporary global community culture. The loss of the feeling of ontological security and the search for the survival strategy today, despite the growth of the risk spectrum and unpredictability of the future, generates the reaction of narcissism, self-penetration in the unending work of liberation, observation and explanation of personality's world. Reproduced in the mass media and the Internet, the «selfie» images look like a striking example of narcissist personality self-analysis in the context of culture of «risk society».

Keywords: *person, self-identification, self-identification, self-representation, narcissism, narcissist personality, selfie, selfism, lifeloggin.*

Об авторе:

АНУФРИЕВА Карина Викторовна – кандидат философских наук, научный сотрудник кафедры философии и теории культуры ФГБОУ ВПО «Тверской государственной университет». E-mail: carina-oops@mail.ru

ANUFRIEVA Karina Victorovna – Ph.D., research fellow of the Dept. of Philosophy and Theory of Culture, Tver State University, Tver. E-mail: carina-oops@mail.ru

УДК 101.1:316

ЗНАНИЕ КАК РЕСУРС САМОПРОЕКТИРОВАНИЯ ЛИЧНОСТИ

И.А. Петров

ФГБОУ ВПО «Тверской государственный университет», г. Тверь

Рассматривается формирование общества знаний с помощью новых технологий, институтов и информационных систем, а также развитие и формирование нового типа личности благодаря инновациям в сфере образования. Особое внимание уделено введению новых социальных практик, феномену институционализации, а также связи различных институтов и практик между собой, что позволяет назвать современные изменения в институтах реакцией на динамично развивающуюся экономику и общество знаний.

***Ключевые слова:** общество знаний, социальная практика, институт, экономика знаний, институционализация.*

Проблема осмысления существования современного общества и самого человека внутри него стала предметом особого внимания специалистов различных сфер знаний. В конце XX в. представители социологии, философии и информатики отмечали, что развитие и использование средств информатизации и информационных технологий во всех сферах жизни общества приводит к его переходу в качественно новое состояние. Переход человечества к постиндустриальному или информационному обществу был спрогнозирован ещё в середине прошлого века.

Появление проблем, связанных с особенностями жизнедеятельности социальных институтов и разработкой новых институциональных практик в процессе создания общества знаний, является новым для социально-гуманитарных дисциплин. Те исследования, которые уже существуют, обычно анализируют отдельные аспекты явлений новой институциональной реальности, однако отсутствует формирование суммирующей целостной картины данного процесса. Работы зарубежных и российских ученых пока не дают возможности сформировать комплексное научное представление об институциональных изменениях в период перехода от нынешнего информационного общества к обществу знаний, поэтому эта статья делает попытку заполнить этот пробел.

Одна из фундаментальных характеристик современного общества – институционализация порядка – включает в себя «совокупность взаимосвязанных процессов: возникновение правил взаимодействия, их легитимацию в культурных значениях, интернализацию когнитивных схем, создание организаций, специально занимающихся поддержанием порядка» [9, с. 34]. Разные грани процесса институционализации способствуют возникновению дискуссий относительно концептов «институт», «институционализация», «институциональные практики».

Возникающий институт способствует материализации определенного вида общественных отношений. Важно подчеркнуть, что в западной и в отечественной социальной терминологии господствует нормативно-ролевое представление о явлении социального института в разных его трактовках. Помимо этого уже наработан существенный список трактовок и дефиниций понимания социального института», который разделяется по признакам природы и функций институтов, которые можно объединить в двух подходах. В научной литературе за основу берется дефиниция С. Хантингтона: «Институты – это устойчивые, значимые и воспроизводящиеся формы поведения» [11, с. 32].

Представители социального конструктивизма уделяют институционализации место там, где проходит «взаимная типизация опривыченных действий деятелями разного рода. Иначе говоря, любая такая типизация есть институт» [1, с. 92]. Еще один более расширенный подход к описанию концептуализации институтов берет за основу комплексное описание социального института и характеризует разные аспекты его многогранной сути. И.А. Шмерлина под социальным институтом онтологически понимает «четыре типа реальности: нормы права, установки обыденного сознания, повседневные статусно-ролевые практики и организации» [12, с. 65]. Этот подход можно считать достаточно веским, поскольку он дает возможность соединить разные концепции и справедливо показывает многогранность феномена институционализации. Следует отметить, что даже внутри одного социально-конструктивистского подхода существует довольно много трактовок и вариантов понятия «социальный институт». Благодаря институтам у практик социальных взаимодействий появляется признак устойчивости, который проявляется в социальном порядке. Суммируя сказанное, можно отметить, что хотя есть различия в позициях исследователей касательно концептуализации институтов, у них имеется общее мнение относительно того, что правила (нормы), мыслительные схемы и культурные смыслы возникают в ходе социальных взаимодействий и могут существовать в практиках социальных взаимодействий.

Социальный институт можно рассматривать как систему определенных правил поведения, воспринимающихся в широком понимании как ментальные соединения, которые наличествуют в повседневном или специализированном сознании общества и определяют стандартные формы совместной деятельности людей в разных целевых сферах, включая социальную, политическую или экономическую. В этой статье внимание обращено на социальные институты, которые «задают структуру побудительных мотивов человеческого взаимодействия – будь то в политике, социальной сфере или экономике. Институциональные изменения определяют то, как общества развиваются во времени, и, таким образом, являются ключом к пониманию исторических перемен» [8, с. 118].

Ведущая роль в образовании при новом типе институциональности общества знаний принадлежит бурному развитию информационно-

коммуникационных технологий, которые создают уникальные возможности – получать, хранить, передавать знания, создавать необходимые объединения и партнерства, представлять интересы разных социальных слоев. Сетевые сообщества, которые сейчас возникают и активно развиваются, уже могут самоорганизовываться, децентрализоваться, менять иерархическую структуру и быть доступными для всех, выступая опорными пунктами в новом типе институциональности. Постоянно меняющееся общество требует институции нового вида. Зарубежные социологи говорят о создании институтов «постмодернити», в России исследователи называют их институтами эпохи трансформации или институтами будущего. Такая характеристика институтов, как «постмодернити», отражает преодоление жесткости институционализации, её упрощение, помогает выделить различия с традиционными институтами, которые состоят в том, что они:

- имеют больше возможности, чтобы взаимодействовать, являясь институциональными посредниками для разных обособленных, не взаимодействующих областей;
- намного более транспарентны и свободны для участия разных социальных акторов (для возможного партнерства, для входа-выхода участников, для общества в целом);
- высокоинновационны в плане выраженной инициативы и креативности, могут за счет нового восприятия создать нечто совершенно новое, обладают лучшей артикулированностью проблем и лучшей сфокусированностью на их сути [3].

В период перехода от информационного общества к обществу знаний данные параметры можно отнести как к классическим социальным институтам – институтам образования, науки, демократии, так и к новым институтам общества знаний – институтам генерации знаний, электронной демократии, неформального образования.

Можно сказать, что наиболее активная трансформация происходит в институте науки. Это произошло в связи с тем, что общество знаний предполагает всеобщее использование научного прогресса в ходе социального, экономического и политического изменения общества, ему необходимы стимулы для изготовления, приобретения и распространения знаний. Особенности отношения к науке в обществе существенно показывают возможные перспективы общественного и государственного прогресса XXI в.

На сегодняшний день современная наука не только создает знания, что было ее изначальной целью как социального института. В обществе знаний наука как социальный институт выполняет социальную, экспертную функции, она становится реальной экономической силой, определяющей динамику развития государства и его роль в современном мире. Институт науки обладает значительным интеграционным и диверсификационным потенциалом, а общество знаний становится ос-

новой для синтеза институциональных практик. Д.В. Ефременко размышляет о фактическом уничтожении ранее стационарных демаркационных линий между наукой, образованием, обществом и политикой, об изменении отношений между ними, что будет иметь дальнейшие последствия. «В организационно-институциональном аспекте данный процесс выражается в возникновении «своеобразных гибридных сообществ», т. е. «организационных структур, в которых ученые, политики, администраторы и представители промышленности и других групп интересов непосредственно взаимодействуют, чтобы определить проблему, исследовательскую стратегию и найти решения» [4, с. 702]. Теперь в производстве, распространении знаний и внедрении инноваций, созданных на их базе, участвуют государственные органы, которые влияют на определение научно-технической и инновационной политики, научные организации, создающих научно-технический продукт, и предприниматели, которые его внедряют. От эффективности их связей зависят устойчивость структуры в сфере научно-технических нововведений и темп инновационного развития государства.

Возникает необходимость пересмотреть у экономистов многие положения классической теории из-за возрастания роли научных знаний в ходе постиндустриальных изменений в обществе и превращения его в один из факторов экономического развития, формирования «новой экономики» – экономики знаний. Осмыслением проблем экономики знаний занимались многие зарубежные и отечественные исследователи. Хотя при этом проведенные исследования обычно ограничены обсуждением данного вопроса в инструментальном аспекте, а собственно институциональный анализ используют гораздо менее активно, чтобы оценить эволюцию и прогнозы развития элементов экономики знаний. Переход к новому типу экономики, где главную и наиболее эффективную роль должна выполнять инновационная система как новая институциональная модель создания, распространения и использования знаний, его проявления в новых продуктах, технологиях, услугах во всех аспектах жизнедеятельности общества, нуждается в создании новых институтов, которые смогли бы способствовать становлению и развитию инновационной системы, а также благоприятного инновационного климата. Такими М.М. Киреев видит институты генерации знаний, представляющие собою «особый вид институтов, которые занимаются воспроизводством нематериальных ресурсов (знаниевых активов), т. е. их созданием, апробацией на практике, обменом, трансфером (передачей) другим субъектам на определенных условиях (рыночных или нерыночных) и постоянным обновлением данных ресурсов» [6, с. 177]. Именно институты генерации знаний способны обеспечить инновационный социальноориентированный тип роста. При этом традиционные и новые институты генерации знаний различаются. Традиционные институты производства знаний – институты в секторе науки, образования, производства

наукоемкой продукции – создаются в рамках предыдущей индустриальной стадии развития и функционируют внутри постиндустриальной экономики. Разница между новыми и старыми институтами генерации знаний состоит в том, что новые возникают на стадии постиндустриального развития и формируют ее институциональный состав. Современные новые институты генерации знаний – это технопарки, венчурные компании, научные интегративные системы, креативные корпорации, инновационные кластеры, глобальные инновационные корпорации, образовательные центры, бизнес-инкубаторы, центры разработки технологий, информ-центры. Наиболее явными и эффективно действующими новыми институтами экономики знаний можно считать технопарковые структуры, которые активно развиваются в разных странах. Их создали на основе органического синтеза инновационных идей, современных технологий и внедрения новых технологий, доведенных до массового выпуска инновационных продуктов. Эти структуры можно считать лучшим примером интеграции новых институтов в обществе знаний.

Возрастание роли научного потенциала в разных сферах общественной жизни выделяет проблемы соответствия образования уровню современных потребностей общества. Институт образования кардинально меняется, что обусловлено потребностями общества знаний в интеллектуальном, креативном, гармонично развитом индивидууме, способном воспринимать инновации, искать и получать новые знания, принять нестандартное решение, стремиться к совершенствованию окружающего жизненного пространства. В обществе знаний институт образования чрезвычайно важен, так как он транслирует знания, проводит социокультурную репродукцию, социализацию, создает условия для изменений социального характера, которые относятся к разным сферам жизни общества и его институтов. Институт образования закладывает фундамент образовательной, воспитательной, репродуктивной практики общества, характер и динамику социальных трансформаций внутри общества знаний.

Деинституционализация образования демонстрирует глобальный характер институциональных изменений в образовании. Внутри института образования происходит больше всего качественных и противоречивых изменений. В одно и то же время новые образовательные практики объединяются в институты. В обществе знаний также наличествует институциональное закрепление форм перманентного образования как главной образовательной глобальной тенденции.

Образование в обществе знаний строится не только на общественном заказе, но и на стремлениях самого субъекта образования к самообразованию, самореализации, успешной адаптации в социуме, поэтому основной функцией в институте образования считается «человекообразующая». Таким образом отражаются требования общества к человеку в феномене деинституционализации.

Разделение института образования связано со структурой современных образовательных практик, появлением новых институций, изменением институциональных форм. Помимо классических институтов образования, появляются новые институты: для образования взрослых, дистанционное обучение, опережающее, интегративное образование. Существенно изменяются формы образовательных учреждений: создаются корпоративные университеты, различные образовательные комплексы, объединенные в единый организм.

В обществе знаний особенно важны интегрированные институты образования, науки, экономики знаний, которые переводят фундаментальную науку в образовательную сферу и экономическую практику, что делает результаты научных разработок востребованными. Эту интеграцию обеспечивают университеты, которые играют роль интегратора знаний в современном обществе или информационного интегратора в обществе знаний.

Переход к обществу знаний возможен благодаря трансформации традиционных политических институтов и государственного устройства с осознанием важной роли знаний как источника власти в измененном обществе, появления новых средств электронных связей, роста уровня образованности, внедрения глобализации. В обществе знаний активное всеобщее использование знаний возможно только при развитых обновленных формах демократии, трансформации демократических институций.

Нынешние информационно-коммуникационные технологии способствуют демократическому обсуждению социально значимых вопросов. Происходящие коренные институциональные изменения в сфере политики способствуют созданию общественного пространства, «которое характеризуется не только разнородностью участников, но и уровнем их компетенции, поскольку полноценное обсуждение возможно лишь при достаточной информированности, обучении, овладении знаниями» [2, с. 27].

Эти вопросы касаются формирования демократических институтов в обществе знаний, где отдельно выделяются институты электронной демократии, электронного правительства, политической экспертизы и т. д. Интернет-технологии, называемые «электронным правительством» (E-Government), обеспечивают информационную связь между органами власти и населением с институтами гражданского общества. Широкое определение понятия дает Ю.А. Нисневич, который рассматривает электронное правительство «не только как современное организационно-технологическое построение системы государственного управления, основанное на использовании ИКТ и сетевой инфокоммуникационной инфраструктуры, но и, прежде всего, как постиндустриальную философию государственного управления» [7, с. 157–158].

В начале XXI в. сообщество постиндустриальных стран предприняло целый ряд правовых, организационных, технологических решений

для формирования и развития «электронного правительства». Сначала публичность концепции «электронного правительства» была успешно реализована во многих постиндустриальных странах Запада и Востока, где правительство открыло свои Интернет-страницы. Другой динамично развивающийся институт, который дает обществу эффективные средства контроля над политической властью, это институт экспертизы.

В постиндустриальных странах власть всех уровней принимает важные решения после анализа предварительных научных, правовых, технико-экономических, экологических экспертиз, которые становятся важной частью в ходе принятия политических решений. Для их проведения привлекают квалифицированных аналитиков, консультантов, экспертов, которые производят особый, специфический вид знаний, предназначенный для внедрения в практическую политику.

В обществе знаний самостоятельная, эффективная и адекватная политическая экспертиза достигается при условии выполнения таких взаимосвязанных указаний: формирования в обществе сознательного критического, самостоятельного отношения общества к экспертизе, осознания важности продуманного выбора и ответственности за него; формирования общественного заказа на науку и экспертизу, который особенно необходим по мере увеличения риска и противоречий в общественном развитии.

Подводя итоги, необходимо выделить главную идею данного исследования: в зависимости от вида институциональной основы общества и её эволюции происходит направление развития общества и развитие отдельного индивидуума по его проектированию. Проведенный анализ дает возможность полагать, что современные изменения в институтах являются реакцией на динамично развивающиеся экономику знаний и общество знаний. Отмеченные вопросы до сих пор не имеют четкой артикуляции и не становятся предметом активных социально-гуманитарных дискуссий. Но если учитывать темп и качественные характеристики в институциональных изменениях, можно предугадать, что скоро они будут в центре внимания многих ученых.

В ходе работы было определено влияние знания и информации на изменения в современном обществе. В процессе исследования было установлено, что знания и информация в современном обществе становятся системообразующими ценностями. Процесс разделения в современном обществе сложно структурирован, поскольку вместе с традиционными признаками статуса (деньгами, властью, престижем) появляются новые основания разделения общества – знания, образование, информационное поле. Появляются новые синергетические эффекты, отображаемые, например, в понятиях «социальный капитал», «образовательный капитал», «символический капитал» (П. Бурдьё), «информационный капитал».

Список литературы

1. Бергер П., Лукман Т. Социальное конструирование реальности: трактат по социологии знания. М.: Медиум, 1995. 323 с.
2. Василькова В.В. Концепция общества знания: новая утопия или социальная технология // Общество знания: от идеи к практике: в 3 ч. Ч. 1. Основные контуры концепции общества знания. / под ред. В.В. Васильковой, Л.А. Вербицкой. СПб.: Скифия-принт, 2008. С. 6–29.
3. Диалог культур – 2010: наука в обществе знания: сб. науч. тр. междунар. науч.-практ. конф. СПб.: Изд-во Санкт-Петербург. академии управления и экономики, 2010. 610 с.
4. Ефременко Д.В. Научно-техническая деятельность как фактор политического процесса в обществе знания [Электронный ресурс]. URL: <http://www.rusrand.ru/konf1/efremenko.pdf/>.
5. Ирхин Ю.В. «Электронное правительство» и общество: мировые реалии и Россия (сравнительный анализ) // Социологические исследования. 2006. № 1. С. 73–82.
6. Киреев М.М. Институты генерации знаний как основа национальной инновационной системы // Вестн. Саратов. гос. соц.-эконом. ун-та. 2008. № 5. С. 177–181.
7. Нисневич Ю.А. «Электронное правительство» как постиндустриальная философия государственного управления // Теория и практика общественно-научной информации. 2005. Вып. № 19. С. 153–170.
8. Норт Д. Институты, институциональные изменения и функционирование экономики / пер. с англ. А.Н. Нестеренко; предисл. и науч. ред. Б.З. Мильнера. М.: Фонд эконом. книги «Начала», 1997. 180 с.
9. Панов П.В. Институты и институциональные практики: проблема концептуализации // Вестн. Перм. Ун-та. Сер. «Политология». 2010. № 4. С. 34–47.
10. Стронгин Р.Г., Максимов Г.А., Грудзинский А.О. Университет как интегратор в обществе, основанном на знании // Высшее образование в России. 2006. № 1. С. 16–18.
11. Хантингтон С. Политический порядок в меняющихся обществах. М.: Прогресс-Традиция, 2004. 480 С.
12. Шмерлина И.А. Социальный институт: обзор исследовательских подходов // Социологический журнал. 2008. № 4. С. 53–69.

KNOWLEDGE AS A RESOURCE OF PERSONALITY SELF-DESIGN

I.A. Petrov

Tver State University, Tver

The paper examines the formation of knowledge society with the help of innovative technologies, institutes, and information systems. It also describes development and formation of a new personality type owing to the innovations in the sphere of education. Particular attention is given to the introduction of new social practices, institutionalization phenomenon, as well as connection between various institutions and practices that gives an opportunity to define contemporary changes in the institutes as a reaction to dynamically developing economy and knowledge society.

Keywords: *knowledge society, social practice, institute, knowledge economy, institutionalization.*

Об авторе:

ПЕТРОВ Илья Александрович – аспирант кафедры философии и теории культуры ФГБОУ ВПО «Тверской государственный университет». E-mail: ipetrov@mail.ru

Author Information:

PETROV Ilya Alexandrovich – Ph.D. student of the Dept. of Philosophy and Cultural Theory, Tver State University. E-mail: ipetrov@mail.ru

УДК 1(470) (091) «18/19»

ДИАЛОГ КУЛЬТУР КАК ПРОБЛЕМА

В.В. Буланов

ГБОУ ВПО «Тверская государственная медицинская академия», г. Тверь

Исследуется сущность затруднений, связанных с осуществлением диалога культур как актуальной проблемы. В данной связи автор характеризует все факторы, влияющие на процесс как диалога субъектов общей культуры, так и диалога субъектов различных культур. При этом автор стремится выявить степень затруднительности ведения межкультурного диалога.

Ключевые слова: *диалог культур, субъект диалога, помеха для диалога, диалогичность, опосредованный диалог.*

Диалог культур чрезвычайно изменчив как по содержанию, так и по составу участников. И его осмысление неизменно актуально, так как сущность проблемы диалога культур состоит в крайней сложности преодоления тех разнообразных и многочисленных затруднений, с которыми сталкиваются его участники.

Современные ученые по-разному понимают оптимальную стратегию её решения. Одни призывают исходить из того, что любым участником межкультурного диалога «инаковость иной культуры должна позитивно восприниматься», так как именно под влиянием результатов её осмысления формулируются ответы на «последние вопросы человеческого бытия» [3, с. 50]. Другие считают, что из-за стремления к сохранению культурами своей идентичности и самодостаточности, они склонны соперничать и конфликтовать друг с другом, и потому между их субъектами конструктивный диалог является невозможным [15, с. 39]. В этой связи представляется компромиссной точка зрения, согласно которой «представитель другого народа может видеть мир несколько иначе, чем я», и потому крайне желательно получить «коэффициент» затруднительности осуществления диалога культур [5, с. 15–16]. Достижение этой цели могло бы предотвратить многие конфликтные ситуации между субъектами диалога культур и тем самым существенно повысить шансы на его поддержание или возобновление.

При формулировании этого «коэффициента», думается, нужно взять во внимание следующие обстоятельства. Первым и самым важным из них должно быть определение степени затруднительности осуществления диалога между субъектами одной и той же культуры. Ведь, несмотря на точку зрения ряда ученых, согласно которой для носителей одной и той же культуры вести диалог друг с другом несложно [14, с. 50], часто реалии межличностной коммуникации свидетельствуют о наличии серьезных помех для его осуществления. Также следует выявить подоб-

ный «коэффициент» затруднительности, возникающий в ходе межкультурного диалога. Необходимость этого очевидна из того факта, что у каждой культуры есть свои «фундаментальные основы», придающие ей структурное единство и неповторимость, и эти основы имеют ценностный характер. Поэтому диалог, затрагивающий данные основы, вызывает у любого субъекта культуры бессознательное неприятие или, в лучшем случае, стремление интерпретировать слова партнёра по подобному диалогу так, чтобы они не угрожали этим основам [1, с. 58–60].

Начнём с характеристики тех затруднений, с которыми сталкиваются участники диалога, являющиеся субъектами одной и той же культуры. Эти сложности существуют всегда, и по нескольким причинам, которые почему-то исследуют по отдельности друг от друга. Во-первых, ею является отмеченная Ю.М. Лотманом неспособность любого языка, присущего субъектам диалога, как охватить весь мир полностью, так и целостно и неискажённо передавать нужную информацию [9, с. 9, 13]. Вторая из этих причин, если следовать Х.Г. Гадамеру, проявляется во влиянии пред-суждений на сознание каждого из субъектов диалога, приводящем к тому, что восприятие им информации извне незаметно для него самого предопределено соответствующими пред-пониманиями [4, с. 320]. Сумма первой и второй причин, соотношение которых ситуативно, ведет к тому, что каждый из участников диалога подвержен влиянию стереотипов и склонен к формулированию необъективных атрибуций. Стереотипы – это устойчивые и упрощённые представления одного участника диалога о культуре и этносе своего собеседника. Они могут как вести к идеализации, так и вызывать враждебность, страх, презрение. Необъективные атрибуции возникают потому, что каждый участник диалога пытается дать собственные объяснения поведению партнёра, но не всегда обладает полной информацией о действительных причинах этого поведения [13, с. 212–221, 228, 231]. Нужно принять во внимание и склонность отторгать поступающую извне информацию, и выработку в целях защиты от неё некоего антисмыслового «панциря». М. Бубер считает, что чем надёжнее эта защита, тем сложнее участнику диалога всесторонне понять своего партнёра [2, с. 131–132]. Думается, что речь идет о таком человеческом качестве, как консервативность: ведь чем он консервативнее, тем более склонен к отторжению всего нового. Склонность человека к консерватизму кратно увеличивает стереотипность его мышления, в то же время эта склонность никак не связана с формулированием этим человеком негативных атрибуций.

В данной связи сложно не согласиться с мнением С.С. Гусева и Г.Л. Тульчинского, по которому между субъектами диалога неизбежен конфликт интересов. Ведь каждый из них считает осмысление предмета этой коммуникации в достаточной мере значимым для того, чтобы отстаивать свою точку зрения и собственные интересы, интерпретированные в соответствии с нею [7, с. 131]. Чем терпимее данная культура субъектов

диалога к инакомыслию, чем выше в ней ценится умение находить компромисс в ситуации конфликта интересов, тем значительнее склонность этих людей к тому, что Г.С. Померанц удачно назвал «диалогичностью» [11, с. 562]. При этом есть фактор, ослабляющий степень диалогичности, – это дискомфортные эмоции одного из партнёров по диалогу, которые провоцируют рост его отчуждённости по отношению к другому партнёру по диалогу. Наиболее интенсивными подобные эмоции являются в случае опосредованного межкультурного диалога – диалога читателя с автором через посредство созданного им произведения – если читатель принадлежит к культуре, имеющей противоположное отношение к ценности, связанной с проблематикой данного диалога, чем автор. Ведь сами ценности, как отмечает Б.Л. Губман, получают свою общезначимость именно в ходе диалога [6, с. 228], но диалога, осуществляемого непосредственно. И с непосредственным партнёром по диалогу невозможно полемизировать о ценностях, а с автором как опосредованным партнёром по диалогу даже нельзя прийти к компромиссу, что в подобном случае и для участников обычного диалога является крайне сложным [8, с. 90]. Неудача этой попытки, по наблюдению А. Лэнгле, с большой степенью вероятности может привести к отказу от продолжения диалога, к предпочтению закрытости для коммуникации, к выбору защитной стратегии взаимодействия с другими субъектами культуры [10, с. 42, 44]. Причём, как отмечает Ф. Бродель, несовместимость ценностей может препятствовать межкультурному диалогу не только отдельных людей, но и целых обществ, даже когда их убеждают в благотворности такой рецепции [1, с. 58–59]. Например, нереален диалог между сторонниками противоположных мировоззрений, в частности диалог воинствующего атеиста и глубоко верующего человека, правозащитника с террористом, ученого с колдуном: он не снимает взаимную непримиримость присущих им мировоззрений и поэтому не может привести к совместному достижению истины [14, с. 52].

При этом мера диалогичности обратно пропорциональна всему, что препятствует диалогу, т. е. склонности к стереотипам, необъективным атрибуциям и консерватизму. А мера ценности диалога, по наблюдению Ю.М. Лотмана, для его участников прямо пропорциональна степени сложности восприятия информации, транслируемой в процессе его осуществления. Диалог невозможен, когда его потенциальные субъекты обладают одинаковой информацией и способны её без помех транслировать друг другу [9, с. 14–15], и соответственно в обратных случаях – когда эта информация несоизмерима или когда при её трансляции возникают непреодолимые и принципиальные препятствия. Поэтому диалог может состояться, если различие информаций, допустимое для ведения диалога, больше нуля (два сообщения «красивый цветок»), но меньше максимального значения, при котором эти две информации невозможно обсуждать одновременно (сообщения «красивый цветок» и «железный стул»).

Существуют и помехи, оказывающие негативное влияние лишь на диалог субъектов разных культур, иными словами, только на межкультурную коммуникацию в диалогическом дискурсе. Они, по наблюдению Г.Д. Гачева, приводят к тому, что носитель каждого языка имеет присущее только данным носителям «отношение ума к миру», и поэтому диалог между субъектами разных культур похож на общение двух космосов [5, с. 187]. К таким помехам можно отнести диалогическую несовместимость логик, присущих культурам субъектов диалога. Если следовать точке зрения Г.С. Померанца, несовместимы логики, присущие субъектам культур средиземноморского и индийско-дальневосточного типов. Первому типу присуще предпочтение прямой линии, опора на закон исключённого третьего и, как следствие, дуальное мышление. Второму, наоборот, свойственно тяготение к кривой линии и неприятие закона исключённого третьего и потому – плюралистическое мышление [12, с. 452]. Все это ведёт к неприятным недоразумениям, когда, по замечанию Г.Д. Гачева, один человек «слагает мысли в ряд», являющийся доказательным для него, но не для представителя другого народа [5, с. 37].

Помехой является и отмеченное А.П. Садохиним различие соотношений вербальных элементов в стратегиях участников диалога. В низкоконтекстуальных культурах смысл информации формируется лишь из анализа словесных высказываний, а роль контекста несущественна. Это отмечается в культурах западного (т. е. европейского и североамериканского) типа. Для субъектов высококонтекстуальных (всех азиатских) культур для получения смысла одних словесных высказываний недостаточно, и тот контекст, при котором они получены, имеет большое значение [13, с. 141].

Ещё одной помехой, способной препятствовать ведению диалога между субъектами различных культур, является несовпадение стилей ведения диалога, присущих культуре каждого из его участников. По степени открытости участника диалога выделяются прямой и непрямой стили. Прямой стиль ведения диалога характеризуется тем, что исключает условности и недосказанность (индивидуалистские, западные культуры – европейская и североамериканская). Непрямой стиль, напротив, считает их необходимыми в диалоге (коллективистские культуры). В данной связи С.С. Гусев и Г.Л. Тульчинский справедливо отмечают, что каждая культура сообщает своему субъекту определённый «канон смыслообразования», предопределяющий специфику осмысления им полученной информации [7, с. 109–110]. Но послание другому партнёру по диалогу, созданное в соответствии с таким канонem, может не быть полностью или корректно прочитано, если степень открытости диалогу у адресата этого послания иная.

В соответствии со степенью использования экспрессивных средств языка участники диалога следуют искусному или краткому сти-

лю. Искусный стиль предполагает богатую экспрессию (коллективистские культуры арабских народов), краткий стиль в первую очередь стремится к передаче информации (но это по-разному происходит в индивидуалистских культурах (неприятие пауз) и в коллективистских культурах (использование пауз). В зависимости от ориентации диалогического процесса выделяют инструментальный и аффективный стили. Инструментальный стиль нацелен на достижение цели диалога (присущ субъектам индивидуалистских культур). Для аффективного стиля первостепенной значимостью обладает процесс диалога (для субъектов коллективистских культур) [13, с. 146–149].

Итак, в числе помех межкультурному диалогу были названы несовместимость логик, различие соотношений вербальных элементов в стратегиях участников диалога, несовпадение стилей и степень использования экспрессивных средств языка. Чем их больше, тем сложнее вести диалог культур. Они добавляются в качестве отягощений к уже сформулированному нами коэффициенту затруднительности ведения диалога между субъектами одной и той же культуры.

Если попытаться на основе данных факторов выработать формулу «коэффициента» затруднительности участия в диалоге культур, то она должна представлять собой сумму всех помех (как универсального характера, так и присущих лишь межкультурному диалогу) для осуществления этого диалога, поделённую на сумму степени диалогичности субъектов этого диалога и различие информации, допустимое для ведения диалога.

В качестве самого простого примера попробуем вывести «коэффициент» затруднительности диалога культур, проходившего в 1896–1900 годы между Львом Шестовым, российским мыслителем, и творческим наследием немецкого философа Фридриха Ницше, впавшего в безумие в 1889 году. По указанным выше причинам этот диалог является опосредованным (Ф. Ницше не мог сам отвечать Л. Шестову) и межкультурным (Ф. Ницше – немец, Л. Шестов – еврей с существенным влиянием на него культуры России). Показатели формулы этого «коэффициента» соотнесём с такими значениями: отсутствует, слабо, средне, или сильно выражено.

Начнём с того, что различие информации, допустимое для ведения диалога, в данном случае оптимально: Л. Шестов имел полный доступ к трудам Ф. Ницше. Обратимся к анализу универсальных показателей затруднительности (т. е. диалога между субъектами одной и той же культуры) – стереотипов и необъективных атрибуций. Примером влияния сильно выраженного стереотипа представляется восприятие Л. Шестовым ницшевской критики религии. Ведь он – в духе стереотипа, присущего русской общественной мысли, – воспринял Ф. Ницше как религиозного мыслителя и даже ницшевскую проповедь выхода «по ту сторону добра и зла» истолковал как последствие постижения тайного

смысла евангельской истины. На этот опосредованный диалог культур сильно влияла и необъективная атрибуция. Она возникла из-за диссонанса между пленявшими молодого Л. Шестова идеями гуманности и ницшевским призывом «толкать падающих», сопряжённым с симпатией Л. Шестова к личности Ф. Ницше. По этой причине он расценивает присущий философии Ф. Ницше призыв к безжалостности как лицемерие и обман, с помощью которых Ф. Ницше якобы оправдывал свою жизнь и самого себя в своих же глазах. Степень консерватизма Л. Шестова может быть обозначена как сильно выраженная. Столкнувшись с деизмом Вольтера и И. Канта, который не вписывался в привычную для него дуальность «вера в Бога – неверие в Бога», Л. Шестов фактически игнорировал это несоответствие, заявив, что эти мыслители «убили Бога». При этом степень диалогичности Шестова можно охарактеризовать как слабо выраженную. Он пытался вести дискуссию с Ф. Ницше как мыслителем, но постоянно сдавался искушению подменить ход аргументации немецкого философа собственными гипотезами. Расценив мировоззрение Ницше как человеконенавистническое, Шестов и в биографии Ф. Ницше сначала пытался обнаружить жестокие поступки. А затем, после изумившей его неудачи, увлёкся соотношением трансформации философии и биографии Ф. Ницше. Шестов даже позволял себе делить идейное наследие Ф. Ницше на меньшую часть, в которой этот мыслитель искренен, и на большую часть, где он лицемерит. Что же касается помех межкультурного характера, то они – несовместимость логик, различие вербальных элементов, несоответствие стилей и контрасты экспрессивности языка – все отсутствовали. Недаром Л. Шестов не раз восхищался Ф. Ницше как мыслителем и постоянно претендовал на столь же глубокое понимание его скрытых мыслей, как и у русского писателя Ф.М. Достоевского.

Итак, применив «коэффициент» затруднительности диалога культур к случаю опосредованного диалога Л. Шестова с Ф. Ницше, мы получим следующие результаты. Этот межкультурный диалог проходил в очень благоприятных условиях: ни одной из помех, специфичной для коммуникации двух субъектов различных культур, не было. Также стоит отметить высокую заинтересованность Л. Шестова в участии в этом диалоге и отсутствие расхождений между желаемыми им и получаемыми сведениями в ходе данного опосредованного диалога с Ф. Ницше. В то же время можно отметить полный набор сильно выраженных помех участием самого Л. Шестова в данном диалоге – это и консерватизм, и стереотипы, и необъективные атрибуции. Получив подобные показатели коэффициента, уже не удивишься, узнав, что Ницше на протяжении всего творческого пути оставался для Шестова притягательным мыслителем – опосредованным собеседником, но при этом идеи немецкого философа нередко произвольно интерпретируются им, вплоть до существенного искажения.

Таким образом, «коэффициент» затруднительности ведения диалога культур даёт представление обо всей сложности участия в нём. Даже при максимальной изначальной заинтересованности потенциальных участников диалога культур этот интерес очень легко утратить, потому что все факторы, препятствующие продолжению данного диалога, могут быть компенсированы только степенью диалогичности обоих этих субъектов. Вот почему проблема диалога культур, при всей своей актуальности и исследованности, до сих пор не решена. Но нельзя и утверждать, что данная проблема неразрешима вообще.

Список литературы

1. Бродель Ф. Грамматика цивилизаций. М.: Весь мир, 2008. 549 с.
2. Бубер М. Диалог // Бубер М. Два образа веры. М.: АСТ, 1999. С. 122–161.
3. Габитов Т.Х. Национальная идея в контексте диалога культур // Вопросы философии. 2013. № 3. С. 49–57.
4. Гадамер Х.Г. Истина и метод: Основы философской герменевтики. М.: Прогресс, 1988. 704 с.
5. Гачев Г.Д. Национальные образы мира: курс лекций. М.: Изд. центр «Академия», 1998. 432 с.
6. Губман Б.Л. Введение в философию культуры // Губман Б.Л. Современная философия культуры. М.: РОССПЭН, 2005. С. 289–523.
7. Гусев С.С., Тульчинский Г.Л. Проблема понимания в философии: философско-гносеологический анализ. М.: Политиздат, 1985. 192 с.
8. Докучаев И.И. Ценность и экзистенция. Основоположения исторической аксиологии культуры. СПб: Наука, 2009. 595 с.
9. Лотман Ю.М. Культура и взрыв. М.: Гнозис; Изд. группа «Прогресс», 1992. 272 с.
10. Лэнгле А. Эмоции и экзистенция. Харьков: Гуманитар. центр, 2007. 332 с.
11. Померанц Г.С. Диалог // Культурология: энциклопедия: в 2 т. / глав. ред. С.Я. Левит. М.: РОССПЭН, 2007. Т. 1. С. 562–563.
12. Померанц Г.С. Диалог культурных миров // Лики культуры: альманах. М.: Юрист, 1995. Т. 1. С. 445–455.
13. Садохин А.П. Межкультурная коммуникация. М.: Альфа-М; ИНФРА-М, 2013. 288 с.
14. Федотова В.Г. Единство и многообразие культур в условиях глобализации // Вопросы философии. 2011. № 9. С. 45–53.
15. Чумаков А.Н. Культурно-цивилизационный диалог как способ решения проблем в современном мире // Вопросы философии. 2013. № 1. С. 35–42.

DIALOGUE OF CULTURES AS A PROBLEM

V.V. Bulanov

Tver State Medical Academy, Tver

The essential difficulties related to the realization of the cultural dialogue as an actual problem are studied in the article's format. In this perspective, the author examines all the factors influencing both the dialogue of subjects within one common culture, as well as the dialogue of subjects of different cultures. Thus, the author aspires to reveal the degree of difficulty of conducting the inter-cultural dialogue.

Keywords: *cultural dialogue, subject of dialogue, dialogue obstacle, dialogical communication, mediated dialogue.*

Об авторе:

БУЛАНОВ Владимир Владимирович – кандидат философских наук, доцент кафедры философии и психологии с курсами биоэтики и истории Отечества ГБОУ ВПО «Тверская государственная медицинская академия», г. Тверь. E-mail: althotas3111978@mail.ru

Author information:

BULANOV Vladimir Vladimirovich – Ph.D., Assoc. Prof. of the Dept. of Philosophy and Psychology with courses of bioethics and Russian History, Tver State Medical Academy, Tver. E-mail: althotas3111978@mail.ru

УДК 316.4.051.3

ЭКОЛОГИЧЕСКИЕ ПОСЛЕДСТВИЯ ГЛОБАЛИЗАЦИИ

К.М. Ефременков

ФГБОУ ВПО «Тверской государственный университет», г. Тверь

В настоящее время экологический риск неравномерно распределен между различными социальными слоями. Констатируется, что люди с более высоким уровнем дохода и образования получают дополнительные возможности избегать экологического риска. Экономически развитые страны переводят наиболее опасные промышленные производства в бедные развивающиеся страны. Резко усиливается расслоение общества. Автор отмечает, что в современном обществе отсутствует культура превентивного экологического мониторинга, и контроль осуществляется только в режиме чрезвычайных ситуаций. На экологию процесс глобализации может оказывать как позитивное, так и негативное воздействие.

***Ключевые слова:** мировая капиталистическая экономика, гегемония, современное национальное государство, мобильность, техногенное воздействие на окружающую среду, биосфера, экологическое право.*

На рубеже XX–XXI вв. мы можем говорить о глобальном кризисе современной цивилизации, что проявляется в обострении взаимоотношений общества и природы, в росте социальной напряженности общества. Порождаемый конфликт с окружающей средой на фоне глобализации экологических проблем актуализирует вопрос о необходимости поддержания устойчивости системы биосферы в целях выживания рода человеческого. Бесспорно, разрешение подобных проблем требует широчайших междисциплинарных усилий, что возможно лишь на общемировом уровне. На данном этапе развития общества за основу следует принять транснациональную концепцию о целях и правилах пребывания человека на Земле. При этом первостепенное внимание следует уделять не созданию мощного государства или государств, а общемировой проблеме перехода общества из состояния неравновесного в квазистационарное для разрешения многочисленных экологических проблем, связанных с выживанием человечества как вида.

Глобальные проблемы нашей эпохи – это закономерное следствие сложившейся на земном шаре современной глобальной ситуации. Чтобы прояснить происхождение, сущность проблем и найти способы их разрешения, необходимо рассматривать их как результат процесса всемирного исторического развития с его объективной противоречивостью. Не стоит рассматривать современные глобальные проблемы как просто разросшиеся до огромных масштабов локальные и региональные противоречия или кризисы. Современные глобальные проблемы являются следствием неравномерного развития мировой цивилизации.

В социологии понятие глобализации стало широко использоваться с конца XX в. Под глобализацией понимался процесс расширения взаимосвязей и увеличение взаимного влияния между удаленными друг от друга регионами мира. Этот процесс проявлялся в различных сферах общественной жизни: экономической, политической, культурной.

Изначально ряд социологов обратили внимание на экономические аспекты глобализации. Ещё в 1970-е гг. американский социолог Иммануил Валлерстайн (или, правильнее, Уоллерстайн) сформулировал теорию мира как системы. Он выделял два основных типа миросистемы (world-system): мир–экономика (world–economy) и мир–империя (world–empire) [3, с. 93; 4, с. 24–25].

Мировая империя основана на политическом господстве над подчиненными народами, и основным историческим примером является Римская империя. Попытки воссоздания единой империи продолжались в Европе на протяжении многих столетий, но не увенчались успехом. С XVI в. началось развитие нового типа миросистемы – мировой капиталистической экономики.

В пределах этой системы И. Валлерстайн выделяет ядро (core) из наиболее экономически развитых стран и периферию (periphery), которая подвергается эксплуатации со стороны ядра системы. Рассматривая развитие данной системы, он выделяет такие процессы, как колониальная экспансия государств Европы, расширение международного разделения труда и изменение в характере межгосударственных отношений в рамках ядра миросистемы. Как отмечает И. Валлерстайн, одна из стран, входящих в это ядро, может обладать явным экономическим и военным превосходством, иначе гегемонией, над государствами-соперниками.

Например, в середине XIX в. в таком положении находилась Великобритания, а в середине XX в. – США. Со временем гегемония ослабевает по ряду экономических причин. Начало упадка американской гегемонии в миросистеме приходится на 1970-е гг. Одним из подтверждений этого явился рост активности различных антисистемных социальных движений на рубеже 1960–1970 гг. И. Валлерстайн уделял больше внимания экономическим аспектам глобализации. Политические же последствия этого процесса исследовал британский социолог Энтони Гидденс. В своих работах 1980–1990 гг. он произвел анализ социальных изменений, происходящих в современном обществе, иначе называемом обществом модерна. Согласно Э. Гидденсу, эпоха модерна охватывает последние 200 лет истории стран Запада, т. е. она начинается на рубеже XVIII–XIX вв. [5]

В период модерна значительно увеличивается скорость социальных изменений, изменяется характер основных социальных институтов. По мнению Э. Гидденса, в большинстве социальных теорий, обрисовывающих общество модерна, выделялся какой-то один основной, доминирующий социальный институт. Такое общество могло быть как капи-

талистическим, так и индустриальным; капитализм и индустриализм являли собой две различных, но взаимосвязанных характеристики общества модерна.

Ещё одна отличительная черта такого общества – возникновение современного национального государства, которое создает систему административного контроля на определенной территории. В целом, как отмечает Э. Гидденс, капиталистическая рыночная экономика, связанная с индустриальным производством, позволяет добиться наибольшей экономической эффективности, а национальное государство контролирует собственную территорию эффективнее, чем предшествовавшие ему типы государства. И, как результат, капиталистическая экономика и система национальных государств распространяются в мировом масштабе, что и образует самую суть процесса глобализации.

Как отмечает Э. Гидденс, глобализация порождает нестабильность в общественной жизни. Социальные институты удаляются от людей и всё в меньшей степени способны их контролировать. Увеличивается риск, напрямую связанный с функционированием разных экономических институтов: рынка и биржи. Помимо этого появляются абсолютно новые источники риска, практически не поддающиеся прогнозированию, например, экологические катастрофы [5].

Проблему экологического риска в современную эпоху наиболее подробно исследовал немецкий социолог Ульрих Бек, сформулировавший концепцию общества риска. Развитие промышленности сегодня неизбежно связано с риском загрязнения окружающей среды, в частности, вредными химическими веществами и радиацией. В своих работах У. Бек изучал социальные и политические последствия экологической угрозы [2].

Прежде всего он отмечает, что экологический риск неравномерно распределен между различными социальными слоями. В наибольшей степени воздействию вредных веществ подвергаются те, кто работает в соответствующих отраслях промышленности или проживает вблизи крупных промышленных центров. В то же время более высокий уровень дохода и образования создает ряд дополнительных возможностей для предотвращения экологического риска. Но экологические проблемы являются сегодня столь острыми, что в принципе невозможно полностью оградить себя от воздействия неблагоприятной природной среды, и различия между социальными слоями сглаживаются, если рассматривать степень их подверженности экологическому риску.

Кроме того, существует международное неравенство в распределении риска. Экономически развитые страны Запада стараются переводить наиболее опасные промышленные производства в бедные развивающиеся страны. Но, как полагает У. Бек, в условиях мировой экономической интеграции возникает так называемый эффект бумеранга, и страны Запада оказываются не в состоянии в полной мере оградить себя от последствий экологических катастроф в других регионах мира [2].

И в конечном итоге, как утверждает У. Бек, общество риска не признает национальных границ, оно становится всемирным и глобальным. Решение экологических проблем возможно лишь в результате проведения международных переговоров и заключения ряда соглашений. Но в мире еще не сложились политические условия, способствующие преодолению экологической угрозы. Основные надежды У. Бек возлагает на формирование новой политической культуры, рост активности и политического влияния новых социальных движений [2, с. 34].

Один из ведущих современных социологов Зигмунд Бауман, британец польского происхождения, написал более двух десятков книг, без которых невозможно себе представить общественную мысль сегодняшнего Запада. По большому счету все размышления З. Баумана сконцентрированы на одном аспекте глобализации – её разъединяющем, «расслаивающем» мир воздействию, формировании новых иерархий и в итоге – новой поляризации мира. В отличие от понимания глобализации как всеобщей свободы и равенства З. Бауман показывает, какие новые виды несвободы она несет. Принцип, образующий социальную «пирамиду» современности, З. Бауман называет «мобильностью» [1]. Эта свобода передвижения представляет собой главный фактор расслоения «позднесовременного» общества. Свобода передвижения – высшая ценность нового глобального мира, показатель социального успеха. Хозяева жизни обладают максимально возможной свободой передвижения, они находятся на вершине пирамиды, не связаны никакой ответственностью и диктуют свои требования остальным. В основании пирамиды находятся те, кто лишен свободы передвижения. Они пребывают в состоянии неустроенности и незащищенности, испытывают постоянное чувство беспокойства и страха.

В том, что современная эпоха глобализации мира вызывает повсеместное стремление народов к суверенитету своих государств не вызывает никакого противоречия. Во-первых, суверенитет по существу мнимый, а во-вторых, глобализирующие силы мотивируют подобное стремление. Функции подобных государств сводятся лишь к полицейским мерам наведения порядка внутри страны, изоляции нежелательных элементов социума. По мнению З. Баумана, тюрьма, которая не претендует исправлять, но стремится надежно изолировать своих обитателей, является самой красноречивой метафорой глобализации мира.

Какие же факторы глобализации влияют на экологические процессы?

В настоящее время угроза экологии проистекает из того факта, что общество не в состоянии осуществлять всеобъемлющий экологический контроль. Непрерывно возрастает количество не утилизируемых природой отходов, развиваются опасные технологии производства, хранение и транспортировка ядохимикатов и взрывчатых веществ вызывает

риски, загрязняется атмосфера, гидросфера и почва, наращивается энергетический потенциал, усиливается парниковый эффект и т. д.

Как показывает статистика, ущерб от природных катастроф возрос в четыре раза за последние тридцать лет на фоне прогрессирующей урбанизации. От стихийных бедствий за последние два десятилетия более 1 млрд человек пострадало, среди них 5 млн ранены или погибли. Так, во Франции в 2003 г. от летней жары умерло 15 тыс. человек. Материальный ущерб исчисляется триллионами долларов. В 2005 г. мощнейший ураган Катрина затопил и оставил в руинах Новый Орлеан. Появился класс беженцев: более 18 млн человек мигрировало из зон социальных конфликтов, около 10 млн беженцев покинуло экологически неблагоприятные зоны. От действия никотина умирает в Европе в среднем 500 тыс. человек ежегодно. Неуклонно возрастает число алкоголиков, наркоманов, больных СПИДом.

В настоящее время большинство технологических новшеств по освоению ресурсов природы приводит к её ещё более жесткой эксплуатации, более быстрому истощению природных запасов. Ухудшается экологическое состояние окружающей среды. Однако создать собственную экосистему человек не способен и оказывается заложником противоречивой ситуации, когда необходимо заботиться об охране окружающей среды, с одной стороны, и, с другой стороны, он не в состоянии отказаться от экологически опасных технологий. Так, например, около 88 % добываемого в мире топлива приходится на нефть, газ и уголь. Многочисленные аварии магистральных трубопроводов и нефтеперевозящих судов с утечкой нефти представляют значительную экологическую угрозу, вызывая загрязнение почвы и водных ресурсов. «Грязным» топливом считается и уголь, добыча и горение которого приводит к загрязнению окружающей среды и усилению радиационного уровня в масштабе регионов. Газодобывающие компании, автотранспорт, запуски ракет загрязняют воздух и наносят непоправимый ущерб атмосфере. Значительная доля в энергетике отводится атомным станциям. Переработка промышленных отходов находится в зоне риска. Трагические последствия аварий на подбных станциях сказываются на живой природе спустя десятилетия.

Ощутимые потери несёт живая природа. Так, один вид растительного или животного мира исчезает на планете каждый день. В настоящее время насчитывается около 4 000 исчезающих видов. Содержание Красных книг непрерывно пополняется. Глобальное воздействие на природу привело к тому, что антропогенные экологические комплексы занимают 60 % естественных территорий в мире, в результате чего гомеостаз биоты значительно ослабевает. Под угрозой исчезновения находится 25 тыс. видов растений, ресурсов естественной фабрики гомеопатии.

Нужно отметить, что антропогенное и техногенное воздействие на окружающую среду проявляется не сразу и фиксируется спустя значительное количество времени. Вследствие продолжительного негатив-

ного воздействия экологическая проблема перерастает в экологическую катастрофу. Это подчеркивает тот факт, что отсутствие культуры превентивного экологического мониторинга вынуждает действовать человечество в режиме чрезвычайных ситуаций.

Далее необходимо остановиться на некоторых особенностях экологической ситуации в настоящее время. Во-первых, следует подчеркнуть усиление ряда негативных тенденций в экосистеме. Это изменения климата, атмосферного состава и вод, изменение озонового слоя, нарушение правил пользования землей и лесом вследствие роста хозяйственной деятельности. Глобальное потепление грозит таянием ледников. В свою очередь, повышение уровня моря грозит затоплением значительных территорий стран, расположенных ниже уровня моря. Так, учёные прогнозируют подъём воды на 20 см в г. Венеция в ближайшие 50 лет. Глобальное потепление обусловлено увеличением содержания метана и углекислого газа в атмосфере. Данные примеси газа в атмосфере свободно пропускают солнечное излучение, однако значительно затрудняют излучение тепла в космос земной поверхностью. Как результат, метеорологи констатируют повышение средней температуры Земли на 0,74 градуса за последние столетие, в том числе на 0,5 градусов за период с 1961 г.

Важнейшим приоритетом глобальной экологии является сохранение устойчивости биосферы в рамках глобальных геохимических циклов для поддержания жизни на планете.

Под биосферой мы понимаем уникальную природную систему, формирование которой протекало миллионы лет. Она включает биоту как совокупность живых организмов и её природную среду обитания. Окружающая среда обеспечивает поддержание жизни и содержит следы жизнедеятельности биоты. Биосфера определяет условия функционирования биоты, которая, в свою очередь, реагирует на происходящие изменения в этой глобальной системе. Особенность этих процессов заключается в том, что основные химические элементы, такие, как кислород, углерод, азот, фосфор, накапливаются в живых организмах, что приводит к увеличению уровня энергии биосферы. Однако с окончанием жизнедеятельности данных объектов энергетический уровень биогеохимических процессов уменьшается. Такая периодическая химическая нестабильность является одной из характерных черт живой планеты. Другая ее особенность заключается в необратимости процессов биосферы, что предопределяет особенности их изменений и возможность их прогнозирования.

Как известно, биотические факторы осуществляют контроль над функционированием глобальной экосистемы, находящейся длительное время в квазистационарном состоянии. Резкие изменения биогеохимических процессов не поддаются регулированию в масштабах реального времени. Например, в настоящее время 30–40 % почвенных ресурсов

мира практически полностью уничтожено. Вследствие эрозии, застройки, загрязнения наблюдаются ежегодные потери почв. По некоторым оценкам они составляют 10 млн га. Не лучшим образом обстоит дело и с эксплуатацией лесных ресурсов. Незаконная и бесконтрольная вырубка тропических лесов Бразилии, Индии, а также бореальных лесов России становится реальной глобальной угрозой.

Для современности характерно крайне негармоничное развитие социума, растёт социальная напряженность общества в связи с его полярным расслоением. Лишь в течение прошлого столетия мир пережил две мировые войны, экологическую войну в Персидском бассейне. Фиксировались попытки применения бактериологического оружия.

Современные тенденции развития общества являются критическими по ряду показателей: высокий прирост народонаселения планеты (около 90 млн ежегодно), рост уровня потребления на душу населения энергии, воды и продуктов питания, более интенсивное загрязнение окружающей среды отходами промышленности.

Очевидно, что экологическая обстановка напрямую связана с системами управления обществом. Современные управленческие системы социумом потенциально ненадёжны и опасны, так как дают возможность отдельной группе лиц принимать кардинальные решения. Появились профессионалы, неквалифицированные или умышленные действия которых могут причинить огромный ущерб и вызвать многочисленные жертвы. К ним относятся сотрудники атомных станций, служащие военных ядерных установок, пилоты бомбардировщиков, руководители крупных финансовых структур, а также лидеры экстремистских группировок, стремящиеся к власти. Сюда же относятся политики и государственные служащие, действия которых можно назвать аморальными и наносящими вред человеческой цивилизации. Вся мировая политическая система является очень неустойчивой, с множеством очагов возгорания, готовых в любую минуту превратиться в региональную катастрофу.

Вне всякого сомнения, пространство новых технологических функций, создаваемое людьми, крайне неоднородно и требует улучшенной системы контроля, в противном случае усугубится тенденция к расслоению общества.

В значительной мере глобализация затрагивает экологическую функцию любого государства. Как известно, все международное сообщество обеспокоено ухудшением состояния окружающей среды, поэтому экологические проблемы носят глобальный характер. Однако, страны, обладающие высоким промышленным, научно-техническим и природоресурсным потенциалом, играют главную роль в возникновении экологических проблем. Самые внушительные масштабы загрязнения окружающей среды приходится на долю индустриально развитых стран. Потребности рыночной экономики ведут к игнорированию экологических норм промышленного производства, правил рационального природо-

допользования, сохранения и освоения лесов, уничтожению среды обитания и истреблению растительного и животного мира. В результате хозяйственная деятельность негативно воздействует на окружающую среду, продукты питания и, что очень важно, на здоровье людей.

Ухудшение экологической обстановки в глобальном масштабе, многочисленные экологические катастрофы, индустриальное загрязнение регионов диктуют необходимость объединения усилий всех государств. Лишь установление партнерских отношений между странами позволит совместно контролировать природоохранную деятельность, внедряя эффективные системы мониторинга окружающей среды и реализовывая совместные экологические программы. В данной сфере необходимо проведение единой политики в отношении экологии и обеспечение экологической безопасности на мировом уровне.

Глобализация предоставляет огромные возможности в разрешении экологических проблем повсеместно для обеспечения безопасности жизнедеятельности человека. Однако достигнуто это может быть лишь совместными усилиями государств. Государства взаимозависимы в наибольшей мере в отношении природоресурсов и энергоресурсов. Экологические проблемы носят глобальный характер, и они не могут не выходить за пределы одного государства. В этой связи чрезвычайно важно установить активное сотрудничество государств между собой, одобрить единую экологическую политику и принимать в её русле согласованные действия и решения, объединить мировое сообщество в противодействии бедственным последствиям научно-технического прогресса.

О каких экономических, социальных и юридических механизмах регулирования экологических процессов можно вести речь?

Одним из таких современных механизмов регулирования экологических процессов выступает экологическое право. Данная отрасль права регулирует отношения в области взаимодействия человека и общества с окружающей средой и её отдельными компонентами (природными и природно-антропогенными). Цель такого регулирования – обеспечение наиболее разумного и рационального использования природных компонентов, закрепление обязательных прав по охране окружающей среды от вредного физического, химического, радиоактивного и биологического воздействия. Принципы экологического права отождествляются с принципами законов об охране окружающей среды. Экологическое право предполагает также право каждого гражданина на достоверную информацию о состоянии окружающей среды; организацию и систему образования в области экологии и формирование экологической культуры, участие граждан в общественных некоммерческих организациях.

Полномочия органов государственной власти заключаются в осуществлении мониторинга окружающей среды, установлении требований и нормативов по её охране, обеспечении радиационной безопасности и порядка обращения с радиоактивными отходами и пр. [6, с. 365–366]

Социальным механизмом регулирования экологических процессов являются различные общественные организации, некоммерческие фонды и движения партий «зелёных». Еще в середине XX в. обеспокоенность экологической ситуацией в мире затронула общественное сознание. Появились многочисленные публикации по экологическим вопросам и работы по глобалистике, стали проводиться региональные экологические и международные конференции в Стокгольме и Рио-де-Жанейро. Пугающая экологическая ситуация в мире вызвала создание Римского клуба по исследованию глобальных проблем, Всемирного фонда защиты дикой природы (World Wildlife Fund, позднее переименован в World Wide Fund for Nature), многочисленных заповедников и национальных парков.

Итак, экологическая проблема спасения нашего общего «дома» (слово экология в переводе с греческого означает наука о доме) является первостепенно важной в условиях глобализации, так как именно окружающая среда подвергается наибольшему риску. Влияние процесса глобализации на экологию неизбежно, и это воздействие может быть как положительным, так и отрицательным, в зависимости от предпринимаемых действий мирового сообщества.

Список литературы

1. Бауман З. Глобализация. Последствия для человека и общества / пер. с англ. М.: Издательство «Весь Мир», 2004. 188 с.
2. Бек У. Что такое глобализация? М.: Прогресс-Традиция, 2001. 304 с.
3. Валлерстайн И. Миросистемный анализ: Введение. М.: Территория будущего, 2006, 246 с.
4. Валлерстайн И. Анализ мировых систем и ситуаций в современном мире. СПб.: Издательство «Университетская книга», 2001. 416 с.
5. Гидденс Э. Ускользящий мир. Как глобализация меняет нашу жизнь. М.: Весь мир, 2004. 120 с.
6. Марченко М.Н., Дерябина Е.М. Правоведение в вопросах и ответах: учеб. пособие. М.: Проспект, 2014. 432 с.

ECOLOGICAL CONSEQUENCES OF GLOBALIZATION

K.M. Yefremkov

Tver State University (Tver)

Today the environmental risk is unequally spread between various social groups. People with higher levels of income and education have additional possibilities to avoid environmental risk. Economically better developed countries transfer the most dangerous industries into poor less developed countries. That amplifies social stratification sharply. Mankind hardly possesses any culture of preventive ecological monitoring and it acts only in cas-

es of emergencies. Globalization may produce both negative and positive effects on ecology.

Keywords: *world capitalist economy, hegemony, modern national state, mobility, technogenic impact on the environment, biosphere, environmental law.*

Об авторе:

ЕФРЕМЕНКОВ Константин Михайлович – аспирант кафедры философии и теории культуры ФГБОУ ВПО «Тверской государственный университет». E-mail: efremenkov.89@mail.ru

Author information:

YEFREMENKOV Konstantin Mikhailovich – Ph.D. student, Dept. of Philosophy and Theory of Culture, Tver State University, Tver. E-mail: efremenkov.89@mail.ru

УДК 101.1:316

КРИЗИС ЛИБЕРАЛЬНОГО ПОДХОДА К ПРОБЛЕМЕ МИГРАЦИИ

В.В. Семенов

ФГБОУ ВПО «Самарский государственный архитектурно-строительный университет», г. Самара

В статье анализируются современные миграционные процессы, их причины, вызываемые ими проблемы, рассматриваются возможные варианты их решения.

Ключевые слова: миграционные процессы, мультикультурализм, демографический кризис, миграция.

Крушение реального социализма как модели развития цивилизации на рубеже 80-90-х гг. XX в., казалось бы, убедительно доказывает превосходство либеральной идеологии и практики. Даже больше – этот путь единственный и альтернатив ему нет. Прошедшие два десятилетия показали, что есть вызовы, на которые либерализм пока ответить не может и которые угрожают существованию самих либеральных демократий. Один из таких вызовов – проблема миграции населения с бедного Юга на богатый Север. На протяжении своей истории человечество всегда мигрировало. Покинуть родные края людей вынуждали изменения климата, воинственные соседи, религиозный долг, жажда странствий и множество других субъективных или объективных причин. Технический прогресс в XX в. существенно облегчил задачу передвижения из страны в страну, с материка на материк. Начиная со второй половины прошлого столетия промышленно развитые страны стали активно привлекать иностранных рабочих. Это решало проблему дефицита внутренних трудовых ресурсов и было выгодно с экономической точки зрения – позволяло получать большую прибыль за счет сокращения расходов на заработную плату. Глобальные миграционные процессы XX–XXI вв. «являются одной из превращенных форм проявления противоречия труда и капитала, заложенного в частной собственности на средства общественного производства материальных и духовных благ» [1, с. 172]. В силу этого они являются объективными. Из гуманитарных соображений страны Запада принимали и принимают у себя беженцев – жертв многочисленных локальных войн и этнических конфликтов, борцов за демократию и права человека, если их преследуют на родине за свои политические убеждения. На начало 2012 г. в Европейском союзе (ЕС) число лиц, чье гражданство не совпадало со страной постоянного проживания, достигало 34,3 млн человек. Из них 20,7 млн человек являются гражданами стран, не входящих в союз. Ещё 13,6 млн человек, будучи гражданами одной из стран ЕС, постоянно прожи-

вают в другой стране союза [2]. Основная масса иммигрантов прибывает из стран Третьего мира, которые не могут встать на путь устойчивого экономического роста и социального прогресса и пребывают в условиях крайней нищеты. Отчасти в социально-экономических проблемах развивающихся стран повинен сам Запад. Поощрение слепого копирования западной модели развития без учета местной специфики «привело лишь к разрушению национальных культур, социальных общностей и жизненных форм, сложившихся там исторически» [3, с. 156]. В начале XXI в. на долю наиболее развитых стран приходится менее 12 % населения и около 60 % мирового ВВП. Доля наименее развитых стран в населении Земли составляет 12 %, в мировом ВВП – 1 % [4, с. 27].

Ряд авторов обращает внимание на зависимость демографической политики народов и государств от религиозного фактора. Благополучная демографическая ситуация наблюдается в католических и мусульманских государствах, т. е. там, где религия поощряет многодетность. Протестантские же страны, где среди жизненных целей у граждан превалирует социальный успех, а не продолжение рода, сталкиваются с сокращением населения и вынуждены компенсировать его привлечением мигрантов. Это позволяет отдалить от воплощения мрачный демографический прогноз П. Бьюкенена о вымирании Европы и дает время для поисков иных способов решения демографических проблем [5, с. 125].

Массовый приток людей иной культуры и религии привел к возникновению целого ряда проблем и даже к трагедиям, когда в 2011 г. в Норвегии жертвами террориста-одиночки стали 77 человек. Низкий уровень образования и квалификации мигрантов препятствует росту их благосостояния. Очень часто основным или даже единственным источником дохода являются социальные выплаты. Например, в Великобритании в семьях пакистанских иммигрантов самый высокий уровень рождаемости по стране. Сами себя они обеспечить не могут и попадают в полную зависимость от государства. Высокая рождаемость объясняется в данном случае не только культурными традициями, но и значительной государственной помощью многодетным семьям. С точки зрения большинства коренных британцев эта помощь невелика, поэтому и не служит стимулом для повышения рождаемости. Для выходцев же из бедных стран это большие деньги. Главное, что их устраивает существование на пособие плюс случайные заработки [6, с. 182–183]. Естественно, такое положение дел вызывает недовольство коренного населения, из налоговых отчислений которого все это и оплачивается. Многие мигранты испытывают трудности с интеграцией или вовсе не желают становиться частью нового социума, а предпочитают жить и общаться внутри национальной общины, образуя замкнутое гетто. В итоге во многих европейских и американских городах возникли населенные мигрантами районы и пригороды, куда коренные жители и даже полиция без особой нужды не заглядывают. Массовый приток мигрантов проис-

ходит на фоне демографического кризиса, переживаемого развитыми странами, – падения рождаемости и старения населения. К «демографически стареющим» относятся страны, где доля лиц в возрасте от 65 лет и старше составляет 15 и более процентов от общей численности населения страны. В 2012 г. в странах Европейского союза доля детей в возрасте от 0 до 14 лет составляла 15,6 %, а доля пожилых лиц от 65 лет и старше – 17,4 % от общей численности населения. Переписи населения экономически развитых стран конца XX – начала XXI в. фиксируют переход почти всех данных стран в категорию «демографически стареющих» [7, с. 37]. При сохранении существующих тенденций это может привести к смене идентичности государств [6, с. 193]. Многие иммигранты уже являются гражданами стран своего пребывания и через выборы могут оказывать влияние на власть. Возникают коллизии в правовой сфере, когда, претендуя на сохранение культурной и религиозной самобытности, группы иммигрантов требуют применения в отношении себя традиционного для страны исхода права, например норм шариата. В США порой выносятся оправдательные приговоры в отношении тех, кто убил женщину-родственницу, мотивируя это целями защиты чести и достоинства семьи или рода. Таким образом, культура подсудимого ставится выше гражданской принадлежности. В условиях прецедентного права подобные приговоры служат принятию в будущем аналогичных решений. Естественно, это вызывает бурные протесты феминистской общественности [8, с. 78].

Для решения возникших проблем западными странами стала проводиться политика мультикультурализма. Идея мультикультурального общества стала порождением культурной революции 1968 г. Как особая форма интегративной идеологии мультикультурализм призван был достичь социального согласия и стабильности на условиях равноправного сосуществования различных форм культурной жизни в полиэтнических и поликультурных национальных обществах [9, с. 29]. Зародившись в Канаде, население которой исторически формируется за счет миграции, позже мультикультурализм был позаимствован европейцами. Еще 20 лет назад известный немецкий социолог Ф.-О. Радтке констатировал малоэффективность политики мультикультурализма, отметив парадокс современного общества, вынужденного признавать этническое разнообразие и даже способствовать его воспроизводству, одновременно не получая от этого социальной пользы [10, с. 178]. За прошедшие годы мало что изменилось. Острота проблем достигла такого уровня, что лидеры ряда европейских государств заявили о провале политики мультикультурализма в своих странах. В октябре 2010 г. канцлер Германии Ангела Меркель в своем выступлении в Потсдаме на собрании молодежной организации Христианско-демократического союза заявила о полном провале попыток построить мультикультурное общество в Германии. Она отметила, что «концепция, по которой мы в настоящее

время живём бок о бок и счастливы этим фактом, не работает». Также канцлер заявила, что иммигранты должны интегрироваться в немецкое общество, учить немецкий язык, принимать культуру Германии и её ценности. Вместе с тем глава правительства подчеркнула необходимость приезда в Германию квалифицированных специалистов. По ее словам, ежегодный уход на пенсию 200 тысяч немцев создает нехватку рабочей силы в стране. Одновременно лидер христианских демократов отметила, что привлечение иммигрантов возможно лишь тогда, когда соответствующих специалистов нет среди немецких граждан [11]. В начале 2011 г. А. Меркель поддержали премьер-министр Великобритании Д. Кэмерон и президент Франции Н. Саркози. На 47-й Мюнхенской конференции по безопасности Д. Кэмерон отметил, что доктрина мультикультурализма поощряет «жизнь в разобщенных, отделенных друг от друга этнических общинах» [12]. Позицию английского премьер-министра поддержал Н. Саркози: «Мультикультурализм – это неудача. Мы были чересчур озабочены идентичностью прибывших лиц и недостаточно беспокоились об идентичности принимающей их страны. Если ты приезжаешь во Францию, ты соглашаешься стать частью национальной общины, а если ты не хочешь этого делать, тебя здесь никто не ждёт. Наш подход состоял в мультикультурализме, в том, что мы будем жить рядом и ценить друг друга – этот подход провалился, совершенно провалился» [13]. Позже с похожими заявлениями выступили Генеральный секретарь Совета Европы и бывший премьер-министр Норвегии Турбьёрн Ягланд, бывшие премьер-министры Бельгии Ив Летерм и Австралии Джон Говард, вице-премьер Нидерландов Максим Верхаген и др. Несмотря на столь жесткие и откровенные высказывания, отказа от политики мультикультурализма не последовало. Отчасти это связано с тем, что критика в его адрес раздавалась в основном из уст консерваторов (социалист Турбьёрн Ягланд в этом ряду исключение). Поддержки от либералов и социалистов не последовало.

В постсоветский период Россия также столкнулась с подобными трудностями. Экономические, политические и национальные проблемы в большинстве бывших советских республик толкают их население на поиски лучшей доли в России. Отсутствие визового режима, знание языка, культурная близость (все мы вышли из одной – советской – «шинели») облегчают процесс переезда. Здесь мигранты порой сталкиваются с произволом со стороны работодателей и чиновников. Работая неофициально, они вынуждены соглашаться на низкую оплату своего труда, хотя эти суммы все равно больше тех, что они могли бы заработать у себя на родине. В самой России многие регионы, особенно республики Северного Кавказа, также являются поставщиками мигрантов. Не всегда коренное население и приезжие толерантны друг к другу. Достаточно вспомнить массовые беспорядки на этнической почве в Кондопоге в 2006 г. или выступления местных жителей в Пугачеве в июле 2013 г. В настоящее вре-

РФ по числу иммигрантов занимает третье место после США и Германии, но отличается от западных стран по уровню образования и целям приезжающих людей. Многие иностранцы рассматривают Россию как транзитный пункт по пути на Запад. Сокращается поток приезжих из Украины и Молдавии, одновременно растет число выходцев из стран Средней Азии, Китая, Вьетнама и Турции [14, с. 229].

Очевидно, что проведение и дальше нынешней миграционной политики лишь усугубит ситуацию. Возникает вопрос – что делать? Большинство исследователей выделяют три основных способа решения иммиграционной проблемы. Первый подразумевает полную ассимиляцию иммигрантов. Он наиболее приемлем для стран-реципиентов. Однако на практике ассимилировать большие группы представителей иной культуры затруднительно. Часто культуры вновь прибывших и коренных жителей очень далеки друг от друга. Второй предусматривает ограничение миграционных потоков и борьбу с нелегальной иммиграцией. Но здесь прослеживается четкая зависимость – чем жестче запретительные меры, тем больше нелегальных иммигрантов. Третий нацелен на ослабление стимулов к поощрению эмиграции у стран с высоким миграционным потенциалом [там же, с. 222]. Именно последний способ – переориентация с помощи отдельно взятому человеку на помощь государству в целом – нам представляется наиболее перспективным и самым результативным в долгосрочной перспективе. Иначе говоря, помогать там, где живут нуждающиеся в помощи, а не тратить деньги на интеграцию легальных иммигрантов или поимку и депортацию нелегальных. Как писал видный теоретик «новых правых» Алан де Бенуа, бороться не с эмигрантами, а с эмиграцией [15, с. 33]. Такой подход включает широкий спектр мер. Например, многие страны выдают стипендии для обучения выходцам из беднейших стран. Но негативной стороной этой благой меры является порой невозвращение таких студентов на родину. Куда эффективнее было бы обучать их на месте. Очевидно, такой способ решения проблемы массовой иммиграции вступает в противоречие с интересами работодателей, нанимающих иммигрантов, особенно нелегальных, и извлекающих из этого немалую прибыль. Но здесь власть должна определиться в вопросе, что важнее – интересы бизнеса или общества в целом. К тому же западные страны, а тем более Россия, даже если захотят, не смогут принять у себя всех страждущих. Это утопия. Либеральные миграционные правила ряда развитых стран лишь порождают иллюзию, что не нужно или нет смысла пытаться наладить жизнь там, где ты родился, а нужно все бросить и отправиться в дальние края. Безусловно, это не означает прекращения приема беженцев. Речь идет о трудовых мигрантах. России полезно было бы позаимствовать англо-саксонскую модель профессиональной иммиграции. Принимать только образованных мигрантов и только тех, в ком нуждается рынок труда. Но возможно это лишь в случае введения визового

режима со странами ближнего зарубежья. Вопрос болезненный и крайне непростой с политической точки зрения. Поспешное введение виз может лишь оттолкнуть эти страны от России, чего допускать нельзя. Но и продолжать привлекать низкоквалифицированных рабочих невозможно, так как это делает бессмысленными все разговоры об инновационном развитии российской экономики.

Порожденные глобальным характером современной экономики миграционные процессы выгодны как странам-реципиентам, так и странам-поставщикам дешевой рабочей силы. В обоих случаях они решают демографические, экономические и социальные проблемы. Но в то же время порождают межэтнические, расовые и религиозные конфликты. Без сокращения разрыва в социально-экономическом развитии между развитыми и развивающимися странами невозможно будет ослабить наплыв мигрантов.

Список литературы

1. Рыжков Д.Н. Миграция и противоречия транснационального капитала // Исторические, философские, политические и юридические науки, культурология и искусствоведение. Вопросы теории и практики. 2013. № 3: в 2 ч. Ч. 2. С. 170–174.
2. Щербакова Е.М. Европейский демографический барометр // Демоскоп Weekly / Институт демографии Национального исследовательского университета «Высшая школа экономики». 2013. № 557–558.
3. Рормозер Г. Кризис либерализма. М.: Ин-т философии РАН, 1996. 292 с.
4. Кувалдин В.Б. Глобальный мир: экономика, политика, международные отношения. М.: Магистр, 2009. 207 с.
5. Ким А.А. Социальные противоречия в «зеркале» миграции как фактор возникновения фанатизма // Вестн. Томского гос. пед. ун-та. 2013. № 5. С. 122–128.
6. Ионин Л.Г. Апдейт консерватизма. М.: Изд. дом гос. ун-та – Высшей школы экономики, 2010. 304 с.
7. Тарлецкая Л.В. Международная демографическая статистика: оценки и прогнозы ООН // Мировая экономика и международные отношения / ИМЭМО РАН. 2008. № 3. С. 32–39.
8. Попкова Л.Н. Американский феминизм и мультикультурализм: дискуссии о гендерном равенстве // Вестн. Самарского гос. ун-та. 2013. № 2. С. 77–80.
9. Habermas J. Vergangenheit als Zukunft: Das alte Deutschland im neuen Europa? Ein Gespräch mit Michael Haller / Hrsg. M. Haller. München-Zürich, 1993. 217 s.

10. Radtke F.-O. Multikulturalismus: Ein postmoderner Nachfahre des Nationalismus // Auslander, Aussiedler, Asyl in der Bundesrepublik Deutschland / Hrsg. K. Bade. Hannover, 1994. S. 175–178.
11. Алешина М. Турки не стали немцами // Известия. 2010. 18 октября.
12. Кобяков К. Тектонические сдвиги сознания // Взгляд. 2011. 5 февраля.
13. Sarkozy: le multiculturalisme, «un échec» // Le Figaro. 2011. 11 février.
14. Дмитриев А.В. Миграция: конфликтное измерение. М.: Альфа-М, 2006. 432 с.
15. Дугин А.Г. Консервативная революция. М.: Арктогея, 1994. 352 с.

CRISIS LIBERAL APPROACH TO A PROBLEM OF MIGRATION

V.V. Semenov

Samara State University of Architecture and Civil Engineering, Samara

The article analyzes the contemporary migration processes, their causes, they cause problems, consider possible solutions.

Keywords: migration, processes of migration, multiculturalism, demographic crisis.

Об авторе:

СЕМЕНОВ Владислав Викторович – кандидат исторических наук, старший научный сотрудник ФГБОУ ВПО «Самарский государственный архитектурно-строительный университет», Самара. E-mail: Vlad.Semjenov@gmail.com

Author information:

SEMENOV Vladislav Viktorovich – Ph.D., Senior Researcher of the Samara State University of Architecture and Civil Engineering, Samara. E-mail: Vlad.Semjenov@gmail.com

УДК 172

ПУТИ СОВЕРШЕНСТВОВАНИЯ ЭТИКИ БИЗНЕС-КОММУНИКАЦИЙ В СОВРЕМЕННОЙ РОССИИ

Е.Ю. Карлова

ФГБОУ ВПО «Московский государственный университет
им. М.В. Ломоносова», г. Москва

Рассматриваются основные пути совершенствования этики бизнес-коммуникаций, анализируются современные формы ее развития, применяемые в мировой практике. Фокусируется внимание на проведении инновационных форм бизнес-коммуникаций в России, определяется их специфика; исследуется и обобщается опыт торгово-промышленных палат в становлении национальной бизнес-этики. На основе социологических исследований автор приходит к выводу о существовании в бизнес-сообществе тенденции признания выгоды соблюдения этики.

Ключевые слова: этика бизнес-коммуникаций, кодекс, круглый стол, Торгово-промышленная палата, этический compliance, ISO 26 000, общие ценности.

Становление этики бизнес-коммуникаций в условиях современной России – явление сложное и противоречивое. Существует немало объективных и субъективных факторов, влияющих на нее. Среди них незначительный опыт ведения дел в условиях рынка, несовершенное законодательство, переходный характер экономики, криминализация, психология приобретательства, не связанного никакими границами, различные этические традиции, так как в сфере бизнеса занято множество людей разных национальностей, разного вероисповедания, разных этических воззрений. Пройдя за последние десятилетия очень сложный период своего развития, бизнес-сообщество постепенно приходит к осознанию необходимости моральных основ бизнес-коммуникаций, к идее нравственной ответственности предпринимателя перед обществом, другими людьми, окружающей средой, необходимости связи с нравственной традицией, характерной для нашей страны.

Исторически русские купцы и предприниматели чувствовали ответственность перед обществом, которая была гораздо шире простой заботы о качестве товаров или честных бизнес-коммуникациях. Можно сказать, что в какой-то степени такая ответственность приближалась к ответственности, которую всегда чувствовала русская интеллигенция, т. е. ответственности заботы о народе, возвращения ему долга, связанного с пониманием того, что сама интеллигенция существует за счет народа. Эти черты, в частности, определили склонность русского купечества к меценатству и благотворительности.

В современной России начала внедряться концепция корпоративной социальной ответственности. И хотя на сегодняшний день не

существует единого общемирового определения корпоративной социальной ответственности, все подходы едины в одном: корпоративная социальная ответственность — это ответственность организации перед всеми людьми и организациями, с которыми она сталкивается в процессе деятельности, и перед обществом в целом, включающая в себя: ответственность организации во взаимоотношениях с партнерами; ответственную политику в отношении работников; экологическую ответственность; ответственность организации перед обществом в целом.

Мировое сообщество все больше осознает потребность в социально-ответственном поведении и его преимуществах, в определении стандарта социальной ответственности. С этой целью Международной организацией по стандартизации (ИСО) с участием экспертов из более чем 90 стран и 40 международных и региональных организаций был подготовлен международный стандарт социальной ответственности ISO 26 000. В 2012 г. его приняли 99 стран. Международный стандарт ISO 26 000 содержит рекомендации относительно социальной ответственности организации, определяет 7 принципов социальной ответственности, является руководством по их применению. В состав этих принципов входят:

1. Подотчетность: организации следует быть подотчётной за ее воздействие на общество, экономику и окружающую среду.

2. Прозрачность: организации следует быть прозрачной в ее решениях и деятельности, которые оказывают воздействие на общество и окружающую среду.

3. Этичное поведение: организации следует вести себя этично. Ее поведение должно основываться на таких ценностях, как честность, справедливость и добросовестность.

4. Уважение интересов заинтересованных сторон: организации следует уважать, учитывать и реагировать на интересы ее заинтересованных сторон.

5. Соблюдение верховенства закона: организации следует принять то, что соблюдение верховенства закона обязательно.

6. Соблюдение международных норм поведения: организации следует соблюдать международные нормы поведения, следуя при этом принципу соблюдения верховенства закона.

7. Соблюдение прав человека: организации следует соблюдать права человека и признавать их важность и всеобщность» [4].

В стандарте ISO 26 000 указывается, что нельзя ограничиваться только указанными принципами, необходимо учитывать социальное, экономическое, юридическое, культурное и политическое разнообразие, а также различие в экономических условиях, согласуясь при этом с международными нормами поведения. По отношению к России это означает применение ISO 26 000 в соответствии со спецификой российской действительности, нравственными традициями, о которых говорилось в начале статьи.

Для реализации процесса оптимизации этического регулирования бизнес-коммуникаций бизнес-сообщество использует различные приемы, методы и формы. Идет процесс внедрения механизмов, апробированных в мировой практике: это этические нормативы, этические кодексы, карты этики, комитеты по этике, тренинги, социальные аудиты, юридические комитеты, службы, рассматривающие претензии граждан по этическим вопросам, этическое консультирование, изменения в организационной структуре, направленные на улучшение морально-психологического климата в коллективе.

Интенсификация, наблюдающаяся на всех уровнях коммуникации, вследствие эволюции в сфере информатики порождает необходимость организации и проведения инновационных форм бизнес-коммуникаций. Это круглые столы, презентации, пресс-конференции, ярмарки, выставки, использование в целях воспитания Интернета, мультимедийных технологий обучения.

Круглый стол, как форма бизнес-коммуникаций, один из самых популярных форматов в современном мире, поскольку предоставляет возможность проводить плодотворные обсуждения, всесторонне рассматривать вопросы и вырабатывать совместные решения. Проведение круглого стола способствует совершенствованию этики бизнес-коммуникаций, так как его цель предоставить участникам возможность высказать свою точку зрения на обсуждаемую проблему, а в дальнейшем сформулировать либо общее мнение, либо четко разграничить позицию сторон; все участники равноправны, выступают в роли оппонентов (должны выражать мнение по поводу обсуждаемого вопроса, а не по поводу мнений других участников), никто не имеет права диктовать свою волю и решения, что не порождает конфликтности; регламентирование дает возможность выступить каждому участнику; наличие модератора позволяет вести дискуссию, соблюдая нормы этики бизнес-коммуникаций.

Круглый стол может принимать разнообразные формы: часто круглый стол сопровождает презентации, иллюстрирующие обсуждаемый вопрос; распространены круглые столы, совмещенные с пресс-конференцией; их используют при проведении дебатов, выставок, ярмарок, семинаров, собраний в рамках более крупного корпоративного мероприятия (съезда, симпозиума, конференции).

Пресс-конференция – это встреча официальных лиц (руководителей, политических деятелей, представителей государственной власти, бизнесменов и т. п.) с представителями прессы, телевидения, радио с целью информирования общественности по актуальным вопросам. Цель пресс-конференции – это информационно-управленческая направленность, т. е. предоставление точки зрения фирмы на некоторую общественно-значимую проблему в контексте стратегической коммуникативной политики, а также для поддержки имиджевых и рекламных целей. Это обще-

принятое и эффективное средство предоставления прессе такой информации, которая работает на паблисити фирмы, организации, личности.

Специфику презентации, выставок, ярмарок исследует Р.Н. Ботавина, определяя, что презентация – это публичное представление чего-либо нового, недавно появившегося, созданного – фирмы, нового вида продукции, проекта, объема выполненных работ, плана работ и т. д.

Цель презентации организации (фирмы, компании, акционерного общества и т. п.) предполагает рекламирование организации, ее миссии, стратегии, целей, создание благоприятной репутации в глазах присутствующих представителей СМИ и деловых кругов [1, с. 115].

Р.Н. Ботавина констатирует: «Выставки, ярмарки имеют своей целью завязать новые деловые связи, укрепить старые партнерские отношения, познакомиться с новой информацией, встретиться с единомышленниками и конкурентами, обсудить с представителями своей отрасли и смежных отраслей новые тенденции в производстве товаров и услуг, вести поиск новых рынков сбыта своей продукции или приобретения сырья, комплектующих и т. д.

Здесь можно встретиться с покупателями, специалистами, с потенциальными заказчиками, непосредственно общаться с производителями, выяснить и неиспользованные производственные возможности, посмотреть экспериментальные образцы новой продукции. Поскольку работа выставки/ярмарки освещается средствами массовой информации, участие в них – дополнительная возможность фирме рекламировать себя и свою продукцию. Как правило, в программу выставок даже небольшого масштаба включается теоретическая часть, т. е. научные семинары, научно-практические конференции, встречи в деловых клубах» [1, с. 77–78].

Перечисленные современные формы бизнес-коммуникаций: круглые столы, пресс-конференции, презентации, выставки, ярмарки – способствуют формированию этики общения в бизнесе, честной конкуренции, партнерства и сотрудничества.

Постоянное и целенаправленное совершенствование этики бизнес-коммуникаций – решающий фактор развития рыночных отношений и принятия деловым сообществом ценностей информационного века. Высокую значимость этики бизнес-коммуникаций осознают большинство предпринимателей, в то же время признавая нехватку организационно-методической поддержки в становлении такой национальной деловой этики, которая, с одной стороны, интегрировала бы в себе передовые черты глобальной деловой этики, а с другой – сохранила бы лучшие отечественные традиции. Таким координирующим и ориентирующим началом для значительной части российского делового сообщества стала принятая в 1997 г. торгово-промышленными палатами Национальная программа «Российская деловая культура», обновленная в 2010

г. с учетом 12-летнего опыта работы торгово-промышленных палат в сфере деловой культуры.

Общие принципы деловой культуры, деловой этики и социальной ответственности в свете программы включают следующие требования:

– следование принципу добросовестности: обеспечение достоверности предоставляемой информации, выполнение договорных обязательств, соблюдение норм этики деловой коммуникации, отказ от недобросовестной конкуренции;

– соблюдение действующего законодательства, принятых норм и стандартов делового и профессионального поведения, обычаев делового общения;

– взаимное уважение участников деловой коммуникации, стремление к сотрудничеству и партнерству в деловых отношениях, разрешение возникающих деловых разногласий и споров правовым путем, на основе переговоров, поиск компромиссов, обращение к посреднику, мировому судье, в третейские суды, в комиссии и комитеты по этике;

– обеспечение противодействия недобросовестной практике предпринимательства, коррупции, нарушению принятых этических стандартов делового поведения, законов и норм, регулирующих предпринимательскую, профессиональную деятельность, деловую активность;

– обеспечение необходимых мер по защите окружающей среды, охране и безопасности труда, по достижению экологической безопасности производства, надлежащей уплате налогов, экономному потреблению и сбережению природных ресурсов;

– следование в деловой коммуникации общечеловеческим принципам, порядочности, равенства возможностей, уважения человеческого достоинства, прав, свобод, интересов других участников деловой коммуникации.

В свете указанных рекомендаций Национальный фонд «Российская деловая культура» разработал документ «Двенадцать принципов ведения дела в России», призывающий предпринимателей к утверждению следующих принципов бизнес-коммуникаций:

Принципы личности:

1. Прибыль важнее всего, но честь дороже прибыли.
2. Уважай участников общего дела – это основа отношений с ними и самоуважения. Уважение и самоуважение даются выполнением принятых деловых обязательств.
3. Воздерживайся от насилия и угрозы применения насилия как способа достижения деловых целей.

Принципы профессионала:

4. Всегда веди дело сообразно средствам.
5. Оправдывай доверие, в нем основа предпринимательства и ключ к успеху. Стремись завоевывать репутацию честного, компетент-

ного и порядочного партнера. Будь таким, каким ты хочешь видеть своего лучшего партнера.

6. Конкурируй достойно. Не доводи деловые разногласия до суда. Самый надежный партнер – тот, который тоже выигрывает от сделки.

Принципы гражданина России:

7. Соблюдай действующие законы и подчиняйся законной власти.

8. Для законного влияния на власть и законотворчества объединяйся с единомышленниками на основе данных принципов.

9. Твори добро для людей, а не ради корысти и тщеславия. Не требуй за него неперемного общественного признания.

Принципы гражданина Земли:

10. При создании и ведении дела как минимум не наноси ущерба природе.

11. Найди в себе силы противостоять преступности и коррупции. Способствуй тому, чтобы они стали невыгодны всем.

12. Проявляй терпимость к представителям других культур, верований и стран. Они не хуже и не лучше нас, они – просто другие [3, с.189].

Данный документ, будучи распространен на весь национальный деловой сектор, окажет благотворное влияние на этику бизнес-коммуникаций в современной России, многие прогрессивные отечественные фирмы берут его за основу при разработке своих этических кодексов.

Деятельность Торгово-промышленных палат, и в первую очередь Торгово-промышленной палаты РФ, является существенным фактором внедрения этических норм в практику бизнеса. Выполняя эту миссию, Торгово-промышленные палаты выносят на обсуждение наиболее актуальные темы бизнес-коммуникаций, эффективные методы, приемы, формы. Рассмотрим их применение на примере работы Торгово-промышленной палаты РФ, как координирующего центра работы региональных палат, бизнес-сообщества. Для исследования взяты мероприятия, в проведении которых автор принимал непосредственное участие.

Целенаправленное совершенствование деловой культуры как решающего фактора цивилизованного развития рыночных отношений и принятие деловым сообществом ценностей информационного века требуют от бизнес-сообщества, государства, некоммерческого сектора, гражданского общества серьезных усилий. Для обсуждения столь насущного вопроса в Торгово-промышленной палате РФ 18.02.11 г. проведена конференция «Деловая культура как фактор устойчивого развития экономики». В рамках конференции работали круглые столы и секции, обсуждавшие наиболее злободневные вопросы этики бизнеса: проблемы и практика развития лидеров организаций и совершенствования корпоративной культуры; практика и проблемы разработки и применения кодексов делового поведения, корпоративной культуры, делового

вой и профессиональной этики в российских компаниях и российских филиалах иностранных компаний; этика бизнеса как прикладная этика: современные модели. Претворение в жизнь предложений, высказанных в ходе проведения данного мероприятия, будет способствовать развитию национальной этики бизнеса, поддержанию ее стандартов на уровне, необходимом для обеспечения устойчивости, эффективности, социально-ответственного характера российской экономики.

В связи с актуальностью формирования в обществе и профессиональной среде подхода к внешнему имиджу сотрудников и руководителей «бизнес структур ТПП РФ был проведен семинар и мастер-класс в формате круглого стола «Профессионально этические стандарты консультантов по имиджу и служб протокола». Результаты обсуждения проблем на данном круглом столе несомненно будут способствовать дальнейшему развитию рынка услуг в этой сфере и обеспечению их надлежащего качества.

Целями очередного круглого стола «Подходы и инструменты для решения этико-правовых проблем защиты авторских прав в Интернете» стали содействие и поддержание этичности, законности и «экологичности» деловой активности в сети Интернет, распространение успешного опыта работы на основе стандартов цивилизованного ведения бизнеса, «выравнивание» этических стандартов делового поведения в Интернете, а также обсуждение эффективной практики решения возникающих в сети Интернет проблем этико-правового плана и обмен совместным опытом.

Тема кросскультурных коммуникаций в эпоху глобализации с каждым годом вызывает все больший интерес у делового сообщества. Российский бизнес завоевывает новые просторы, возрастает значение таких важных аспектов при кросскультурных взаимодействиях, как этика и мораль, оказывающих большое влияние на бизнес-коммуникации, показывающих остроту этических проблем в бизнес-сообществе. На рассмотрение этих проблем была направлена дискуссия круглого стола на тему «Этико-правовые проблемы кросскультурных коммуникаций в бизнесе: подходы к решению и практика», проведенного ТПП РФ 28.09.11 г. Результаты обсуждения свидетельствуют о реализации цели круглого стола: обсудить возможные подходы к решению этико-правовых проблем кросскультурных коммуникаций в бизнесе; констатировать важность системного подхода при решении этических и правовых проблем, возникающих в процессе кросскультурных бизнес-коммуникаций, оказать содействие в распространении лучшей практики, обмене опытом, развитию сотрудничества экспертов.

Особо актуальным для бизнес-сообщества явилось проведение ТПП РФ 12.12.13 г. семинара и мастер-класса по теме «Применение инструментов прикладной этики для управления рисками в организации: корпоративная этика и этика compliance», поскольку compliance – явление новое в нашем бизнесе, привнесенное в российские организации крупны-

ми западными компаниями. Участники семинара отмечали, что на сегодняшний день обсуждение вопросов, связанных с этикой и compliance, становится насущной необходимостью, поскольку этический compliance (отдельное направление в compliance) ставит своей целью контроль за исполнением сотрудниками компании установленных этических правил и норм поведения. В этический compliance входят нормы, предотвращающие коррупцию и злоупотребление должностными полномочиями, конфликт интересов, незаконные действия сотрудников и мошенничество.

В ходе мастер-класса был представлен инструментарий прикладной этики, использующийся в практике compliance западных компаний, подходы и методы проведения исследования корпоративной практики на предмет выявления потенциальных рисков, анализа на честность и действенность принятого в компании этического Кодекса; обучение бизнес-этике сотрудников в целях предупреждения compliance-рисков, разработки основных вариантов программы compliance.

Анализируя указанные действия ТПП РФ, приходим к выводу, что ее деятельность – выбор актуальных дискуссионных проблем в этике бизнеса, применение современных методов и способов формирования этики бизнес-коммуникаций – можно рассматривать как механизм внедрения этики в сферу бизнеса.

Опыт работы ТПП РФ и региональных ТПП рассмотрен в исследовании Е.А. Красниковой и С.М. Лебедевой «Об опыте работы Торгово-промышленных палат и объединений предпринимателей в сфере деловой культуры». Проанализировав 102 сайта ТПП, ТПП РФ, исследователи выявили в работе торгово-промышленных палат следующие основные формы и способы поддержания принципов, стандартов деловой культуры и деловой этики:

1. Включение положений о соблюдении норм деловой этики в Уставы ТПП.
2. Функционирование специализированных структур при ТПП; являющихся инструментом поддержания принципов, стандартов деловой этики.
3. Обсуждение, разработка, реализация, модернизация документов, устанавливающих этические принципы и стандарты детальности ТПП.
4. Организация функционирования «горячих линий», консультационных пунктов на сайтах ТПП, ведение реестров «надежности».
5. Сотрудничество ТПП с заинтересованными в повышении и применении стандартов деловой культуры, деловой этики, социальной ответственности бизнеса сторонами [2, с. 9–18].

Оптимизации этического регулирования бизнес-коммуникаций также будет способствовать внедрению системы «общих ценностей». Теория, выдвинутая М. Портером и М. Креймером, предполагает поддержку практического влияния на умы людей общих для бизнеса и общества ценностей, с тем чтобы благополучие предприятий было постав-

лено в зависимость от социального прогресса, повышения социальных стандартов для всего населения. Согласно идее общих ценностей, по мнению авторов, стоимость производится таким способом, что одновременно создается и необходимое обществу благо: удовлетворяются его потребности или решаются его проблемы. Общие ценности – не то же самое, что социальная ответственность, благотворительность и даже устойчивое развитие; это – новый путь к экономическим успехам. М. Портер, М. Креймер считают, что «концепция общих ценностей предполагает соблюдение законов и этических норм, а также смягчение любых внешних последствий экономической деятельности. Но это не все. Возможность получать прибыль, помогая обществу решать его проблемы, станет одним из самых мощных факторов роста мировой экономики. Принцип общих ценностей заставляет иначе воспринимать потребителей, оценивать производительность и влияние внешних условий на бизнес. Во главу угла ставятся важнейшие, еще не удовлетворенные потребности человечества, не освоенные крупные рынки, издержки бизнеса как результат нерешенных социальных проблем, а также конкурентные преимущества, которые получает компания, занимаясь ими» [5].

Как полагают авторы данной концепции, необходимо по-новому сформулировать цель бизнеса: не просто зарабатывание прибыли, а создание общих ценностей. «Прибыль, полученная с учетом общественного блага, – это капитализм в его высшем проявлении, капитализм, подталкивающий и развитие общества, и быстрый рост компаний, капитализм, при котором процветание предприятия ведет к процветанию общества и стабильной прибыли бизнеса» [5]

Среди других способов повышения этичности бизнес-коммуникаций можно назвать принятие таких мер, как стимулирование руководителей, которые этично ведут дела; совершенствование законодательства, введение более жестких санкций за нарушение норм деловой этики, результативная борьба с криминалом, коррупцией как формами антиэтических отношений. Эффективное влияние на этику деловых взаимоотношений может оказать развитие в России этики образования, создание единого методического центра по разработке этических кодексов; проведение практических семинаров-тренингов по вопросам их применения, внедрение этического комплаенс, задачей которого является контроль за исполнением сотрудниками компании установленных этических правил и норм поведения – внутрикорпоративного кодекса.

Перечисленные приемы, формы, пути совершенствования этики бизнес-коммуникаций безусловно не являются исчерпывающими, но это наиболее типичные, получившие признание в развитии мирового и отечественного бизнес-сообщества способы фиксации моральной ответственности, способы сочетания частного и общественного интереса.

По результатам социологического исследования, проведенного автором по теме «Этика деловой коммуникации в современной России» в ноябре 2010 г. – январе 2011 г. на базе лаборатории социально-политических исследований Тульского государственного университета, названных выше исследований Е.А. Красниковой, С.М. Лебедевой приходим к выводу, что в результате начавшегося процесса их внедрения в развитии этики бизнес-коммуникаций наметились следующие тенденции: рост социальной ответственности бизнеса, осознание выгоды соблюдения этики бизнес-коммуникаций, ее принципов честности, порядочности, надежности; повышение уровня ответственности бизнес-сообщества за соблюдение стандартов и норм делового поведения; развитие в бизнес-коммуникациях отношений социального партнерства, разрешение возникающих разногласий и конфликтов на основе компромиссов, взаимопонимания, конструктивного диалога; наряду с ориентацией на западные формы, связанные с заимствованием технических приемов и стилей, дальнейшее развитие национальных устоев бизнес-этики, возрождение лучших национальных традиций прошлого: идеи служения обществу, социальной ответственности, благотворительности и меценатства, честной конкуренции, справедливости.

Список литературы

1. Ботавина Р.Н. Этика деловых отношений. М.: Финансы и статистика, 2001. 208 с.
2. Красникова Е.А., Лебедева С.М. Об опыте работы российских Торгово-промышленных палат и объединений предпринимателей в сфере деловой культуры. М.: ТПП РФ; ООО «Консалтинговый центр “Этика в бизнесе”», 2010.
3. Шихирев П.Н. Введение в российскую деловую культуру. М.: ОАО «Типография Новости», 2000. 208 с.
4. ISO/DIS 26 000 (Bracketed Working Draft) IDTF NIIS Page 10-13.
5. Porter M., Kramer M., Creating Shared Value: How to Reinvent Capitalism – and Unleash a Wave of Innovation and Growth // Harvard Business Review. 2011. V. 89. N ½. P. 62–77 (рус. пер.: Портер М., Креймер М. Капитализм для всех: о том, как «усовершенствовать» капитализм и расчистить путь для инноваций и роста // Harvard Business Review – Россия. 2011. № 3 (66). С. 34–52.

WAYS OF IMPROVING THE ETHICS OF BUSINESS COMMUNICATIONS IN MODERN RUSSIA

E.Y. Karlova

M.V. Lomonosov Moscow State University, Moscow

The article is aimed at examining the main ways of improving the business ethics communication analyzing current forms of its development applied in the world. The author focuses on the introduction of innovative forms of business communications in Russia, determines their specificity, studies and summarizes Chambers of Commerce experience in the formation of the national business ethics. On the sociological research basis, she comes to the conclusion that there is a trend of recognizing as profitable the observance of professional ethics norms in the Russian business community.

Keywords: *ethics of business communication, codex, roundtable, Chamber of Commerce, ethical compliance, ISO 26000, common values.*

Об авторе:

КАРЛОВА Елена Юрьевна – аспирантка кафедры этики философского факультета ФБГОУ ВПО «Московский государственный университет им. М.В. Ломоносова», Москва. E-mail: pr.elena.karlova@yandex.ru

Author information:

KARLOVA Elena Yurievna – Ph.D. student of the Dept. of Ethics, Philosophy faculty Lomonosov Moscow State University. E-mail: pr.elena.karlova@yandex.ru

УДК 101.1:316

СОЦИАЛЬНО-ФИЛОСОФСКИЕ ПРОБЛЕМЫ РАЗВИТИЯ ТРУДОВОГО ПОТЕНЦИАЛА ТЕРРИТОРИЙ

В.А. Генг

ФГБОУ ВПО «Тверской государственный университет», г. Тверь

Статья посвящена анализу проблемы развития трудового потенциала территории. Изучены различные способы и варианты его формирования. Проведена корреляция глобальных трендов эволюции трудового потенциала и основными тенденциями этого процесса в России.

Ключевые слова: *бизнес-структуры, территория, информатизация, трудовой потенциал.*

Ведущая роль человеческого фактора в социально-экономическом развитии территорий становится все более очевидной.

Трудовой потенциал (ТП) территории следует рассматривать через совокупность представлений, раскрывающих его сущность не только в контексте каждого из направлений анализа социально-экономического состояния территории, лежащего в основе разработки государственной территориальной политики, но и с позиций участия в процессе развития ТП как государственных и муниципальных органов власти, так и бизнес-структур, функционирующих на территории. При этом особенности трудового потенциала как объекта двустороннего интереса – государственных органов власти и бизнес-структур, реализующих собственную стратегию развития, – в рассмотренных определениях не выделяются.

Процессы формирования и использования ТП интегрированы во все территориальные социально-экономические процессы. ТП территории, с одной стороны, является фактором развития региональной экономики, а с другой стороны, формируясь и развиваясь в процессе использования, выступает критерием оценки положительности социальных изменений. В то же время включенность трудового потенциала в формат регионального развития существенно зависит от активности взаимодействия органов власти субъекта Российской Федерации и бизнес-структур, развитие которых зависит от обеспечения компаний квалифицированными кадрами.

Высокая квалификация персонала при развитии компетенций в четком соответствии с выбранной бизнес стратегией может обеспечить компании существенные конкурентные преимущества. К числу общемировых тенденций, повышающих значимость процесса обучения персонала компании, можно отнести:

1. Информационный бум – резкое увеличение объема и скорости обращения информации в современном обществе, чему способствовали новые технологии в полиграфии, активность СМИ и НТР.

2. Информатизация общества, как следствие информационного бума, и создание мировых информационных сетей и компьютерных средств обучения.

3. Функциональная неграмотность – неспособность работника эффективно выполнять свои профессиональные функции, несмотря на полученное образование, – стала следствием не только «информационного бума» и информатизации, но и резко возросшей социальной динамики. В результате происходит быстрое устаревание приобретенных профессиональных знаний, потеря ими актуальности.

Многие руководители компаний считают, что сугубо академические программы государственных учебных заведений не всегда оказываются полезными для развития компетенций персонала, т. е. способностей, отражающих необходимые стандарты поведения в условиях происходящих изменений. Поэтому нет ничего удивительного в том, что везде в мире компании создают специальные центры, где сосредоточивают такие направления деятельности, как обучение персонала, управление знаниями, проведение исследовательских проектов [4, с. 123].

Кроме того, функциональная неграмотность обострила проблему качества профессионального образования и усложнила ее решение. Выпускник образовательного учреждения часто оказывается невостребованным или неподготовленным к требованиям, которые предъявляют ему работодатель и социальное окружение. Возникает необходимость доучивания, обучения и переучивания в процессе трудовой деятельности. Однако недостаточно привести в соответствие профессиональную подготовку и требования заказчика (обучающегося, работодателя, государства), необходимо скорректировать темпы изменений того и другого [4, с. 37].

Повышение компетенций персонала при реализации образовательных интересов компании может быть осуществлено различными способами:

1. Через *внутрифирменную подготовку* как особую схему организации подготовки взрослых, ориентированную на развитие персонала и подготовку его к изменениям в конкретной компании с учетом ее специфики [5, с. 177].

Система внутрифирменной подготовки может быть эффективной только в том случае, если она будет поддерживать развитие компании, т.е. когда на основе анализа существующего положения будет оценена перспектива компании и сформирован образ желаемого будущего, спрогнозированы изменения, подготовлены проекты изменения, определены их сроки и затраты. Кроме того, для организации внутрифирменной подготовки требуется не только персонал, который будет обучаться, но и тот, который осуществит обучение.

2. Через создание *корпоративного университета* – их возрождение происходит в последние годы. Корпоративный университет несет не только обучающую функцию, но и создает единую идеологическую ба-

зу на основе стратегии компании. Именно в нем иницируются ключевые преобразования в компании.

Также корпоративные университеты сфокусированы на том, чтобы помочь обучающим понять, как расширить свои возможности и аккумулировать профессиональные знания для создания дополнительных единиц ценности для бизнеса и реализации обучающимися выбранной компанией бизнес-стратегии, т. е. «учат ученых быстро перемещаться от теории к практике, получать понимание коммерческой ценности идеи, строить прочные отношения с исследовательскими сообществами для поиска инноваций, которые можно использовать в данной отрасли и в этой организации» [6, с. 25]. Однако создание корпоративного университета по своим затратам под силу лишь крупнейшим компаниям [7, с. 102].

3. Через *стажировки персонала* в ведущих зарубежных и российских компаниях.

Посредством практической стажировки и разработки совместного проекта российские участники повышают свои профессиональные навыки, получают представление о зарубежной деловой культуре, а российские предприятия, отправляющие их на стажировку, уникальную возможность превратить установленный деловой контакт в конкретное сотрудничество с зарубежной компанией.

4. Через активное *взаимодействие с системой профессионального образования* и использование предлагаемых образовательными учреждениями программ, как профессионального обучения, так и переподготовки и повышения квалификации.

При возрастании конкуренции в бизнесе «постепенно возрастает спрос на бизнес-образование, и с каждым годом оно привлекает все больше и больше слушателей» [9, с. 33], что усиливает конкуренцию между образовательными учреждениями, предлагающими различные по направлениям профессиональной подготовки и продолжительности программы.

При этом бизнес-структуры ориентированы не только на получение от образовательного учреждения качественно сформированной образовательной программы, но и на учет специфики обучения взрослого человека [10, с. 88].

Нацеленные на активное взаимодействие с бизнес-структурами территории образовательные учреждения могут иметь реальное влияние на бизнес-показатели в быстроразвивающихся и успешных компаниях.

Список литературы

1. Саградов А.А. Экономическая демография: учеб. пособие. М.: ИНФРА-М, 2009. 256 с.
2. Нестеров Л.И. Перспективы развития оценок национального богатства // Экономический альманах. М., 2011. Вып. 1. С. 37–45.

3. Ансофф И. Новая корпоративная стратегия. СПб.: Питер Ком, 1999. 416 с.
4. Генг В.А. Институциональные формы развития трудового потенциала территории. Тверь: ООО «Лаборатория деловой графики», 2009. 132 с.
5. Базаров Т.Ю. Внутрифирменная подготовка в РФ // Стратегия кадрового менеджмента в вузах и на предприятиях. 2001. С. 177–180.
6. Магура М.И., Курбатова М.Б. Обучение персонала как конкурентное преимущество // Специальный выпуск журнала «Управление персоналом». 2004. № 12. С. 1–80.
7. Щегорцев В. Корпоративный университет // Служба кадров. 2008. № 5. С. 99–103.
8. Райцын В. Какое бизнес-образование нужно предприятиям? // Обучение и карьера. 2009. № 5. С. 50–51.
9. Берглезова Т.В. Проблемы управления процессами формирования и использования кадрового потенциала предприятия // Человек и труд. 2010. № 6. С. 31–34.
10. Генг В.А., Гайдукова Н.С. Процессы моделирования персонификации повышения квалификации в образовательной среде современной России // Вестник Тверского государственного университета. Сер. «Экономика и управление». 2013. Вып. 20. № 28. С. 96–106.

SOCIAL AND PHILOSOPHICAL PROBLEMS OF THE AREAS' LABOR POTENTIAL

V.A. Geng

Tver State University, Tver

The article is focused on the problem of the territory labor potential. Various forms and strategies of its development are studied. Global trends of labor potential evolution are correlated with the major tendencies of this process in Russia.

Keywords: business structure, grounds, information, labor potential.

Об авторе:

ГЕНГ Варвара Антоновна – кандидат экономических наук, зав. кафедрой менеджмента ФГБОУ ВПО «Тверской государственной университету», Тверь. E-mail: geng@pochta.ru

Author information:

GENG Varvara Antonovna – Ph.D. (Economics), Chair of the Dept. of management of Tver State University. E-mail: geng@pochta.ru

УДК 101.1

КОНФИГУРАЦИИ СОЦИАЛЬНОЙ ПАМЯТИ В ИСТОРИЧЕСКОМ СОЗНАНИИ МОЛОДЁЖИ: МЕТОДОЛОГИЧЕСКИЙ АСПЕКТ¹

Д.А. Аникин*, А.А. Линченко**

* ФГБОУ ВПО «Саратовский государственный университет
им. Н.Г. Чернышевского», г. Саратов

** ФГБОУ ВПО «Российская академия народного хозяйства и государственной
службы при Президенте Российской Федерации»

Обосновывается мысль о том, что анализ исторического сознания молодежи с позиций традиционных подходов не является достаточным для изучения механизмов формирования и закономерностей развития представлений о прошлом. С этой целью предлагается концепция синтеза деятельностного и сетевого подходов, которые призваны выявить объективные основания формирования исторического сознания, а также определить роль социального контекста в реконструкции социальной памяти. В условиях актуальных тенденций современного социального развития формирование исторического сознания молодежи становится важным фактором успеха социальных преобразований. Комплексное исследование социальной памяти молодежи позволит выработать конструктивные рекомендации для институтов современного российского общества.

Ключевые слова: историческое сознание молодежи, деятельностный подход, сетевой подход, исторический опыт, социальная память, практики.

В условиях социальных преобразований резко возрастает роль молодежи, которая становится главной действующей силой, способной обеспечить выход общества на новый уровень развития или, наоборот, консервацию и сохранение подвергающихся трансформациям ценностей. Но ценностный потенциал молодежи опирается в первую очередь на социальную память как совокупность представлений о прошлом, непрерывно актуализирующуюся в различных практиках – образовательных, мемориальных, правовых, повседневных – и обеспечивающую сохранение ценностных ориентиров.

Социальную память нельзя свести исключительно к набору исторических фактов и фигур исторических персонажей, скорее, она является связующим звеном, устанавливающим прямое и непротиворечивое (для самих носителей социальной памяти) соответствие между прошлым и настоящим, а также – между прошлым и тем образом будущего, к которому стремится данное общество. Нельзя упускать из виду и

---

¹ Исследование проводится при поддержке РГНФ, грант № 14-33-01237 (а2): «Трансформация исторического сознания молодежи в обществе риска: источники, механизмы, закономерности, перспективы».

идентификационную функцию социальной памяти – она позволяет индивиду осознать свою принадлежность к определенному сообществу, обладающему схожими представлениями о прошлом.

Но исследование социальной памяти современной молодежи оказывается невозможным без решения целого ряда методологических вопросов, имеющих непосредственное отношение к выявлению закономерностей формирования представлений о прошлом.

Понимание особой роли социальной памяти в процессах становления и трансформации социальных структур и вызвало к жизни в конце XX в. возникновение особого направления исследований, получившего название «memory studies». Возникновение «memory studies» ознаменовало собой окончательный отказ от двух презумпций сциентистской парадигмы исторического познания. Во-первых, от отождествления образа прошлого с самим прошлым (хотя говорить о «временном разрыве» между наблюдателем и объектом его наблюдения в истории начал еще Хладениус) [1, с. 19]. Во-вторых, от уверенности в том, что тот образ прошлого, который существует в данный момент, оставался неизменным на всем протяжении того временного промежутка, который отделяет настоящее от прошлого. Изучение памяти как процесса, а не как состояния позволяет проследить трансформацию образа определенного исторического события или героя, что в большей степени позволяет судить не столько о самом образе, сколько о том культурном и политическом контексте, в котором осуществлялось его поистине «волшебное» превращение.

А. Ассман справедливо указывает, что изменения в социально-гуманитарном дискурсе, актуализировавшие само понятие «социальная память», параллельно способствовали постепенному уменьшению значимости понятия «идеология». Но дело тут вовсе не в том, что социальная память рассматривается как рафинированный продукт социальных процессов, избавленный от политического влияния. «Идеология – это оборотная сторона имплицитного и самоуверенного чувства истины» [2, р. 41]. Иначе говоря, представление об идеологичности каких-либо суждений строится на уверенности в существовании «объективной точки зрения». В том случае, если представление о существовании абсолютной истины оказывается развенчано, «идеология» утрачивает свое методологическое значение, превращаясь в символический маркер неразделяемой точки зрения. Понятие «социальная память» исходит из относительности и условности связи между современной репрезентацией прошлого и самим историческим событием, которое в данной репрезентации отражается. Соотношение прошлого и настоящего представляются неоднозначным диалогом, в котором сопряжение полюсов обусловлено не только политическим запросом современности, но и теми условиями, в которых порождаются смыслы такого соотношения.

Р. Брубейкер указывает на несколько основных недостатков, свойственных современным исследованиям социальной памяти [3,

с. 291–292]. Во-первых, исследования либо сосредоточены на частных случаях конструирования социальной памяти, либо претендуют на чересчур широкие обобщения, игнорируя компаративистский анализ схожих практик конструирования в различных сообществах. Во-вторых, преувеличенным оказывается представление о конструктивном характере социальной памяти, по крайней мере, о податливости образе прошлого под давлением политических обстоятельств. В-третьих, преувеличенной оказывается и оценка восприятия обществом тех дискуссий, которые проходят в академическом сообществе. Эти обстоятельства заставляют обратиться к выявлению тех особенностей изучения социальной памяти, которые сложились на протяжении последних десятилетий в социально-гуманитарных науках.

Репрезентация прошлого на протяжении длительного промежутка времени рассматривалась исключительно в гносеологическом ключе, т. е. упор делался на исследовании познавательных стратегий в отношении прошлого. Большое значение для формирования такого взгляда на социальную память имели структуралистская и постструктуралистская традиции в философии истории, в рамках которых прошлое оказалось, по сути, сведено к его текстовой (в широком смысле этого слова) репрезентации.

Постструктурализм, кардинально переработав и обновив постулаты структуралистского анализа, сумел вдохнуть новую жизнь и в такую отрасль философского знания, как философия истории, которая, казалось бы, была безнадежно скомпрометирована в результате произошедшей «структуралистской революции». Позитивный момент этой революции проявился в том, что резкая критика онтологии истории со стороны мыслителей структуралистского толка привела, в несколько смягченном виде, к радикальному обновлению философско-исторического знания в целом, что вывело на первый план эпистемологию истории. Играя на амбивалентности самого понятия «история», способного обозначать как исторический процесс, так и связный рассказ об этом процессе, постструктуралисты сосредоточили свое внимание именно на второй стороне этого понятия. Кажущаяся континуальность и последовательность истории как процесса развития человеческих обществ (да и сама идея исторического развития) является порождением необоснованного переноса характеристик исторического текста на описываемые в этом тексте события. История – это не прошлое, а тот способ, которым это прошлое оказывается реконструировано для современного читателя в произведениях историков.

С позиций постструктурализма исследование источников, являвшихся в позитивистской методологии верным залогом истинности и объективности исторических интерпретаций, является своего рода расшифровкой скрытых в них значений. Но каждое раскодирование, по сути, представляет собой новое закодирование. Помимо того что наши собственные интерпретационные решения основаны на наших же соб-

ственных установках, мировоззрении, даже на эмоционально-психическом состоянии, они пропитаны духом и кодами того дискурса, в котором жили люди – составители источника, его редакторы, его последующие комментаторы и, наконец, мы сами, воспроизводящие устоявшиеся, впитанные в процессе социализации, а потому и не замечаемые, скрытые смыслы. С этой точки зрения история представляется в виде особой конструкции, содержащей эти и многие другие элементы «проекции» и «скрытых смыслов», сконструированной индивидуальным сознанием историка, содержащим в себе как чисто субъективные, так и объективные (в социальном или культурном значении) элементы. Иначе говоря, историк постоянно конструирует историческую реальность, приспособлявая исторические факты под имеющуюся в его сознании схему, которая (и в этом будет проявляться фундаментальное положение всего структуралистского дискурса) не является порождением индивидуальной фантазии историка, а продиктована совокупностью социальных практик, в которую этот историк погружен.

Большая заслуга в развитии постструктуралистских представлений о прошлом принадлежит французскому историку и философу П. Нора, который в своих работах, посвященных тем образам прошлого, которые являются основополагающими для современного общества, сумел методологически обосновать такое свойство коллективных представлений о прошлом, как конструктивизм [4, с. 20–22]. Еще М. Хальбвакс говорил о наличии определенных социальных рамок, которые обеспечивают воспроизводство лишь незначительной части исторических фактов, оставляя остальные в прошлом [5, с. 24]. Но для Хальбвакса в этом заключался именно механизм отсеивания тех воспоминаний, которые больше обладают социальной актуальностью, оставшиеся же воспоминания, безусловно, являлись отсылками к реально существовавшему прошлому. Для П. Нора история Франции служила примером того, как образы конкретных исторических персонажей способны кардинально менять свое значение для общества – то становятся центральными фигурами исторического сознания, но удаляться на периферию социальной памяти.

Но подобное сведение социальной памяти исключительно к схеме, которая содержится в сознании историка и продиктована его политическими предпочтениями, означает поставить вопрос вообще о закономерностях познания прошлого. Если прошлое представляет собой лишь искусственно воссоздаваемый текст, то под сомнением оказывается онтологический статус как самого прошлого, так и легитимизируемого им настоящего. Уже П. Нора понимал, что конструирование социальной памяти происходит не только в сознании индивида, громадное значение в этом процессе имеет его повседневное бытие, те обыденные практики, которые дают ему возможность неосознанно приобретать тот запас исторических знаний, который и делает его представителем определенного сообщества [4, с. 28].

Таким образом, обязательным атрибутом исследования социальной памяти становится изучение повседневных практик, в результате которых происходит актуализация образов прошлого, приобщения к коллективным воспоминаниям представителей подрастающего поколения. В этой связи в исследованиях выделяют такие типы повседневных практик, как практики труда, практики быта и практики досуга [6, с. 95]. Это обстоятельство заставляет обратиться к деятельностному подходу, который, несмотря на некоторую догматизацию и схематизацию в советских философских исследованиях, еще далеко не исчерпал свой методологический потенциал, позволяя рассматривать проблемы социальной памяти и исторического сознания прежде всего в онтологическом, антропологическом и праксиологическом ключе.

Как уже отмечалось в исследованиях, исходным пунктом понимания проблемы деятельности и, шире, антропологического понимания общества и истории является диалектика необходимости и свободы. Данная связка категорий, раскрывающих субстанциональное измерение деятельностной сущности человека разворачивается в виде конкретных форм объект-объектных, субъект-объектных и субъект-субъектных отношений [7, с. 20].

Говоря об объект-объектных отношениях, укажем, что в данном случае мы имеем в виду понимание человеческой деятельности как разворачивающейся в рамках естественно-исторического процесса. В данном случае временность, по сути, представлена в форме чистой длительности, необратимости изменений. В рамках же отдельного человека речь идет о последовательности смены форм состояний человеческой жизнедеятельности, биологическом возрасте человека, как телесной форме восприятия времени.

Второй тип отношений может быть представлен как субъект-объектные отношения. Отношение здесь задается с целью производства объекта для субъекта, в котором преобразование объекта оборачивается деятельностью утилитарно-потребительской и познавательной [8, с. 18]. В данном случае восприятие времени воплощается в виде усвоения, присвоения и воспроизведения исторического опыта и формирования на его основе знаний о прошлом. А.Н. Леонтьев отмечал: «Люди каждого последующего поколения начинают свою жизнь в мире предметов и явлений, созданных предшествующими поколениями... и мышления и знания у людей каждого последующего поколения формируются на основе усвоения ими уже достигнутых успехов познавательной деятельности прежних поколений» [9, с. 7]. Учитывая тот факт, что в современной литературе под историческим опытом понимают «...комплекс реальных, относительно неопровержимых свойств и закономерностей социального бытия и общественного развития, который фиксируется в виде знаний, выводов, а также навыков и примеров по регулированию социально-политической практики, устойчивости и повторяемости раз-

личных аспектов и ситуаций истории» [10, с. 43], а знание о прошлом трактуется как продукт человеческой деятельности, формирующийся в процессе социальных взаимодействий и включающий все виды социально признанных представлений (И.М. Савельева, А.В. Полетаев), можно было бы сказать, что исторический опыт есть, по сути, непосредственное восприятие временности преимущественно с практической стороны деятельности, а знание о прошлом – восприятие временности преимущественно с теоретической стороны.

Третий тип универсальных отношений, протекающих в системе человеческой деятельности, представляют собой субъект-субъектные связи, возникающие и осуществляющиеся с целью производства субъективных качеств людей. По мысли В.М. Видгофа, данные связи выражаются в форме общественных отношений и коммуникации, отношений между индивидом и родом, обществом и личностью, между нациями, классами, социальными группами. Именно в рамках данных социальных отношений происходит процесс обработки объективных качеств людей, где формируются их социальные потребности, умения и навыки освоения и производства социальных ценностей, формируется культура [8, с. 19]. Вопрос о месте и роли временности в структуре субъект-субъектных отношений связан с тем, что само происхождение идеального внутренне связано с процессом общественно-исторического наследования подрастающими поколениями умений, способностей производить орудия труда, различные вещи, реально-материальное и духовное общение. Таким образом, первым и важнейшим понятием, выступающим в ряду понятий, описывающих восприятие временности в системе субъект-субъектных отношений оказывается «социальная память». На значение памяти для семиотических систем и ее деятельный характер неоднократно указывал Ю.М. Лотман. Итак, как нами уже отмечалось ранее, переходя на уровень субъект-субъектных отношений временное в человеческой деятельности преобразуется из исторического опыта в социальную память. Вернее, социальная память есть механизм языкового преобразования исторического опыта, она преобразует исторический опыт в нарратив, формируя историческую идентичность. Более того, социальная память способствует преобразованию коммуникации в общение, т. е. коммуникация приобретает форму эмоциональной вовлеченности в процесс такого обмена и интенционального переживания опыта прошлого. Временность в таком случае получает форму событийной длительности, время разворачивается как пространство событий, зависимое от способов социокультурной деятельности и личных воспоминаний человека [7, с. 22].

Итак, если подойти к определению исторического сознания со стороны сущностных родовых признаков сознания вообще, то можно было бы отметить следующее: во-первых, историческое сознание – это специфическая форма субъективной реальности, идеально отображаю-

щая и духовно осваивающая действительность в её темпоральном аспекте. Во-вторых, историческое сознание социально по своей природе, поскольку выступает предметом, результатом, моментом и условием человеческой жизнедеятельности. Для исторического сознания деятельность является субстанциальным свойством, обнаруживающим себя как самовыражение и самоутверждение субъективной реальности, взятой одновременно в разных универсальных аспектах: психическом (как образно-психическое отражение и отношение временного), идеальном (как предметно-образное отображение и выражение особенностей социального бытия в его временном аспекте) и духовном (как вид общественного сознания и форма духовной культуры субъекта).

Однако утверждения, что социальная память – это в первую очередь целенаправленные действия по сохранению, созданию или воссозданию определенных образов прошлого, еще недостаточно. Точнее говоря, понимание праксиологического характера социальной памяти уже позволяет ответить на вопрос «как происходит обращение к прошлому?», но не освещает закономерностей конкретного способа обращения к прошлому. Для ответа на вопрос о специфичности подбора исторических фактов и конкретизации их интерпретаций, определяющих историческое сознание современного человека, необходимо изучить контекстуальность социальной памяти. Конкретная практика воссоздания прошлого не является изолированным процессом, а представляет собой точку пересечения самых разнообразных стратегий освоения социального пространства, это узел сети, в которую на равных основаниях включаются такие разнопорядковые элементы как «политическая целесообразность», «психологическая готовность населения», «наличие свободного места», «трудоемкость осуществления практики», «договоренность о взаимовыгодном сочетании различных практик» и т. д. По словам О. Хархордина и В. Волкова, «это некоторая ассоциация или сборка элементов, про которые бесполезно спрашивать, чего в ней больше – человеческого или нечеловеческого» [11, с. 249]. Значение сетевого подхода также особенно ярко просматривается при выявлении роли повседневных практик в процессе реактуализации прошлого. В исследованиях подчеркивается, что повседневность есть целостное и гармоничное сочетание различных сторон повседневной деятельности – практик труда, практик досуга, практик быта, каждая из которых актуализует свое пространство опыта прошлого, выстраивает свои ценностные доминанты и ориентиры. При этом ни одна из сторон повседневности не может быть сегодня выделена в качестве однозначно детерминирующей остальные [6, с. 102–104].

В рамках сетевого подхода предлагается комплексное рассмотрение социальной памяти как динамично меняющегося сопряжения различных элементов, определяющих специфику образов прошлого, и их функционирование в рамках современной социальной реальности. Мно-

гоуровневость феномена исследования определяется тем, что недостаточным становится анализ содержания социальной памяти, поскольку репрезентация одного и того же исторического факта может приобретать прямо противоположное значение в зависимости не только от политических запросов, но и от предшествующей истории репрезентаций, способов трансляции социальной памяти и т. д.

Такая трактовка социального позволяет по-новому переосмыслить понимание деятельности и ее место в конструировании социальной памяти. Классическое понимание деятельности акцентирует внимание на ее телеологическом характере, предзаданности той диспозиции, которая определяет поведение индивида, совершение или несовершение им определенных действий. Х. Йоас справедливо отмечает, что такое понимание деятельности неоправданно сужает совокупность факторов, влияющих на действия человека, прежде всего исключает влияние ситуативности [12, с. 178]. Признавая же влияние ситуативных факторов на человеческую деятельность, необходимо переосмыслить как влияние мотивов, так и структуру целеполагания в качестве атрибутов деятельности по конструированию социальной памяти.

С точки зрения мотивации необходимо различать роль мотивов в создании предзаданного плана, определяющего общую структуру и направленность человеческого поведения, и их возможность определять выбор конкретных поступков, призванных обеспечить достижения поставленной цели. «Если понимать интенциональность как саморефлексивное сознание и оценку дорефлексивных квазиинтенций, то тогда мотивы и планы следует рассматривать как результат такой рефлексии, а не как реально действующие причины действия» [там же, с. 179]. Иначе говоря, рациональная мотивация оказывается во многом сформирована «задним числом», т. е. призвана объяснить тот способ поведения, который может быть продиктован совсем иными, неререфлексивными причинами. Из этого следует, что для анализа социальной памяти конкретной социальной группы еще недостаточным является изучение стратегий ее конструирования и понимание общей направленности, поскольку любая конкретная коммеморативная практика будет включать в себя не только осознание ее направленности, но и совокупность неререфлексируемых условий ее осуществления, которые нередко оказываются не менее существенными, скрытыми за процессами повседневного опыта.

Не менее важным является отказ от однозначной трактовки самого акта постановки цели. С точки зрения разрабатываемого Х. Йоасом подхода «постановка цели – это результат ситуации, в которой действующий субъект оказывается перед препятствием, мешающим ему продолжать реализацию дорефлексивных способов действия» [там же, с. 180]. Субъект вынужден формулировать осознанную цель своей деятельности только в том случае, если привычные практики оказываются неэффективными, когда нерезультативность процесса действия за-

ставляет задуматься о соотношении между целью и средствами ее достижения. Это означает, что любая целенаправленная деятельность по сохранению социальной памяти или ее актуализации является отражением той социальной ситуации, в которой эта социальная память перестала быть актуальной «по умолчанию». Ещё П. Нора считал, что резкий всплеск разговоров о прошлом означает лишь то, что это прошлое перестало относиться к «живой» памяти, перейдя в разряд нейтрально-холодной истории [4, с. 18].

Не стоит воспринимать социальную память как простое «отражение» тех социальных связей, материальных и нематериальных сетей, элементом которых она является. Д. Олик отмечает, что в методологических попытках лишить социальную память ее автономного существования присутствует и обратная опасность – воспринять структуры социальной памяти исключительно как способы репрезентации политического поля, сведя тем самым образы прошлого исключительно к иллюстрации современного политического процесса [13, с. 43]. Но производство смысла является не побочным результатом реформатирования политического поля, а закономерным элементом политической деятельности. Поэтому социальная память в качестве символического ресурса представляет собой важный сегмент социального пространства, посредством изучения которого возможно осмысление всей совокупности процессов, протекающих на различных уровнях этого пространства. В условиях становления сетевых структур память становится важным узлом, в котором пересекаются ожидания, намерения и стереотипы участников социальных взаимодействий, поэтому главной чертой социальной памяти в сетевом обществе становится ее контекстуальность, которая должна пониматься сразу в нескольких ракурсах: пространственном, коммуникационном, дискурсивном и конфигуративном. Именно с этой точки зрения необходимо рассматривать смысл и значение понятия «историческая культура», получившего распространение в современных зарубежных исследованиях. Конфигурации социальной памяти всегда оказываются формами процессов исторической культуры того или иного времени, понятой как вся совокупность способов восприятия и форм обращения к прошлому, практик его повседневного освоения и присвоения в контексте действительности настоящего и ориентаций на будущее. Представления о прошлом в сетевом обществе становятся символическим ресурсом, который оказывается необходим как для поддержания социального порядка, так и для давления на него. Вместе с тем структура Сети подразумевает многоуровневость элементов социальной памяти, которые становятся точкой пересечения как горизонтальных, так и вертикальных плоскостей. Иначе говоря, было бы слишком примитивно свести репрезентацию социальной памяти к актуальным интересам политических субъектов, поскольку функционирование образов прошлого подразумевает определенную историю их возникновения и

цели воспроизводства. Символический капитал, впрочем, как и любой другой вид капитала, приобретает значение не сам по себе, а лишь в соотношении с другими используемыми ресурсами, поэтому ошибочным является сама попытка рассмотрения социальной памяти как независимого сегмента социальной реальности. Память оказывается увязана с самой конфигурацией социального пространства, состоящей из нескольких пересекающихся полей и динамично меняющейся в соответствии с изменением положения отдельных элементов.

Таким образом, методологическим условием возможности описания той ситуации, в которой оказывается историческое сознание современной молодежи, является синтез деятельностного и сетевого подходов. Данный синтез позволяет:

1. Совершить переход от гносеологического к онтологическому аспекту изучения социальной памяти и исторического сознания.

2. Выявить закономерности формирования исторического сознания молодежи в контексте культурных, социальных, политических, экономических сетевых структур современного общества.

3. Определить совокупность факторов, влияющих на формирование исторического сознания молодежи и выработать конструктивную стратегию социализации молодежи в условиях нелинейных тенденций современного социального развития.

4. Разработать методологию изучения трансформации исторического сознания молодежи в зависимости от контекстуальных изменений социального пространства.

Список литературы

1. Буллер А. Введение в теорию истории. М.: Наука, 2013. 184 с.
2. Assmann A. Re-framing memory. Between individual and Collective forms of Constructing the Past // Tilmans K., van Vree F., Winter J. Performing the Past: Memory, History and Identity in Modern Europe. Amsterdam, 2010. P. 35–50.
3. Брубейкер Р. Этничность без групп. М.: Издательский дом ВШЭ, 2012. 408 с.
4. Нора П. Между памятью и историей, проблематика мест // Франция–Память. СПб.: Издательство Санкт-Петербургского университета, 1999. С. 17–50.
5. Хальбвакс М. Социальные рамки памяти. М.: Новое издательство, 2007. 348 с.
6. Полякова И.П. Социально-философское понимание повседневности. Липецк: Изд-во ЛГТУ, 2009. 138 с.
7. Линченко А.А. Деятельностный подход в понимании природы и сущности исторического сознания // Вестник Тверского государственного университета. Сер.: Философия. 2014. №1. С.16–25.

8. Видгоф В.М. Целостность эстетического сознания: деятельност-ный подход (опыт философского анализа). Томск: Изд-во Томско-го ун-та, 1992. 179 с.
9. Леонтьев А.Н. Человек и культура. М.: Мысль, 1961. 114 с.
10. Тихонов В.А. Философско-методологические принципы освоения исторического опыта. Самара: Издательство «Самарский универ-ситет», 2003. 224 с.
11. Волков В.В., Хархордин О.В. Теория практик. СПб.: Изда-тельство Европейского университета, 2008. 298 с.
12. Йоас Х. Креативность действия. СПб.: Алетейя, 2005. 320 с.
13. Олик Д. Фигурации памяти: процессо-реляционная методология, иллюстрируемая на примере Германии // Социологическое обо-зрение. 2012. Т. 11, № 1. С. 40–74.

CONFIGURATIONS OF SOCIAL MEMORY IN HISTORICAL CONSCIOUSNESS OF YOUTH: METHODOLOGICAL ASPECT

D.A. Anikin*, A.A. Linchenko**

* Saratov State University, Saratov

** Russian Presidential Academy of National Economy and Public Administration

The idea that the analysis of historical consciousness of the youth from the point of traditional approaches doesn't allow to study the mechanisms of formation and regularity of development of ideas of the past is proved in the article. In pursuing the aim, the concept of synthesis of activity and network approaches which are urged to reveal the objective bases of the formation of historical consciousness and also to define a role of a social context in reconstruction of social memory is considered. In the conditions of actual tendencies of modern social development the formation of historical consciousness of the youth becomes an important factor of success of social transformations. The complex research of social memory of the youth will allow to develop constructive recommendations for institutes of modern Russian society.

Keywords: *historical consciousness of youth, activity approach, network approach, historical experience, social memory, practitioners.*

Об авторах:

АНИКИН Даниил Александрович – кандидат философских наук, доцент ФГБОУ ВПО «Саратовский государственный университет имени Н.Г. Чернышевского»? Саратов. E-mail dandee@list.ru.

ЛИНЧЕНКО Андрей Александрович – кандидат философских наук, доцент ФГБОУ ВПО «Российская академия народного хозяйства и государственной службы при Президенте Российской Федерации». E-mail:linchenko1@mail.ru.

Authors information:

ANIKIN Daniil Alexandrovich – Ph.D., Assoc. professor Saratov State University, Saratov. E-mail: dandee@listl.ru.

LINCHENKO Andrew Alexandrovich – Ph.D., Assoc. professor Russian Presidential Academy of National Economy and Public Administration. E-mail: linchenko1@mail.ru.

УДК 101.1:316

ОСНОВНЫЕ ФОРМЫ ВОЗДЕЙСТВИЯ МОЛОДЕЖИ НА МОДЕРНИЗАЦИЮ ЭКОНОМИКИ И СОЦИАЛЬНЫХ ОТНОШЕНИЙ В ОБЩЕСТВЕ, ОСНОВАННОМ НА ЗНАНИИ

Е.И. Петров

ФГБОУ ВПО «Тверской государственный университет», г. Тверь

Глобализация и развитие соревновательных отношений международных компаний увеличивают изначальный «технологический разрыв», что может привести к поляризации трудовых ресурсов. Избегнуть такого эффекта помогает практика перераспределения знаний, связанная с установлением единого коммуникативного пространства между наукой, предпринимательством и государством. При этом в рамках научной деятельности осуществляется производство знаний, их передача и распространение; предприниматель осуществляет функцию посредника, трансформирующего научные изобретения в экономические инновации, а государство способствует созданию национальной инновационной политики.

Ключевые слова: *молодёжь, глобализация, модернизация, инновации, общество знаний, государственная политика.*

Основной компонент инфраструктуры современных рынков является информация. Её использование и транслирование составляет функционирование организационной, технической и финансовой составляющих экономик, поэтому переход российского общества к обществу знания связывается с установлением информационной экономики. Однако многие страны в определенные периоды российской истории предполагали эффективным изоляционное развитие национальных хозяйств, с минимизацией экономических контактов с другими государствами, поэтому расширение экономических рынков в процессе общекультурной глобализации не может протекать стихийно, необходимо сформировать принципы управления национальными экономиками.

В качестве экономических явлений процесса глобализации часто указывают: движение товаров и услуг между странами и экономическими секторами; установление зависимости финансового капитала между странами; распространение валютных операций на международных рынках; передвижение людей между странами в соответствии с индивидуальными экономическими функциями, а следовательно, и развитие интеллектуальных заимствований между исследовательскими и учебными центрами. На таком экономическом базисе развитие торговых отношений уместно выстраивать по принципу относительного преимущества, т. е. когда страна специализируется на тех сферах деятельности, которые способны обеспечить ее конкурентные преимущества. Подобная специализация торговой политики страны может восприниматься как осуществле-

ние страхования риска открытых торговых отношений, при том что адаптационные программы к условиям глобального рынка не принуждают к поиску и освоению новых ресурсов, а направлены на развитие уже имеющихся. Такое оптимизированное введение страны на рыночных условиях в систему открытой экономики оказывается наиболее эффективным, поскольку торговые отношения выступают стратегическим условием осуществления развития и индивидуального роста страны.

В обществе знания основным ценностным экономическим ориентиром выступают знания, поэтому фактор неопределенности, связанный с колебанием валютных курсов, с развитием глобальной экономической системы, не может быть постоянным. Либерализация глобальных экономических отношений также провоцируется включением в торговые операции сферы услуг, в том числе финансовое обслуживание и интеллектуальную деятельность. Эти сферы носят субъективный характер, они связаны не с производением научно-технического товара, а с его интерпретацией и репрезентированием, поэтому в отношении сферы услуг существенной характеристикой становится личностный фактор, уровень компетентности оказывающих услуг агентов, возможности быстро и качественно производить новые формы знания.

Рыночные сделки требуют определённой кодировки знания, прежде всего описательного, в большей степени связанного с информативным содержанием, а потому оно может быть переведено на электронные носители (сконфигурировано в битах), однако в экономических отношениях общества знания принимают и другие формы знаний.

Знания о навыках и способностях к определенному действию – знание процедуры, – овладеть этим знанием помогают учебные заведения. Также эта форма знаний выступает важным элементом социализации молодого поколения, с помощью практики «следования» за учителем и упования в решениях на его авторитетность. «Знание процедуры» формируется в процессе производственной практики, им можно овладеть в каждодневном общении с сотрудниками и экспертами отдельной производственной компании. Знание о специалистах и их ресурсных возможностях – поведенческое знание – наиболее связано с социальным контекстом, это знание не может быть передано через формальные источники связи, для его получения требуются когнитивные источники; эффективное использование экспертного труда и расширение способностей его интерпретации – по сути знание личностное, которое можно обозначить в качестве «подразумеваемого».

Востребованность всех этих видов знания предполагает формирование и адаптационных программ по их кодированию. Становятся одинаково значимыми как сами информационные базы, так и те человеческие ресурсы, которые обеспечивают их эффективное функционирование. Обмен различными видами знаний и навыками по их преобразованию выражает переход от информационной экономики к модели ин-

новационного экономического развития общества знания, т. е. интерактивная форма экономического участия знания заменяет традиционные техники наращивания экономического преимущества.

Владение приемами кодировки знаний и навыками их использования требует непрерывного обучения, поскольку является позитивным стимулом экономического развития, при котором хранение и развитие различных видов знания также умножается. Работник сферы знания должен осознавать себя личностью с индивидуальными способностями и восприятием, поскольку в соответствии с последними выстраивается и интерпретируется когнитивная конструкция. Он стремится к расширению своих компетенций, демонстрируя мобильность и гибкость собственных возможностей в отношении изменяющихся социально-экономических условий.

Формирование требуемого человеческого ресурса возможно через современные практики образования и реализацию идеи обучающегося общества, в котором люди заинтересованы в продолжении своего образования в профессиональной деятельности посредством обучения неформального. Такие образовательные решения находят свое воплощение в структуре информационно-коммуникативных технологий: практика электронного обучения, разработка электронных пособий и методических указаний, создание обучающих компьютерных моделей, проекция реальных учебных ситуаций, способы погружения обучающегося в виртуальную реальность и многое другое. С осуществлением разными странами программ модернизации потребность в когнитивных специалистах, работающих с системами знаний, постоянно увеличивается. Все большее количество взрослых людей нуждается в непрерывном обучении и постоянном повышении квалификаций. Безусловно, следует относить к нуждающимся в постоянном обучении и молодые когорты. Молодые люди изначально активно включены в образовательный процесс, но теперь предполагается важной ориентация в образовании на получение «знания в течение жизни», что определено ролью инновационного развития профессиональных горизонтов.

Становление непрерывной образовательной базы и последовательное ее объединение с производственной практикой создания и развития знаний подразумевают сетевые организации знаний. При этом перенесение принципов сетевого управления системами знаний на производственные организации связано с сокращением ресурсов при повышении производительности за счет принятия знания как ресурса и обслуживающего его человеческого мышления на все уровни управления [5]. В качестве модернизационной ступени к достижению такого гибкого способа производства некоторые предприятия выбирают исключение уровней среднего, вспомогательного управления открывая для когнитивных специалистов возможность непосредственно проводить необходимые корректирующие и направляющие работы.

Альтернативной практикой может служить ориентация сотрудников на многоуровневую квалификацию и расширение профиля их работы, что инициирует работников к постоянному повышению своего индивидуального компетентностного уровня. В отличие от организации иерархического типа сетевое управление строится по принципу конфедерации, нивелируя деление на нижние и верхние уровни, осуществляя взаимодействия самоуправляемых команд, предлагая коммуникативным базисом информативность и ответственность [1].

Команда, соответственно, является базовым элементом самоуправляемой организации, в соответствии с ее возможностями выстраивается производственная политика компании, поэтому направленность развития, качество использования человеческих и материальных ресурсов, распределение трудовых ролей и другие формы управления связываются с определенными компетенциями участников командной работы. Это – инициативное поведение, способность к коммуникации, лидерские качества, ответственность, умение сохранять вариативность действий при обнаружении стереотипных трудовых решений, стратегическое мышление, умение анализировать и разрешать конфликты и организация результативных собраний [2, с. 15].

При этом в сфере компетенции каждой команды входит управление всем процессом работы: от получения материала к производству до реализации товара. Такая социально-техническая организация труда по самоуправляемым рабочим группам рассматривается в качестве основной альтернативы прежней практике разделения трудового процесса. В предлагаемой схеме каждый работник как член команды формирует личное и ответственное отношение к выполняемой работе, поскольку в его зону обязанностей входит контроль качества продукции, содержание и ремонт оборудования, безопасность труда и экологичность производства.

Способность самоуправляемой команды выполнять эти функции обеспечивает гибкость взаимодействия рабочих групп и эффективность производственного процесса. Собственно все модернизационные изменения информационного общества направлены на развитие интересов квалифицированных работников, поскольку растет необходимость в заполнении рабочих мест в наукоемких отраслях, высокотехнологичных, как, например, фармакология или в обеспечении услугами информационного пространства. При этом предпочтение рынком труда тех сотрудников, которые способны к производству и использованию высокотехнологичных операций, связано с их развитием в среде профессиональной деятельности и достижениями высоких технологий, что образует «технологическое» отставание работников, изначально не включенных в этот процесс [3].

Глобализация и развитие соревновательных отношений международных компаний увеличивает изначальный «технологический разрыв», что может привести к поляризации трудовых ресурсов. Избегнуть такого

эффекта помогает практика перераспределения знаний, связанная с установлением единого коммуникативного пространства между наукой, предпринимательством и государством. При этом в рамках научной деятельности осуществляется производство знаний, передача и распространение. Предприниматель осуществляет функцию посредника, трансформирующего научные изобретения в экономические инновации, а государство способствует созданию национальной инновационной политики.

Достижение такого экономического образа связано с преобразовательной деятельностью общества, поскольку глобализация экономики знания приводит в существенному снижению государственного контроля на национальном и международном уровне. Организация экономической деятельности становится более гибкой, ориентированной на контакт производителя и его клиента, поэтому можно наблюдать следующие тенденции при формировании экономики общества знания:

- снижение тарифных барьеров торговли и барьеров для прямых иностранных инвестиций;
- послабление приемов регулирования финансовых, товарных, ресурсных и других рынков;
- снижение общего влияния национальных монополий.

Пути, ведущие от информационных экономических решений к экономикам знания, строятся на основании национальной политики модернизации, структурными компонентами которой выступают:

- поддержка инноваций,
- инвестирование знаний,
- поддержка и распространение сетевых технологий,
- поддержка конкурентных технологий;
- переориентация правительства к более гибкой организации.

В этих изменениях существенное значение следует придавать молодому поколению, поскольку необходимый образовательный, профессиональный и личностный капитал к моменту осуществления программ модернизации наращивается сейчас молодыми когортами. Молодежь не только активно вовлекается в происходящие экономические преобразования, но уже строит свои действенные перспективы в процессе современного образования, нацеленного на формирование личностных принципов в проектировании образовательного пространства каждого человека. Молодежь также осваиваются новые формы управления по мере их приобщения к современным информационно-коммуникативным технологиям.

В экономике знания индивидуальные успехи находятся в существенной зависимости от способности молодых людей к обучению и адаптации освоенных образовательных стандартов к территориальным или организационным особенностям практики. В результате постоянных экономических изменений одновременно создаются одни рабочие места и разрушаются другие, причем сами производства по направле-

ям могут быть не связными, однако потеря возможности работать для молодого человека, особенно если его профессиональный багаж не велик, не только означает утрату сегодняшней его конкурентоспособности, но и делает неопределенными перспективы его последующего индивидуального роста.

В обществе знания личные способности человека, по сути, определяют его профессиональные возможности, а поэтому стагнация в личностном развитии означает и установление «когнитивного барьера», не позволяющего найти соответствующую потребностям молодого человека сферу профессиональной деятельности. Усугубляет положение предельная дифференциация направлений подготовки, обеспечивающая ранее большие возможности молодежной интеграции в профессиональную деятельность. Модернизационной политикой государства здесь должна выступать всесторонняя поддержка непрерывного образования [4]. Этому способствует перевод образовательных учреждений на кредитную систему, при которой студент после перерыва по профессиональным интересам мог бы вернуться к образованию на том этапе, на котором оно было прервано, но уже возможно с новыми претензиями в направлении подготовки.

Критерием оценки качества образования должна стать не энциклопедическая единица, а степень освоения студентом определенного навыка, способности, выражающая его компетентностную готовность. Снижению риска молодых людей должно способствовать и изменение социальной структуры, чтобы за основной критерий стратификации принимался уровень овладения знаниями, а также осуществление государством мониторинговых исследований о состоянии рынка труда и своевременное извещение об изменении его образовательных центров.

Инновационные изменения в экономике, основанной на знаниях, и экономический рост зависят от эффективного внедрения в производство технологических инноваций. Развитие образовательных программ, а также включение всех видов знания в экономическую деятельность должно основываться на понимании индивидуальных способностей человека в качестве основной движущей силы экономического развития. Для ее развития современным правительствам необходимо увеличивать инвестиции в формирование инфраструктуры знания, обеспечение высокого уровня образования, поддержку разработок новых и эффективных образовательных стандартов и других действий, способствующих накоплению и повышению уровня интеллектуального ресурса.

Политика государства, таким образом, должна быть направлена на расширение человеческого капитала за счет установления тесной связи обучения и процессов социализации для молодого поколения, развитие сетевых технологий при этом выступает условием, повышающим доступность образовательных технологий. Активное развитие цифровых технологий также является условием повышения эффектив-

ности и производства товаров и услуг. Правительство может способствовать развитию нового поколения интернет-блуживания путем проведения совместного с предпринимательскими структурами инвестирования в информационную инфраструктуру. Технологические инновации могут выступить условием образования новых социальных рисков, поэтому необходимо существование замены одного технологического решения другим, менее неопределенным.

Правительству в целом важно сформировать такую политическую ориентацию, при которой было бы возможно гибкое и своевременное реагирование на проявляющиеся в процессе общественного развития экономические риски и социальные угрозы. Новое правительство могло бы посредством сотрудничества с компаниями и образовательными учреждениями широко использовать потенциал молодого поколения в децентрализации общественных связей и для раскрытия потенциала самострахования обществом социальных рисков. При этом роль молодежных общественных объединений функционально может быть описана теми же сущностными характеристиками, что и рабочая производственная группа. Общественные образования молодых когорт имеют широкую социальную поддержку, а их участие в общественно-политических акциях позволяет характеризовать их в качестве активной самоуправяемой некоммерческой организации, способной через рассмотрение волнующих молодое поколение социально-политических и экономических вопросов развивать молодежную политику.

Список литературы

1. Капусткина Е.В. Основные принципы организации экономики, основанной на знании // Общество знания: от идеи к практике: в 3 ч. Ч.1. Основные контуры концепции общества знания/ под. ред. В.В. Васильковой, Л.А. Вербицкой. СПб.: Скифия-принт, 2008. С. 125–143.
2. Клок К., Голдсмит Дж. и становление организационной демократии. СПб.: Питер, 2004. 368 с.
3. Колин К.К. Духовная культура общества как стратегический фактор обеспечения национальной и международной безопасности // Вестник Челябинской государственной академии культуры и искусств. 2010. Т. 21. №\ 1. С. 27–45.
4. Курочкин А.В. Сетевое взаимодействие и сетевая организация в образовании // Общество знания: от идеи к практике: в 3 ч. Ч. 2. Социальные коммуникации в обществе знания / под. ред. В.В. Васильковой, Л.А. Вербицкой. СПб.: Скифия-принт, 2009. С. 182–192.
5. Сморгунов Л.В. Сетевая коммуникация как фактор организации общества знания // Общество знания: от идеи к практике: в 3 ч.

- Ч. 2. Социальные коммуникации в обществе знания / под. ред. В.В. Васильковой, Л.А. Вербицкой. СПб.: Скифия-принт, 2009. С. 114–147.
6. Яковец Ю.В. Россия – 2050. Стратегия инновационного прорыва. М. Экономика, 2004. 632 с.
7. The knowledge-based economy. Paris: EOCED, 1996. 46 p.

**THE MAIN FORMS OF THE IMPACT OF YOUNG PEOPLE ON
THE MODERNIZATION OF THE ECONOMY AND SOCIAL
RELATIONS IN A SOCIETY BASED ON KNOWLEDGE**

E.I. Petrov

Tver State University, Tver

Globalization and development of competitive relations of the international companies increases primary «technological rupture» that can lead to polarization of a manpower. To avoid such effect practice of redistribution of the knowledge, connected with an establishment of uniform communicative space between a science, business and the state helps. Thus within the limits of scientific activity manufacture of knowledge, transfer and distribution is carried out; the businessman carries out function of the intermediary transforming scientific inventions in economic innovations; and the state promotes creation of a national innovative policy.

Keywords: *youth, globalization, modernization, innovations, a society of knowledge, a state policy.*

Об авторе:

ПЕТРОВ Евгений Игоревич – аспирант кафедры философии и истории культуры ФГБОУ ВПО «Тверской государственной университет», Тверь. E-mail: wertop84@mail.ru.

Author information:

PETROV Evgeny Igorevitch – Ph.D. student of the Dept. of Philosophy and Cultural Theory, Tver State University. E-mail: wertop84@mail.ru

УДК 796.011.1

СПОРТИВНЫЕ БОЛЕЛЬЩИКИ КАК СОЦИОКУЛЬТУРНОЕ ЯВЛЕНИЕ ИНФОРМАЦИОННОГО ОБЩЕСТВА

С.В. Бурухин*, Л.В. Бурухина

*АНО ВПО «Московский гуманитарно-экономический институт» (Тверской филиал), г. Тверь

**ООО «Ритм-2000», г. Тверь

Спортивные болельщики рассматриваются в контексте условий современного информационного общества. Представлена типологизация спортивных болельщиков по форме участия в спортивном зрелище и способу получения энергии/информации о спортивном событии. Обозначены условия и факторы трансформации объединений спортивных болельщиков в информационном обществе: рост протестного потенциала болельщиков, усиление мер безопасности спортивных мероприятий, популярность «спорта на диване» и др.

Ключевые слова: *информационное общество, масс-медиа, спорт, спортивные болельщики: понятие, классификация.*

Современная глобализация и масштабы нарастания информационного фона мультикультурного мира «втягивают» в свое пространство и весь многомерный континуум спорта. Современный спорт как социально значимый вид деятельности оказывается погруженным в собственную социокультурную среду, специфическим компонентом которой являются спортивные болельщики. Исследования сообществ болельщиков ведутся давно и по самым разным направлениям. Так, в 1990-х гг. аналитиков интересовал коллективный «портрет» спортивного болельщика: социальная природа их объединений (В.А. Викторов, В.Ф. Девичева), поведение на стадионах (В.С. Козлов, Ю.Н. Миртов, В.В. Привалова), дуальность «болельщик»–«фанат» (С.А. Королев) и др. [3; 4]. Сегодня в центре внимания исследователей находятся новые вопросы: о влиянии СМИ и интернет-технологий на игровую природу спорта [1; 2], коммуникативный потенциал сообществ спортивных болельщиков [4; 6], проблемы их типологизации [3; 7] и др.

Определение социокультурной значимости спортивных болельщиков в информационном обществе и анализ причинно-следственных аспектов трансформации этого многогранного и динамичного явления остаются недостаточно изученными, поэтому составляют содержательную основу данной статьи.

Последние десятилетия отмечены тем, что процессы глобализации и высокие темпы распространения информационных потоков по сути бросают вызов традиционной сущности потребителей спортивной информации: приоритетным становится медийный и коммерческий характер спортивного события и только затем – состязательный. Так, со-

временное телевидение особым образом диктует необходимость изменения правил состязания во многих видах спорта для удобства «сетки вещания» программ соревнований. На сегодняшний день главными задачами организации спортивных состязаний становятся их зрелищность и безопасность [1, с. 38].

Типологизация спортивных болельщиков представлена в соответствии с двумя признаками: по форме участия в спортивном зрелище и по способу получения энергии/информации о спортивном событии. Традиционная классификация спортивных болельщиков первого типа выглядит следующим образом: «болельщик», «фанат», «хулиган» [3; 7].

«Спортивный болельщик» – это страстный любитель спортивных зрелищ, поклонник, как правило, одной какой-либо спортивной команды, остро переживающий ее успехи и неудачи. Он следит за спортивным соревнованием как наблюдатель представления, получая удовольствие от игры. В отличие от фаната, болельщик может смотреть матч по телевидению, в Интернете, в спортивном баре как один, так и с друзьями. В повседневном сленге таких болельщиков называют «Кузьмичи». Этот тип болельщика представлен, как правило, мужчиной в возрасте от 30 и свыше лет, который сидит на более дорогих местах стадиона, обсуждает эпизоды игры с такими же «футбольными аналитиками», не распевает песни и не размахивает шарфиками, идентифицирующими символ команды.

«Фанаты». В природе спортивного фанатизма различают две разновидности: «фанат мирный» – ездит на выездные матчи и публично, коллективно поддерживает любимый клуб, сидя в особом фанатском секторе; «фанат дикий» – внутренне агрессивен настроенный одиночка, в случае необходимости готовый стать топ-бойцом. Часто придерживается идей примитивного расизма и шовинизма.

«Хулиганы» – большая субкультура, берущая свое начало в далеких «британских» 70-х гг. прошлого столетия. Для России это явление выглядит относительно новым. Хулиганы ходят (или выезжают в другие регионы и страны) на все матчи «своей» команды. Между хулиганскими группировками разных клубов ведутся постоянные «войны». По мнению исследователей, в большинстве своем «хулиганы» являются выходцами преимущественно из обеспеченных семей, обучаются в хороших вузах или имеют стабильную, хорошо оплачиваемую работу. Внешний вид хулигана, как правило, вполне обычен (кроссовки, футболка) для того, чтобы после беспорядков мимикрировать под безобидного болельщика и скрыться от правоохранительных органов. Идентифицировать их по другим признакам невозможно, недаром стиль хулиганов называется «кэшлс» (от английского *casual* – повседневное). Представители этого типа болельщиков редко ходят поодиночке, особенно в дни матчей. Главной потребностью такого рода болельщиков является желание выплеснуть отрицательную энергию неэтичными средствами и при этом избежать ответственности.

События последних конца XX – начала XXI в. показали, что традиционную классификацию спортивных болельщиков необходимо дополнить новыми типами: «респекшен» и «семьянин». В образе первого типа доминирует идея социального превосходства, демонстрация достижений. Как любой спортивный болельщик, он стремится быть частью грандиозного спортивного события, ощутить неповторимую атмосферу матча среди многотысячной толпы болельщиков, получить яркие эмоции от игры, однако на фоне абсолютной приватности, непревзойденного комфорта и безупречного сервиса. Проведение встреч и заключение договоров в VIP-ложе футбольного стадиона – актуальный европейский тренд. Современный бизнес стремится к большей эмоциональности и доверию, а совместные положительные эмоции на спортивном стадионе способствуют достижению особого взаимопонимания. Жизненный девиз такого человека: «общие эмоции – общие договоренности».

Другой тип болельщика – «семьянин» – предпочитает смотреть спортивное действие вместе с девушкой, с женой, с детьми. Кроме красивой зрелищной игры ему необходимо общение с близкими людьми и культурный спокойный отдых. Такой болельщик предпочитает посещать не огромные стадионы, а залы и бассейны. И приоритетными видами спорта в его жизненном мире являются не столько футбол, сколько волейбол, синхронное плавание, гимнастика, баскетбол, теннис, прыжки в воду.

В классификации спортивных болельщиков по способу получения энергии/информации о спортивном событии выделяются три типа потребителей спортивной информации: «реальные участники» (посетители спортивных соревнований), которые активно интересуются спортом и посещают спортивные соревнования; «медийные участники» (телезрители или посетители интернет-кафе), которые регулярно следят за спортивными событиями по радио, телевидению, посредством Интернета и гаджетов, редко посещают стадионы; «риторические участники», или так называемые «диванные эксперты», – люди, которых интересуют не столько выступления спортсменов, сколько информация о результатах спортивного соревнования или его возможный скандальный контекст.

Современные средства массовой информации и новые технологии привнесли радикальные и необратимые изменения в организацию спортивных соревнований. Практика использования болельщиками многообразных способов сотовых и компьютерных технологий сделала их сообщества более мобильными, информационно сплоченными в пространстве блогов, форумов и социальных сетей. Современная масс медийная среда становится настолько насыщенной, что позволяет получать информацию о спортивном событии в потоке реального времени.

В среде болельщиков ширится практика действия так называемых «агрессивных манипуляторов», специализирующихся на обмане других участников и натравливании их друг на друга. Первоначально такие лю-

ди получили наименование «флеймеры» (от англ. *flame out* – вспылить), но затем их стали чаще называть «троллями» (англ. *trolling* – ловля рыбы на блесну). Троллинг – действия, совершаемые в одиночку или совместно с единомышленниками, направленные на «выведение из себя» конкретного болельщика или группы спортивных фанатов. «Тролль» осознанно затрагивает больные места «жертвы», чтобы добиться эмоциональной реакции (что характерно, не оскорбляя, но провоцируя). Нередко такой «тролль» заводит разговор о «подкупе судьи» или о скрытых доходах спортсмена, о разного рода нравственных компромиссах, на которые должны идти тренеры или спортивные форварды. Тем самым он привлекает большое количество эмоциональных обиженных фанатов, желающих развезать его якобы ошибочные представления.

Тенденции, связанные с внедрением информационных технологий в повседневную жизнь спортивного болельщика, носят противоречивый характер. С одной стороны, наблюдается очевидное усиление зрелищности и удобства просмотра спортивных игр – установка мониторов на стадионах и улицах, организация интернет-кафе, использование мобильной связи, возможность самоорганизации болельщиков в социальных сетях и другие свидетельства времени. С другой стороны, спортивные мероприятия все чаще становятся ареной прямых массовых общественных беспорядков. Обеспечение спортивной безопасности стало насущной проблемой для организаторов спортивных зрелищ.

Спортивная безопасность превратилась в услугу, которая по умолчанию включена в стоимость билета на арену. Как следствие, полиция ограничена в выборе средств и способов в процессе выстраивания безопасности. Например, с целью поставить под контроль поведение болельщиков правоохранительные органы расширяют практику покупки билетов по паспортам, создания паспорта болельщика и т. д. Любое современное спортивное мероприятие, ввиду своего масштабного и масс-медийного характера, как никогда ранее является полем для демонстрации определенных политических и общественных намерений. Поэтому организация спортивных соревнований попадает в правовое поле Концепции общественной безопасности в Российской Федерации (2013), в которой отдельным пунктом рассматривается вопрос обеспечения безопасности граждан в местах их массового пребывания [5].

Список литературы

1. Бурухин С.В. Роль масс-медиа в трансформации игровой природы спорта // Наука и бизнес: пути развития: науч.-практ. журн. Сер. «История, философия, социология». Тамбов: Изд-во ООО «ТМБпринт». 2012. № 1 (07). С. 28–35.
2. Бурухина Л.В., Михайлова Е.Е. Образовательное пространство в обществе знания и искусственный интеллект. М.: МЭСИ, 2009. 146 с.

3. Зуев В.Н. Социально-экономические условия формирования типологии болельщиков при проведении соревнований на спортивных сооружениях // Теория и практика физической культуры. 2007. 3. С. 18–23.
4. Козлова В.С. Феномен околоспортивной борьбы. М.: Изд-во РАГС, 2002. 209 с.
5. Концепция общественной безопасности в Российской Федерации. URL: <http://www.kremlin.ru/acts/19653>.
6. Элиас Н. Генезис спорта как социологическая проблема // Логос. 2006. № 3. С. 41–62.
7. Эльзесер А. Классификация футбольных болельщиков. URL: <http://www.reakcia.ru/article/?48>.

SPORTS FANS AS A SOCIOCULTURAL PHENOMENON OF INFORMATION SOCIETY

S.V. Burukhin*, L.V. Burukhina**

*Tver Chapter of Moscow University of Humanities and Economics

** «Rythm-2000», Tver

Sports fans are approached in the context of present-day information society. The article offers the typology of sports fans on the basis of their participation in a sports entertainment and manner of getting energy/information regarding a sport event. Conditions and factors of transformation of sports fans' unions in the information society are revealed: increase of fans' protest potential, sports events security upgrade, popularity of "sport on the couch", etc.

Keywords: *information society, mass media, sports, sports fans: concept, classification.*

Об авторах:

БУРУХИН Сергей Васильевич – кандидат философских наук, доцент кафедры общегуманитарных дисциплин Тверского филиала АНО ВПО «Московский гуманитарно-экономический институт». E-mail: bsvasilich@gmail.com

БУРУХИНА Лариса Владимировна – кандидат философских наук, тренинг-менеджер ООО «Ритм-2000», г. Тверь. E-mail: larisaburukhina69@gmail.com

Authors information:

BURUKHIN Sergey Vasilievich – Ph.D., Assoc. Prof. of Humanities Dept., Tver Chapter of Moscow University of Humanities and Economics E-mail: bsvasilich@gmail.com.

BURUKHINA Larisa Vladimirovna – Ph.D., training manager, «Rythm-2000», Tver. E-mail: larisaburukhina69@gmail.com

ПРОБЛЕМЫ РУССКОЙ ФИЛОСОФИИ

УДК 1(091)

СУЩНОСТЬ И ФОРМЫ ГОСУДАРСТВА В ПОЛИТИЧЕСКОЙ ФИЛОСОФИИ СЛАВЯНОФИЛОВ

Козлова Н.Н.

ФГБОУ ВПО «Тверской государственный университет», г. Тверь

Анализируется теоретическое осмысление славянофилами сущности и формы государства. Автор выделяет исторические и культурно-психологические аргументы мыслителей в пользу самодержавной формы Российского государства. Приходит к выводу, что сущность и форма Российского государства тождественны друг другу.

Ключевые слова: самодержавие, славянофильство, консерватизм, самобытность, национальная культура, народность.

Славянофильство как течение отечественной общественно-политической мысли возникло в конце 30-х – начале 40-х гг. XIX в. в рамках дискуссии о выборе вектора развития российской политики. Несмотря на часто встречающиеся в научной литературе оценки славянофильства как либерального направления [14, с. 67; 33, с. 66–67; 34, с. 8], мы придерживаемся точки зрения тех исследователей, которые квалифицируют общественно-политические взгляды славянофилов как консервативные [7, с. 217; 20, с. 143; 31, с. 74–75], близкие к взглядам представителей теории официальной народности [21, с. 15–157; 24, с. 96; 29, с. 25].

В общественно-политических взглядах славянофилов исследователи усматривали и монархизм [24, с. 98; 12, с. 90], стремление сохранить самодержавие как строй, отвечающий духу русского народа [22, с. 77], и демократизм [16, с. 167], утверждение идеала патриархальной демократии под сенью самодержавной власти [30, с. 5], и даже анархизм [8, с. 123, 125]. Е.В. Старикова, Ю.З. Янковский отмечают определённую двойственность в воззрениях славянофилов – непоколебимую веру в то, что именно царь должен стоять во главе русского народа и государства и постоянное несогласие с конкретными действиями монарха, идейный консерватизм и неукоснительное требование кардинальных реформ общественного строя [28, с. 119], сочетание политической оппозиционности с откровенно монархическими убеждениями [34, с. 370]. Славянофилы, по мнению исследователей, защищая монархическую власть, в то же время не раболепствовали, осуждали деспотизм, а с помощью учреждения утопического «земского государства» боролись против политического идолопоклонства [35, с. 115–116]. Следует согласиться с идеями В.А. Гусева, что самодержавие рассматривалось славянофилами как фактор служебный, призванный обеспечивать органическое развитие самобытной народной культуры, но соответствующий её

основным ценностным ориентациям [11, с. 84]. По мнению Н.И. Цимбаева, философия истории – ключ к политической программе славянофилов [33, с. 119]. Однако следует заметить, что современники и исследователи подвергали критике исторические описания за вымысел, произвол и крайние фантазии [7, с. 220]. Обратимся непосредственно к взглядам конкретных представителей славянофильства.

П.Н. Медведев полагает, что политическая доктрина А.С. Хомякова не представляла собой монолитной системы, а носила мозаичный характер, включая в себя идеи консерватизма, анархизма, либерализма и социализма [23, с. 13, 18]. Исследователи творчества Хомякова сходятся в том, что в основе его политических воззрений лежат теологические конструкции [25, с. 71–78; 26, с. 268]. В работах мыслитель отмечал, что жизнеспособность формы государства определяется спецификой его формирования и развития в историческом процессе. В своей Семирамиде – «Записках о всемирной истории», которую автор писал 20 лет [10, с. III], он изложил учение о двух началах, определяющих историю народа: иранском (в основе данного типа лежит необходимость и принуждение) и кушитском (в основе второго лежит свобода и любовь). Поскольку «на нашей первоначальной истории не лежит пятно завоевания», а «кровь и вражда не служили основанием государству русскому» [32, с. 42], то и в трансформации государственной формы самодержавие не нуждалось. При этом в основании российского государства Хомяков видел не только «правительство из варягов», но и «областные веча – внутреннюю сторону государства», которые обладали определенной свободой в выражении собственного мнения и которые, по мнению Хомякова, безусловно, следовало сохранить. В написанной в назидательном тоне от лица «старшего брата» [13, с. 146] работе «К сербам» он указывал: «Вы создали у себя власть. Повинуйтесь ей и укрепляйте ее, дабы не впасть в безначалие и бессилие; но охраняйте также у себя свободу, и особенно свободу мнения, как словесного, так и письменного... Она нужна гражданам и, может быть, еще более нужна самой власти, которая без нее впадает в неисцельную слепоту и готовит гибель самой себе» [32, с. 270]. Указывая на значительную роль православия в становлении государства на Руси, Хомяков полагал, что «прямою обязанностью в государстве, которое, как земля Русская», должно стать проявлением «человеческого общества, основанного на законах высшей нравственности и христианской правды» [там же, с. 163]. Идеализируя допетровскую Русь, он объяснял её пороки личными заблуждениями царей [15, с. 20].

И.В. Кириевский определял бытие российского государства в тесной связи с персоной царя: «Я не отделяю в моих мыслях понятия о русском Царе от понятия о России... Ибо то, что составляет благо России, не может не составлять главной цели ее Царя» [18]. Развивая мысль о мирном спокойном естественном характере развития российского государства в противоположность европейским порядкам («там государ-

ственность из насилий завоевания – здесь из естественного развития народного быта, проникнутого единством основного убеждения» [32, с. 436–437]), он усилил акцент на роли православия как фактора функционирования самодержавной власти царя: «Для меня душа государства есть господствующая вера народа... Потому, только возникая из веры и ей подчиняясь, и ею одушевляясь, может государство развиваться стройно и сильно, не нарушая свободного и законного развития личностей и так же свободно и живоительно согласуясь с духом народа, проникнутого тою же верою» [17]. Раскрывая в своих трудах формулу «Православие. Самодержавие. Народность», славянофил указывал на нераздельную связь между элементами триады: «Законность, Отечество, Православие суть коренные стихии, из которых слагается понятие русский Царь» [18]. Крепость самодержавной власти, по мнению Кириевского, базировалась на отношении народа к царю, на том, что «русский человек любит своего Царя» [там же].

Теория К.С. Аксакова «Земля и государство» опиралась также на исторический фундамент: «Но как скоро община призвала государство, не уничтожая себя и не переходя в государство, – так в основу русской исторической жизни должны были лечь два начала; они и легли; мы видим их сквозь всю историю русскую» [1, с. 224]. Земля, в концепции К.С. Аксакова, представляла собой «неопределенное и мирное состояние народа», а «государство или государь с не ограниченной никаким условием властью блюл тихую жизнь земли» [6]. Педалируя идею о свободном и сознательном создании государства, мыслитель приписывал аполитичность русскому народу: «Не хотел народ наш облечься в государственную власть (в республику), а отдавал эту власть избранному им и на то назначенному государю, сам желая держаться своих внутренних, жизненных начал... Народ на Западе пленяется идеалом государства. Республика есть попытка народа быть самому государем, перейти ему всему в государство; следовательно, попытка бросить совершенно нравственный свободный путь, путь внутренней правды, и стать на путь внешний, государственный. ...Отношения там становятся политическими: мир и спокойствие основаны не на любви, а на взаимной выгоде» [1, с. 225].

Славянофил утверждал, что добровольный союз государства и земли был нарушен Петром I так, что государство «сдавило общину в ее обычаях, в ее жизни; оно распространило свое государственное начало на народ и подчинило его этому внешнему началу» [там же, с. 226]. С точки зрения К.С. Аксакова, проникновение народа «государственным духом» грозило гибелью внутреннему началу свободы [там же].

И.С. Аксаков выделил два государственных типа: народно-монархический и аристократически-монархический. Вопрос о том, «что лучше: коронованный ли народ, коронованное ли общественное мнение, или коронованный человек», по мнению мыслителя, решался в каждой

стране в соответствии с её местными потребностями и историческими особенностями развития [4]. В России, считал Аксаков, данный вопрос разрешен в пользу народно-монархического строя: «Русский народ, образуя русское государство, признал за последним, в лице царя, полную свободу правительственного действия, неограниченную свободу государственной власти» [там же]. По мнению Аксакова, народ, «отказавшись от всяких властолюбивых притязаний», свободно подчинил свою волю единоличной воле одного человека потому, что «эта форма, как бы ни были велики ее несовершенства, представляется ему наилучшим залогом внутреннего мира» [там же]. Характер ответственности власти государя славянофил определял в сугубо моральном ключе: «Верховная власть в России получила первоначально свое уполномочие от народа. Она ответственна, не юридически, конечно, а нравственно, по самой природе своей, за его судьбы, ответственна пред историей» [1, с. 674].

Стремление русского народа к неограниченному самодержавию И.С. Аксаков объяснял «непреложным историческим инстинктом» [5]. Рассуждая в духе Карамзина, мыслитель пишет: «Полновластный Царь не властен лишь в одном: в отречении от своего полновластия, что, заменив основное начало русского государственного строя западноевропейскою конституцией, он стал бы отступником от народного исторического пути, изменником Русской земле, предателем своего народа» [там же].

Опираясь на теорию своего брата «Земля и государство», И.С. Аксаков определил «коренной русский тип государства» как земский: «Кто произнес: "самодержавие", тот вместе с тем произнес уже и "земщина", так как оба эти начала не только не находятся между собою в антагонизме, но одно подразумевает другое» [там же]. Модель государственного управления мыслится им следующим образом: «народу, Земле принадлежит мнение, и только мнение, – разумеется, вполне свободно высказываемое; верховное же решение – единой личной верховной воле» [3]. Комментируя данные высказывания, некоторые исследователи полагают, что в случае практического воплощения идей И.С. Аксакова Россия превратилась бы в буржуазную монархию [19, с. 8, 65; 12, с. 95].

Полагая Русь живым цельным организмом, славянофил видел в русском народе источник жизни и силы государства. Отрицая в русском самодержавии атрибуты немецкого абсолютизма и азиатского деспотизма, он настаивал, что «идея настоящего, именно русского самодержавия предполагает полную свободу нравственной и умственной общественной жизни», так как свободу речи Аксаков не трактовал как свободу политическую, а рассматривал её как неотъемлемую принадлежность человека, без которой он животное [4]. В качестве одного из механизмов выражения мнения народа Аксаков предлагал Земский собор, что даже в советской историографии рассматривалось как прогрессивный элемент славянофильской доктрины [9, с. 98].

И.С. Аксаков, так же как и ранние славянофилы, полагал, что, несмотря на неограниченный характер самодержавной власти, «государство и государственное начало должны быть отвлечены от жизни народа» [2], поскольку «есть многочисленные явления духа, которые не могут быть вызваны на свет Божий указом и которые не терпят никакой извне налагаемой формулы» [там же]. В то же время он упрекал земство в молчании и бездеятельности, которая и вынуждала правительство брать на себя большую часть принадлежащих обществу забот и обязанностей [1, с. 449].

Из всех представителей славянофильского течения Ю.Ф. Самарин являлся самым последовательным защитником российского самодержавия: «Принцип монархический – великое дело нашей истории. Она вся есть не что иное, как развитие этого принципа [27, с. 479]. «Неограниченная власть, единая и народная, действующая во имя всех, идущая во главе нашей цивилизации и совершающая у нас без ужасов революции то, что на Западе является результатом войн междоусобных, религиозных смут и общественных переворотов, – такова форма правления, которую создал для себя русский народ... и мы не хотим другой формы, ибо всякая другая была бы тиранией», – писал он [там же, с. 481].

Ю.Ф. Самарин сравнивал вопрос «Какая форма правления есть лучшая?» с вопросом «По какой мерке всего лучше кроить платье?». С точки зрения Самарина, портной ответил бы, «что такой мерки нет и быть не может, а нужно кроить по росту и складу того, на кого шьется платье [там же, с. 351]. Поэтому мыслитель делал вывод, что достоинство всякой формы заключается в полнейшей ее гармонии с содержанием [там же, с. 352].

По мнению мыслителя, несмотря на то, что русский человек «не домогается юридического, формального ограничения верховной власти», тем не менее он «ясно сознает ее назначение, её естественные пределы» [там же, с. 357]. Полагая в правительстве одну из форм, служащих выражением народной жизни [там же], и утверждая, что «сила и крепость правительства зависят всегда и везде от любви подданных», он обнаружил «общее, связующее начало» данной любви в православии: «Оно (правительство. –*Н.К.*) не полновластно потому, что подданные признают над собою власть правительства православного и русского; перестав быть православным и русским, оно бы перестало быть для них правительством [там же, с. 355–356]. Самарин считал, что русский народ видит и любит в своем государе православного и русского человека «от головы до ног» [там же, с. 367]. Анализируя манифесты о престолонаследии после Петра I, Самарин пришёл к выводу, что «не было понятия о законности у самих государей... не было понятия о законности в духовенстве... менее всего существовало это понятие в народе» [там же, с. 365]. С точки зрения мыслителя, закон при самодержавной власти представлял собой выражение ничем не ограниченной воли государя: «Для подданных не по-

тому обязательна воля государя, что она законна, а потому закон обязателен, что он есть воля государя» [там же, с. 366]. Таким образом, представить себе независимый от самодержавной воли источник права, по мнению Самарина, нельзя. Мыслитель не признавал идею, что в силу Божественного закона верховная государственная власть может принадлежать какой бы то ни было династии по праву, что целый народ отдан Богом в крепостную собственность одному лицу или роду. С его точки зрения, закон Божественный благословлял власть государственную вообще и вменял каждому лицу в обязанности покоряться ей, потому что государственный строй (тот или другой) как существенное условие общезития служит к достижению предназначенных человечеству целей. «В этом смысле: "Несть власть, аще не от Бога"», – писал Самарин [там же, с. 442]. Но выработку государственных форм славянофил оставлял народу: «Каждый народ создает себе власть по своим потребностям и убеждениям, и эта власть, им поставленная, получает значение власти, обязательной для каждого лица, к тому народу принадлежащего» [там же].

Указывая на тот факт, что в России одна положительная сила – народ – выдвинула из себя самодержавного царя, признавая в нём своё олицетворение, свой внешний образ, философ полагал, что пока данное условие сохраняется, самодержавие «законно и несокрушимо» [там же, с. 443]. Поэтому Самарин считал: «Всякую попытку ограничить самодержавие в настоящее время, в России, мы считаем делом безумным, потому что оно невозможно, а если бы оно и было возможно, то назвали бы его бедствием и преступлением против народа» [там же, с. 444]. Он полагал, что народ не желал конституции, во-первых, потому что он верил добрым намерениям самодержавного царя; во-вторых, безграмотность народа, выброшенность «из колеи исторического развития» реформами Петра I делала его не способным для участия в движении государственных учреждений [там же, с. 445].

Разъединение государства и народа, по мысли славянофила, привело к тому, что «народ разучился понимать правительство, правительство отвыкло говорить языком, для народа понятным» [там же, с. 388]. Особенно Самарина удручало вмешательство государство в быт и культуру народа. Самарин был возмущён тем фактом, что «русский царь запрещает своим русским подданным носить русское платье» [там же, с. 74]. Основную задачу самодержавия Самарин видел в освобождении крестьян от крепостной зависимости и проведении ряда реформ, обеспечивающих «живое участие каждого гражданина в судьбе целого государства» [там же, с. 386]. С точки зрения Самарина, в России требовалось возродить общественные выборы, общественные распоряжения и общественные приговоры с тем, чтобы общественные права не превратились в тягостную повинность и правительство не компенсировало бы недостаток общественной активности «произвольным вмешательством своей власти» в дела народа [там же, с. 393]. Таким образом, Российское

государство Самарин полагал единственным субъектом социально-политических изменений.

Подводя итоги осмысления славянофилами сущности и форм государства, необходимо отметить следующее. Признавая вариативность форм государства, мыслители утверждали, что они формируются исторически и зависят от уровня политической и правовой культуры народа. В соответствии с данным тезисом славянофилы признавали единственной формой российского государства самодержавие, которое они рассматривали как выражение национального духа русского народа. Современное славянофилам самодержавие трактовалось ими как искажённое реформами Петра I. Отношение славянофилов к государству базировалось на критике отдельных проявлений деятельности самодержавных царей и признании несомненной ценности его как политического института. Сущность данной формы государства мыслители видели в том, что оно позволяет народу жить вне политики. Самодержавие давало народу возможность сосредоточиться на более важных, с точки зрения славянофилов, религиозных вопросах, при этом не вмешиваясь в его духовную и бытовую жизнь. Славянофилы усилили аргументацию психологического характера в пользу самодержавия, полагая в русском народе инстинктивную предрасположенность к данной форме государства. Таким образом, сущность и форма российского государства сливались в концепциях мыслителей в единое целое и не подлежали изменению.

Список литературы

1. Аксаков И.С., Аксаков К.С. Избранные труды / сост., авторы вступ. ст. и коммент. А.А. Ширинянц, А.В. Мырикова, Е.Б. Фурсова. М.: РОССПЭН, 2010. 887 с.
2. Аксаков И.С. О взаимном отношении народа, государства и общества. URL: http://dugward.ru/library/aksakovy/iaksakov_o_vzaimnom.html
3. Аксаков И.С. В чем наше историческое назначение? URL: http://dugward.ru/library/aksakovy/iaksakov_v_chem_nashe.html
4. Аксаков И.С. Русское самодержавие – не немецкий абсолютизм и не азиатский деспотизм. URL: http://dugward.ru/library/aksakovy/iaksakov_russkoe_samoderjavie.html
5. Аксаков И.С. Что значит: выйти нашему правительству на исторический народный путь? URL: http://dugward.ru/library/aksakovy/iaksakov_что_znachit.html
6. Аксаков К.С. О русской истории. URL: http://dugward.ru/library/aksakovy/kaksakov_o_russkoy_istorii.html
7. Галактионов А., Никандров П. История русской философии. М.: Изд-во соц.-эконом. лит-ры, 1961. 460 с.

8. Галактионов А.А., Никандров П.Ф. Славянофильство, его национальные истоки и место в истории русской мысли // Вопросы философии. 1966. № 6. С. 120–130.
9. Ганичев И. Обсуждение доклада С.С. Дмитриева «Славянофилы и славянофильство» // Историк-марксист. 1941. №1. С. 97–100.
10. Гильфердинг А. Предисловие // Хомяков А.С. Записки о всемирной истории: в 6 т. М.: Типогр. Бахметьева, 1873. Т. 4. Ч. 2. С. III.
11. Гусев В.А. Русский консерватизм: основные направления и этапы развития. Тверь: Твер. гос. ун-т, 2001. 235 с.
12. Дмитриев С.С. Славянофилы и славянофильство (из истории русской общественно-политической мысли середины XIX в.) // Историк-марксист. 1941. № 1. С. 85–97.
13. Досталь М.Ю. Славянофильство в историософии и политических воззрениях А.С. Хомякова // А.С. Хомяков – мыслитель, поэт, публицист: в 2 т. М.: Языки славян. культуры, 2007. Т. 2. С. 136–146.
14. Дудзинская Е.А. Славянофилы в общественной борьбе. М.: Мысль, 1983. 271 с.
15. Егоров Б.Ф. А.С. Хомяков – литературный критик и публицист // Хомяков А.С. О старом и новом. Статьи и очерки. М.: Современник, 1988. С. 9–40.
16. Керимов В.И., Поляков Л.В. В.А. Кошелев. Эстетические и литературные воззрения русских славянофилов (1840–1850)// Вопросы философии. 1986. № 6. С. 166–169.
17. Киреевский И.В. Два письма к А.И. Кошелеву (о взаимоотношениях церкви и государства). URL: http://dugward.ru/library/kireevskiy/kireevskiy_dva_pisma.html
18. Киреевский И.В. Записка об отношении русского народа к царской власти. URL: http://dugward.ru/library/kireevskiy/kireevskiy_zapiska.html
19. Китаев В.А. Из истории идейной борьбы в России в период первой революционной ситуации (И.С. Аксаков в общественном движении начала 60-х гг. XIX в.): учеб. пособие. Горький: ГГУ, 1974. 74 с.
20. Китаев В.А. Славянофильство и либерализм // Вопросы истории. 1989. № 1. С. 133–143.
21. Кошелев В.А. «Чудная страна» Константина Аксакова // Вопросы философии. 1990. № 2. С. 155–157.
22. Малинин В.А. О социальных и теоретических истоках славянофильства // Философские науки. 1967. № 1. С. 77–85.
23. Медведев П.Н. Политико-правовые взгляды А.С. Хомякова: автореф. дис... канд. юр. наук. М., 2006. 22 с.
24. Плеханов Г.В. М.П. Погодин и классовая борьба // Соч. / под ред. Д. Рязанова. М.: Госиздат, 1926. Т. 23. С. 45–101.

25. Попов А.А. Социально-политические воззрения А.С. Хомякова // Социально-политические науки. 1992. № 4–5. С. 71–78.
26. Пыпин А.Н. Характеристика литературных мнений от двадцатых до пятидесятих годов: истор. очерки. 4-е изд. СПб.: Колос, 1909. 576 с.
27. Самарин Ю.Ф. Избранные труды // сост., автор вступ. ст. Н.И. Цимбаев. М.: РОССПЭН, 2010. 479 с.
28. Старикова Е.В. Литературно-публицистическая деятельность славянофилов // Литературные взгляды и творчество славянофилов. 1830–1850-е гг. М.: Наука, 1978. С. 67–167.
29. Фатеев В.А. В спорах о самобытном пути России // Славянофильство: pro et contra. Творчество и деятельность славянофилов в оценке русских мыслителей и исследователей: антология. СПб.: РХГА, 2006. С. 7–70.
30. Фридлиндер Г. От редактора // Хомяков А.С. О старом и новом: ст. и очерки. М.: Современник, 1988. С. 5–8.
31. Холодный В.И. А.С. Хомяков и современность: Зарождение и перспектива соборной феноменологии. М.: Академический проект, 2004. 528 с.
32. Хомяков А.С., Киреевский И.В. Избранные сочинения / сост., автор вступ. ст. и коммент. Н.И. Цимбаев. М.: РОССПЭН, 2010. 544 с.
33. Цимбаев Н.И. Славянофильство (из истории русской общественно-политической мысли XIX века). М.: МГУ, 1986. 274 с.
34. Янковский Ю.З. Патриархально-дворянская утопия. Страница русской общественно-литературной мысли 1840-1850-х гг. М.: Худ. лит., 1981. 373 с.
35. Янов А. Загадка славянофильской критики // Вопросы литературы. 1969. № 5. С. 90–116.

THE NATURE AND FORMS OF GOVERNMENT IN THE SLAVOPHILES' POLITICAL PHILOSOPHY

N.N. Kozlova

Tver State University, Tver

The article is aimed at the study the Slavophiles' understanding of the nature and forms of government. The historical, cultural, and psychological arguments given in support of the autocratic form of the Russian government are examined. It gives the basis for their conclusion that the nature and form of the Russian government are identical.

Keywords: *autocracy, Slavophiles, conservatism, identity, national culture, ethnicity.*

Об авторе:

КОЗЛОВА Наталия Николаевна – кандидат исторических наук, доцент кафедры политологии ФГБОУ ВПО «Тверской государственный

университет», г. Тверь. E-mail: n_s@pochta.ru

Author information:

KOZLOVA Natalia Nikolaevna – Ph.D., Assoc. Prof. of Political Science Dept. of Tver State University, Tver. E-mail: n_s@pochta.ru

УДК 1(091)

КУЛЬТУРНАЯ ТРАДИЦИЯ И КОНФЛИКТ ПОКОЛЕНИЙ В ТРУДАХ В.О. КЛЮЧЕВСКОГО И Н.К. МИХАЙЛОВСКОГО

Е.О. Ковалева

ФГБОУ ВПО «Тверской государственный технический университет», г. Тверь

Рассматривается проблематика конфликта поколений, представленная в сочинениях русских позитивистов конца XIX – начала XX вв. Методология многофакторного анализа позволила авторам высветить разные грани западноевропейской и отечественной культурной традиции в перспективе преодоления конфликта поколений. Будучи современниками, они продемонстрировали разные взгляды на процесс «вызревания» и «полноту смысла» поколенческого конфликта в пластах культурной традиции. В.О. Ключевский искал корни проблемы в сфере образования и воспитания личности, а Н.К. Михайловский – в системе общественно-экономических отношений.

***Ключевые слова:** конфликт поколений, культурная традиция, позитивизм, общественный прогресс, личность, образование, воспитание.*

В историческом контексте конфликт поколений связан с сильной трансформацией или разрывом культурных традиций, в первую очередь – в сфере мировоззренческих представлений и нравственно-аксиологических ориентиров личности. Поколение, в русле терминологии словаря С.И. Ожегова, – это одновременно живущие люди, близкие по возрасту, по характеру деятельности, идейным убеждениями, жизненному укладу [10, с. 269, 505]. Поколенческие разногласия как социокультурная составляющая исторического развития стали предметом исследования специалистов различных направлений социально-гуманитарного знания (истории, психологии, социологии). Исследователи солидаризируются в том, что конфликт поколений является порождением сложных взаимоотношений «отцов» и «детей» в прямом и переносном значении этого слова [см.: 1; 5; 6; 7].

В данной статье рассматривается проблематика конфликта поколений, представленная в сочинениях представителей российской позитивистской философии истории – В.О. Ключевского (1841–1911) и Н.К. Михайловского (1842–1904). Методология позитивизма с ее установкой на многофакторный анализ позволила обоим авторам высветить разные грани западноевропейской и отечественной культурной традиции в перспективе конфликта поколений. Являясь современниками, они продемонстрировали разные взгляды на процесс «вызревания» и «полноту смысла» поколенческого конфликта в пластах культурной традиции. В.О. Ключевский искал корни проблемы в сфере образования и

воспитания личности, а Н.К. Михайловский – в системе общественно-экономических отношений.

Историческим материалом для репрезентации конфликта поколений В.О. Ключевский выбирает российское дворянство в его трех типологических образах, последовательно сменявших друг друга: «дед» – «отец» – «сын». В работе с характерным названием «Евгений Онегин и его предки» (1887) Он предпринимает попытку анализа разнохарактерных поколений дворян в течение целого столетия, начиная с петровских времен и до 1830-х гг. Автор убежден, что в каждом поколении есть идейные лидеры, опережающие свое время, и индифферентная масса людей, плывущих по течению. Обращаясь к знаменитому пушкинскому герою, он пытается понять, является ли Онегин типичным представителем своего поколения или «типичным исключением» для общества, в котором ему пришлось вращаться [3, с. 89]. Предками Онегина являются русские дворяне, на личностное становление которых повлиял процесс культурного взаимовлияния Европы и России во всем его спектре «умственных и нравственных вывихов и искривлений» [3, с. 88].

Известно, что для осуществления реформ Петру I нужны были квалифицированные специалисты, поэтому дворянских детей стали направлять на обучение за границу, где одни проявляли усердие и вдумчивость, а другие учились «спустя рукава» и жаловались на трудности. Казалось бы, те, кто старательно учился с надеждой честно послужить родине, и должны были стать опорой власти в сфере преобразований. Однако произошло парадоксальное явление: вернувшись домой, в свою «крепостническую» реальность, они обнаружили, что их знания и способности по большому счету не востребованы: патриоты ругали их за европейские манеры, а новаторы обвиняли в «недостаточном запасе европейского обычая» [3, с. 92]. Так, получив блестящее европейское образование, «деды Онегиных» оказались на обочине жизни.

Следующее поколение – «отцы Онегиных» – «пережили», по выражению В.О. Ключевского, три смены политического курса: их воспитание началось при Елизавете Петровне, зрелость пришлось на правление Екатерины II, а итоги жизни они стали подводить при Александре I. В.О. Ключевский отмечает, что обязательное обучение дворянских детей стало «привычной сословной повинностью», приучавшей, как правило, лишь к механическому заучиванию и полностью оторванной от способов применения на практике полученных знаний. В итоге у этого поколения не выработалась привычка к деятельной жизни [3, с. 93]. Знания европейского образца, привычки и понятия, усвоенные молодым дворянином, оказались непригодными для российской действительности. Результат такого образования В.О. Ключевский характеризует следующим образом: дворянин не умеет и не хочет трудиться, не знает русской жизни, становится «чужим между своими», так как думает на иностранном языке, описывает русскую жизнь иностранными понятиями и, как следствие,

окончательно перестает ее понимать. Демонстрируя полное равнодушие к ситуации в стране, находясь «между двумя мирами», дворянин пользуется духовными плодами прогрессивных западных мыслителей, не брезгуя при этом «крепостными доходами», в итоге оказывается «человеком без отечества» [3, с. 96]. Даже те немногочисленные «отцы Онегиных», желавшие работать на благо родной страны, не смогли понять и тем более преобразовать российскую действительность. От бессилия они стали чувствовать к ней «отвращение». Поняв тщетность своих усилий, многие отправлялись в деревню, где в уединении читали европейских мыслителей, либеральные идеи которых, однако, не мешали им пользоваться «плодами крепостничества» [3, с. 96].

В итоге формируется поколение «космополитов», равнодушных к своему отечеству, не понимающих, что происходит в нем, думающих и говорящих на иностранном языке, не способных к практической деятельности. Причины этого явления В.О. Ключевский напрямую связывает с тем, что европейские культурные формы были перенесены ими на российскую почву во внешнем, деформированном виде слепого «европейничанья».

Новое поколение – «дети Онегина» – начинают впитывать идеи и убеждения старших, но не наследуют прежних истинных чувств по отношению к окружающей действительности. Их «новые» педагоги, впечатленные победой в Отечественной войне 1812 г., демонстрируют «новые чувства и интересы»: ими утверждается, что русский народ необыкновенно умен, силен и имеет настоящий нравственный стержень; что существующее политическое устройство в России несправедливо, а значит, его необходимо изменить. Молодое поколение под влиянием таких суждений обращается к «вопросам веры и нравственности», осознает необходимость деятельной жизни на благо отечества, усиленно интересуется политикой. Поэтому отвлеченные идеи «отцов» сменяются «нравственными побуждениями и практическими идеалами с политической окраской» их «детей» [3, с. 98].

В результате «дети» поворачиваются лицом к русской действительности в отличие от «отцов», которые не знали и игнорировали ее. Впервые за долгие годы у молодого поколения дворян появляется жажда деятельности на благо общества. Космополитическое равнодушие «отцов» сменяется, по мысли В.О. Ключевского, патриотической скорбью «детей». Автор статьи выделяет два слоя внутри этого нового, образованного поколения: одни (речь идет, конечно, о декабристах. – *Е.К.*) – в своем желании быстрых перемен осуществляют попытку переворота, которая проваливается из-за их недостаточного знания российской действительности, неумелых, неорганизованных и непродуманных действий; другие – охваченные жаждой деятельности, все же осознают, что преобразования невозможны без необходимой подготовки, что следует «переучиваться и перевоспитываться» [3, с. 99].

Природу появления «онегинных» и «печоринных» В.О. Ключевский объясняет атмосферой, в которой они воспитывались, когда нравственные правила стали подменяться этикетными привычками, порождающими разочарование, цинизм, скуку, презрение к обществу, отсутствие желания трудиться на благо отечества. Пессимизм «дедов» и цинизм «отцов» сменился равнодушием «детей»: молодежь начала думать о том, что «ничего сделать нельзя» для изменения ситуации в России. Таков, по мнению В.О. Ключевского, Евгений Онегин – один из целой плеяды «русских чудаков», представленных читателям в произведениях, чутко реагирующих на проблемы и кризисы общественного настроения.

Тему совершенствования образовательной системы с целью обеспечения передачи социокультурного опыта и преодоления конфликта поколений В.О. Ключевский анализирует в статье «Два воспитания» (1893). Он ставит перед собой задачу проследить взаимосвязь двух традиционных институтов социализации молодежи – семьи и школы. В истории России автор выделяет две, сменяющие друг друга, образовательные траектории: опыт древнерусской «школы у домашнего очага» и попытку, осуществленную во второй половине XVIII в. «оторвать школу от семьи», сделать ее автономным образовательным центром [2, с. 8].

По мнению В.О. Ключевского, в древнерусском воспитании особое внимание уделялось не трансляции научных знаний, а нравственному воспитанию и житейским правилам, основанным на обычаях и традициях. Основные принципы такого воспитания были изложены в «Домострое», где отмечалась важнейшая роль отца семейства в становлении личности ребенка. Хозяин дома, наставляемый священником, выполнял функции учителя, передавая детям свои знания, умения и сложившуюся веками систему ценностей. В патриархальной семье он пользовался непререкаемым авторитетом, осознавая при этом ответственность перед обществом за результаты воспитания подрастающего поколения. Таким образом, древнерусская семья являлась поистине «народной школой» [2, с. 9], она выполняла не только свои воспитательные функции, но и брала на себя обучающие обязанности школы. В процессе воспитания использовались традиционные методики: во-первых, личный пример учителя-отца семейства, во-вторых, телесные наказания, предложенные «Домостроем», как один из наиболее действенных педагогических приемов. В.О. Ключевский отмечает, что современные педагоги обоснованно подвергают критике второй воспитательный прием – телесные наказания, при этом он акцентирует внимание на первом – личном примере педагога. Русский исследователь рассуждает, что ребенок воспитывается не столько уроками, сколько «нравственной атмосферой», которой он дышит [2, с. 13]. Такая воспитательная система, с одной стороны, облегчала процесс принятия решений в любой житейской ситуации, доводя его до автоматизма, с другой стороны, появлялась опасность «погасить дух обрядом, превратить заповеди в простые привычки и таким образом выработать автоматическую совесть...» [2, с. 13].

В XVIII в. осуществляются попытки построения новой системы образования. Открываются публичные школы, приглашаются иностранные учителя, призывается европейская книжная мудрость, чтобы заменить «домашнюю науку душевного спасения» [2, с. 15]. В.О. Ключевский, размышляя над вопросом, принесли ли образовательные инновации пользу России, замечает, что передовые российские мыслители, находясь под влиянием идей европейских просветителей, восприняли их однозначно: как прямое «руководство к действию» [2, с. 16]. Для европейцев же просветительские идеи были не только органичными и выстраданными, но и спорными, требующими размышлений. Основной ошибкой реформаторов образования было перенесение чужого изобретения на российскую почву без корректировки, без учета реалий, в которые внедряется эта инновация. В итоге петровские образовательные реформы, по мнению В.О. Ключевского, не увенчались успехом, так как не изменились патриархальные устои русской жизни, что тормозило процесс распространения новых знаний, не способствовало их практическому применению. Не произошло и перелома в общественном сознании, потому что образованию не сопутствовало такое воспитание, результатом которого стало бы формирование нравственных ценностей, необходимых для появления человека нового типа, способного осуществлять дальнейшую социальную трансформацию.

Главным действующим лицом екатерининской эпохи Ключевский называет «образованных людей», которым принадлежит заслуга постановки целого ряда важных вопросов, наполнивших содержанием интеллектуальную мысль последующих поколений: об отношении России к Западной Европе, о сопоставлении древней и новой истории России, об изучении национального характера, о согласовании национального интереса с общечеловеческими, о дилемме самобытности русского народа и подражании цивилизациям, «опередившим» его в своем развитии [4, с. 370]. Речь идет о дворянстве. При Екатерине этот класс был освобожден от обязательной государственной службы, личных податей, рекрутской повинности и телесных наказаний, а главное – пользовался недвижимым имуществом и крестьянами по «праву полной собственности» [4, с. 111]. Освободившись от обязательной службы, дворянство почувствовало себя без настоящего серьезного дела. Такое политическое и хозяйственное «дворянское безделье» В.О. Ключевский считает чрезвычайно важным моментом в культурной традиции, так как именно оно послужило почвой для деформации общественного устройства. Дворяне, постепенно отрываясь от окружающей их действительности, стали создавать вокруг себя иллюзорный мир с призрачными интересами, понятиями и отношениями. «Пустота общежития», наполненная громкими чужими словами, «пустота души», населенная капризными и ненужными идеями, такова, по мнению В.О. Ключевского, дворянская среда второй половины XVIII в. с ее «шумным, но бесцельным существованием» [4, с. 148].

В период правления Екатерины II и при ее активном содействии И.И. Бецким была предпринята попытка воспитать нового человека, создав новую образовательную систему. Ее основной принцип заключался в том, что молодой человек должен был воспитываться на положительных примерах, постоянно наблюдая «образцы добродетелей» [2, с. 19]. Однако результат не оправдал ожиданий реформаторов, воспитанники «закрытых» учреждений, помещенные в искусственно созданную среду, не могли научиться выживать в реальной жизни. Не имея навыков практической деятельности, они оказались не способными изменить окружающую действительность. Недостаток этой педагогической системы заключался в том, что невозможно было воспитать настоящего гражданина в отрыве от семьи и реальной жизни. В семье ребенок учится понимать и любить близких, а в школе – жить в социуме, «превращать чужих в своих близких» [2, с. 27]. Гармонично развитая личность является результатом совместных педагогических воздействий семьи и школы.

В.О. Ключевский обращает особое внимание на образ воспитателя (родителя и педагога), которые должны быть примером для ребенка, любить его, только тогда воспитание принесет плоды. Педагоги, желающие добиться успеха, должны хорошо знать своих учеников, одинаково понимать «умственный и нравственный идеал», четко представлять, кого они «вырабатывают из своих учеников» [2, с. 5]. Цель воспитания В.О. Ключевский видит в том, чтобы сделать каждого ученика «снимком с этого программного образца» [2, с. 6], при этом не следует опасаться их обезличивания в школе, так как в семье они воспитываются по-разному. Рассматривая образование как синтез воспитания и обучения, ученый приходит к выводу, что в древнерусской семейной школе делался акцент на воспитании, а в школе XVIII в. – на получении суммы знаний без должного понимания «когда», «где» и «как» применять их в реальной жизни. Главным недостатком любой системы образования исследователь считает такую практику, при которой «автомат-воспитанник» формируется посредством «автомата-наставника» [2, с. 25].

Анализируя западноевропейскую и отечественную культурную традицию в перспективе конфликта поколений, В.О. Ключевский приходит к ряду выводов, не теряющих свою актуальность и сегодня. Во-первых, появляется поколение «лишних людей» в России как результат неправильно построенной системы образования, характеризующейся прямым заимствованием иностранного опыта без учета местных реалий; во-вторых, нуждается в реформах старая система образования, которая не успевает за сменой реалий жизни, требующих иных знаний и умений; в-третьих, нужен воспитатель, который должен хорошо знать своих учеников («педагогический материал») [2, с. 5]; в-четвертых, у самого педагога должны быть сформированы отчетливые умственные и нравственные идеалы, в соответствии с которыми он окажется способным обучать и воспитывать «вверенные ему маленькие живые будущ-

ности» [2, с. 6]; в-пятых, в целях сохранения социокультурной традиции и преодоления конфликта поколений педагог должен умело сочетать западноевропейское научное знание с повседневными житейскими правилами, укорененными в традиции древнерусского воспитания; в-шестых, воспитатель должен апеллировать и к совести ученика (традиция Домостроя), и к его сердцу (идеи Просвещения).

Проблема трансляции социокультурного опыта от поколения к поколению сквозь призму воспитания молодежи тесно связана с вопросом о социальном прогрессе. Эта идея проанализирована в целом ряде работ Н.К. Михайловского, среди которых «Что такое прогресс?» (1869), «Теория Дарвина и общественная наука» (1870, 1871), «Борьба за индивидуальность» (1875, 1876). В центре внимания исследователя находится человек как активная, творческая личность, свободная в выборе идеала и придающая определенное направление развитию общества.

Теория социального прогресса Н.К. Михайловского построена на критическом осмыслении концепций Ч. Дарвина, Г. Спенсера, Э. Дюркгейма. Н.К. Михайловский выступает против попыток социал-дарвинистов перенести законы, действующие в животном мире, на человеческое общество. Он критикует идею совершенствования общества путем приспособления каждого отдельного члена к окружающей среде. В этом случае есть опасность, что человеческое общество утратит свое главное отличие от животного мира – наличие морали, духовных ценностей. По мнению Н.К. Михайловского, в таком обществе не будет места для развития личности. В работе «Теория борьбы за индивидуальность» автор подчеркивает значимость борьбы за каждую отдельно взятую личность, за ее право на саморазвитие. Таким образом, в основу его концепции положен критерий блага каждой отдельной личности, а значит нельзя допустить практику совершенствования одних членов общества за счет других. Каждый индивид, по идее Н.К. Михайловского, должен развиваться умственно и нравственно, используя собственные силы и способности, принимая добровольную помощь опытных и более талантливых старших членов общества.

В работе «Что такое прогресс?», полемизируя со Г. Спенсером, считающим, что закон развития одинаков как для органической, так и для общественной жизни, Н.К. Михайловский указывает на главную ошибку английского социолога – на недостаточное внимание к личности, рассмотрение общественного развития безотносительно к совершенствованию личности. Прогресс, по Н.К. Михайловскому, заключается в борьбе за индивидуальность, т. е. в развитии всех сил и способностей человека. Итоговой целью прогресса выступает счастье личности, ее гармоничное развитие. Следует различать «два вида прогресса: прогресс общества и личное развитие человека» [8, с. 50]. Они не всегда совпадают, развитие общества не обязательно ведет к совершенствованию каждого отдельного индивида. Социальное развитие с его разделе-

нием труда и дальнейшим расслоением общества таит опасность потери человеческой индивидуальности, «нарушения целостности отдельных личностей» [8, с. 55]. В процессе своего развития общество усложняется, увеличивается объем знаний о мире, а отдельный индивид приобретает свою специализацию, что приводит к однообразию, к ослаблению его «умственной деятельности» [8, с. 55]. Н.К. Михайловский выступает против специализации индивида в одном узком направлении и в качестве средств борьбы с данной разрушительной тенденцией предлагает индивидам самостоятельно озаботиться расширением кругозора, освоением различных наук и разнообразных ремесел.

Возникшие в процессе общественной дифференциации социальные группы отличаются разными целями, видами деятельности, нравами, обычаями. Н.К. Михайловский утверждает, что существуют два способа формирования социальных групп: простая кооперация, исторически более ранняя, и сложная кооперация, складывающаяся в результате экономического разделения труда и расслоения общества. Простая кооперация способствует объединению людей, их взаимопониманию, личность не подавляется коллективом, а развивается, участвуя в общественной жизни. Н.К. Михайловский отдает предпочтение такому способу связей в обществе. Сложная кооперация приводит к появлению разнородного общества с «неравными, несвободными, специализированными членами, расположенными в некотором иерархическом порядке» [9, с. 99]. Каждая социальная группа такого общества формирует свой образ жизни, виды деятельности, отличные от других, что вызывает «разнородность нравов и обычаев» [9, с. 114]. Все это ведет к отсутствию взаимопонимания между представителями разных социальных групп, а в дальнейшем – к столкновениям, конфликтам и открытому противостоянию. Человек способен сочувствовать лишь тому, что сам пережил; ему понятны мысли и чувства «ведущего одинаковый с ним образ жизни, имеющего те же привычки, потому что личный их опыт почти тождествен». Индивид высоко ставит радости и горести своей группы и «не в грош не ставит радостей и горестей других групп» [9, с. 157], не замечая их существования. Современники, будучи членами разных социальных групп, не понимают друг друга, а значит, не может идти и речи о какой бы то ни было продуктивной коммуникации между представителями разных поколений. Как утверждает Н.К. Михайловский, от поколения к поколению специализация и деградация индивидов только усугубляется, утрачивается взаимопонимание, они не понимают «даже языка друг друга» [9, с. 119]. С течением времени по причине усиления специализации индивидов нарушаются связи между поколениями, усложняется передача традиционных ценностей молодежи, тем самым разрушаются основы культурной традиции.

Рассуждая о процессе познания человеком окружающего мира, Н.К. Михайловский вводит понятие «предвзятого мнения», утверждая, что

оно складывается из унаследованного от предков опыта и личного. Унаследованный опыт представляет собой усвоенные индивидом нравственные ценности, обычаи, традиции, передающиеся от старших к младшим. Этот опыт предков, по мнению ученого, «производит в целом ряду поколений более или менее глубокие изменения» [9, с. 129]. Личный опыт – это сформировавшееся своеобразие индивидуальных переживаний и оценок, которые дополняют опыт унаследованный. В силу глобальной разницы именно личного опыта у представителей не только разных социальных групп, но и особенно разных поколений случаются ошибки при восприятии происходящих процессов и ситуаций. По мысли Н.К. Михайловского, сильные непосредственные впечатления от происходящих в данное время событий заставляют молодого человека отрицать традиционные взгляды и ценности, не замечая в них при этом истин, которые они в себе несли. Можно побороть опасности такого рода, проверяя «свое эмпирическое содержание и отыскивать его источники» [9, с. 133]. Во избежание «предвзятого сознания» молодой человек должен научиться думать, вырабатывать способность критического отношения к себе.

Как видим, в основе работ Н.К. Михайловского находится идея развития творчески активной личности, способной осуществлять изменения в обществе. Размышляя над теорией прогресса, исследователь предлагает разделять прогресс общества и прогресс личности и подчеркивает, что ни один из этих видов не должен осуществляться за счет другого. Н.К. Михайловский замечает, что в настоящее время общество развивается в ущерб человеку, который не прогрессирует. Отдельно взятая личность утрачивает свою целостность, подавляется социумом в контексте все нарастающей специализации вида деятельности. Такая ситуация опасна для человечества, так как гибнет индивидуальность человека. Н.К. Михайловский утверждает, что человеческое общество должно бороться за каждую личность. Он подчеркивает необходимость создания условий для всестороннего развития каждого индивида. Одним из них должна стать продуманная система воспитания молодежи, основанная на нравственных ценностях. Несмотря на преграды (возрастные, социальные, личностные), осложняющие коммуникации между представителями разных поколений, в интересах общества важна непрерывность передачи социокультурного опыта.

Итак, российские мыслители-позитивисты актуализировали проблему совершенствования способов передачи социокультурного опыта, стратегию минимизации конфликта между поколениями. Во взглядах В.О. Ключевского и Н.К. Михайловского отчетливо видна идея о гармонично развитой личности, свободной, интеллектуально развитой, думающей, способной к критическому осмыслению, стремящейся к преобразованию. Именно таким они хотели видеть молодого гражданина своей страны. Авторы сходились во мнении о том, как важен запрос общества для формирования молодого поколения: потребность в новых

знаниях и умениях (В.О. Ключевский), критическая рефлексия опыта старшего поколения (Н.К. Михайловский). Решить данную проблему возможно путем совершенствования способов коммуникации между поколениями, реформируя российскую систему образования, умело сочетая при этом позитивный европейский и отечественный опыт.

Список литературы

1. Бельчевичен С.П., Рыбачук В.Б. Общественный прогресс и борьба за индивидуальность в историософии Н.К. Михайловского // Вестник Тверского государственного университета. Сер.: Философия. 2007. Т. 31 (61). № 4. С. 92–100.
2. Ключевский В.О. Два воспитания // Ключевский В.О. Соч.: в 9 т. / под ред. В.Л. Янина. М.: Мысль, 1990. Т. 9. С. 5–28.
3. Ключевский В.О. Евгений Онегин и его предки // Ключевский В.О. Соч.: в 9 т. / под ред. В.Л. Янина. М.: Мысль, 1990. Т. 9. С. 84–101.
4. Ключевский В.О. Курс русской истории // Ключевский В.О. Соч.: в 9 т. Т.5. М.: Мысль, 1989. С. 12–365.
5. Михайлова Е.Е. В.О. Ключевский: понимание культурной дистанции // Вестник Тверского государственного университета. Сер.: Философия. 2012. № 1–2. С. 134–140.
6. Михайлова Е.Е. Русский позитивизм на рубеже XIX-XX веков: проблема социокультурного развития: монография. М.: МГОУ, 2004. 256 с.
7. Михайлова Е.Е. Философия истории В.О. Ключевского и его учеников: Проблема социокультурного развития: монография. М.: МГЭИ, 2003. 128 с.
8. Михайловский Н.К. Что такое прогресс? / под ред. Р.В. Иванова-Разумника. Изд. 2-е. М.: Книжный дом «ЛИБРОКОМ», 2012. 216 с.
9. Михайловский Н.К. Что такое прогресс? // Собр. соч.: в 6 т. СПб.: Кн-во «Русское богатство», 1906. Т. 1. С. 17–165.
10. Ожегов С.И. Словарь русского языка. Изд. 10-е. М.: Советская энциклопедия, 1973.

CULTURAL TRADITION AND GENERATION CONFLICT IN V.O. KLYCHEVSKY'S AND N.K. MIKHAYLOVSKY'S WRITINGS

E.O. Kovaleva

Tver State Technical University, Tver

In article examines the problem of generations conflict represented in the works of Russian positivists of the end XIX-th - beginning XX-th century. The methodology of multi-factor analysis allowed the authors of this school of thought to highlight different facets of Western European and Russian cul-

tural tradition in the perspective of generations conflict overcoming. As their epoch witnesses, they demonstrated different views on the process of «aging» and «full meaning» of generation conflict in different facets of cultural tradition. Klyuchevsky searched for roots of the problem in education and upbringing of a person, and Mikhaylovsky - in the system of socio-economic relations.

Key words: *generations conflict, cultural tradition, positivism, social progress, person, education, upbringing.*

Об авторе:

КОВАЛЕВА Елена Олеговна – старший преподаватель кафедры социологии и социальных технологий ФГБОУ ВПО «Тверской государственный технический университет», аспирантка кафедры психологии и философии ФГБОУ ВПО «Тверской государственный технический университет». E-mail: kovaleva-15@mail.ru

Author information:

KOVALEVA Elena Olegovna – senior lecturer of the Dept. of Sociology and social technologies of Tver State Technical University, Ph.D. student of the Dept. of Psychology and Philosophy of Tver State Technical University, Tver. E-mail: kovaleva-15@mail.ru

УДК 1(091)

К.Д. КАВЕЛИН И Б.Н. ЧИЧЕРИН: ПРОБЛЕМА СООТНОШЕНИЯ НРАВСТВЕННОСТИ С ПРАВОМ, РЕЛИГИЕЙ И НРАВАМИ

М.Ю. Иванов

ФГБОУ ВПО «Тверской государственный университет», г. Тверь

Анализируются взгляды К.Д. Кавелина и Б.Н. Чичерина на соотношение нравственности с правом, религией и нравами. Рассматривается формирование их видения этой проблемы под влиянием идей немецкой классической философии.

***Ключевые слова:** личность, общество, этика, нравственность, право, религия, нравы.*

Несмотря на то что Чичерин был учеником Кавелина и на формирование мировоззрения и того и другого серьезное влияние оказал немецкий идеализм, их этико-правовые идеи тем не менее во многом отличаются.

Начать следует с анализа их понимания самого понятия «нравственность». Нравственность для Кавелина – это сфера внутренней психической, душевной деятельности человека. Это внутренние убеждения человека о добре и зле, плохом и хорошем. Его этика – это этика должностования, деонтологическая по своему характеру дисциплина. За такого рода этические воззрения он неоднократно подвергался критике со стороны других ученых [7, с. 278]. В упрек ему ставилось то, что его нравственность не способна реализоваться в мире людей, поскольку она оторвана от общества. Сам же Кавелин это не признавал и иронизировал над понятием «общественная нравственность» [2, с. 906]. Для него общественная нравственность – это синоним слова нравы. Наиболее близка этике Кавелина философия Канта, за исключением ряда нюансов.

Во-первых, он полагал, что ни метафизика, ни позитивизм не способны дать ответы на проблемы этики. Нужно сказать, что в познании окружающей реальности Кавелин возлагал большие надежды на специальные науки, в частности на психологию, и всячески боролся с метафизическими миражами. Также следует напомнить, что Кант в своих этических построениях огромное значение отводил метафизике. По утверждению Канта, вся моральная философия всецело покоится на своей чистой части [4, с. 224].

Во-вторых, по замыслу Кавелина, свобода воли человека не может существовать вне сферы мотивов, это утверждение относится и к этике [2, с. 920–921].

Чичерин же имел несколько иное понимание нравственности. Так же как Кант, а следом за ним и Кавелин, он видел ее источник в духовном мире человека. Можно даже сказать, что метафизике в разработке нрав-

ственной проблематики он уделял гораздо большее внимание, нежели Кавелин. Но нравственные представления у Чичерина поставлены в зависимость от общества. Этика у него носит отнюдь не формальный характер. В его концепции нравственность всегда должна получать свою реализацию. Поддерживая мнение Канта о том, что нравственный закон (категорический императив) дает только общие предписания, Чичерин также говорит и о том, что он является пустым звуком, пока не будет применен к конкретным жизненным ситуациям и не получит своего выражения объективно [8, с. 205]. В своих трудах Чичерин развивает тему объективной (общественной) нравственности.

У него она находит свое проявление в обязанности родителей осуществлять воспитание своих детей, в том числе и нравственное; в корпорациях, как нравственных союзах гражданского общества, вырабатывающих у людей чувство добропорядочности; в церковном союзе, который, по мнению философа, только и является чисто нравственным общественным союзом; в идее о государстве, как союзе, включающем в себя все иные, и обеспечивающем возможность существования нравственности как таковой; в идее о том, что государство по возможности должно руководствоваться нравственными требованиями в решении политических вопросов.

Все эти положения теснейшим образом сближают этику Чичерина с этикой Гегеля, у которого только в государстве, причем в Прусском, идея нравственности достигает своего наивысшего уровня развития. Как и Гегель, Чичерин не может рассуждать о нравственности в отрыве от общества.

Но, несмотря на различия в понимании нравственности, оба философа были сторонниками автономной этики. Отстаивали самостоятельность и независимость нравственности как особой сферы человеческой жизни. Они оба полагали, что нельзя смешивать такие понятия, как право и нравственность, поскольку это две совершенно разные сферы общественных отношений. Оба указывали на принудительный элемент в праве и негативно относились к навязыванию нравственности несвойственных ей функций. Соприкосновение права и этики, по К.Д. Кавелину, обусловлено тем, что они определяют жизнь и деятельность человека, но только с различных сторон. Русский философ точно подметил: «Разделяя право и нравственность, мы их сближаем и отводим нравственному и юридическому элементу то место, какое каждому из них принадлежит, мы доказываем возможность их мирного сосуществования без столкновения и борьбы» [2, с. 907]. Как уже было сказано ранее, К.Д. Кавелин выступал за автономную этику, существующую отдельно от правовой системы, но он все же не отрицал того факта, что данные социальные явления влияют друг на друга. Так, в «Задачах этики» он говорит о том, что нравственность и право нельзя рассматривать как две враждебные силы, взаимно исключающие друг друга, что за упадком нравственности закономерно следует и упадок

правовых порядков [там же, с. 1003]. Существование нравственных идеалов К.Д. Кавелин связывал с духовным развитием отдельного лица, именно эти идеалы и являются той базой, на которой строится человеческое общежитие. Поскольку общество состоит из отдельных индивидов, наделенных свободой нравственного выбора, каковы они – таково и общество. И если большая их часть не имеет перед собой нравственного идеала как руководства к индивидуальной деятельности, то и правовые порядки не будут развиваться в правильном направлении и придут к упадку. Другими словами, Кавелин полагал, что развитие права и его системы основано на жизни единичных людей, а без правильного нравственного развития людей не может быть и правового развития. Такого рода мысли прослеживаются в его труде под названием «Злобы дня». По мнению философа, «только нравственные люди – непосредственные, живые носители общественных идей и формул» [3, с. 453]. То есть нравственность для К.Д. Кавелина служит охранительным началом общественных идей (в нашем случае права), а забвение норм морали, в свою очередь, представляет серьезную угрозу для существования общественной системы.

С другой же стороны, К.Д. Кавелин также говорил о важности права как социального регулятора в условиях низкого уровня развития нравственности в обществе. Так, в произведении «Злобы дня» К.Д. Кавелин говорит нам о праве следующее: «Создавая между людьми границы общего и отвлеченного свойства, оно удовлетворяет потребностям правильного общежития во всех тех случаях, когда нравственная, субъективная сторона недостаточно сильно развита, чтобы предупредить или сдержать столкновения между людьми» [2, с. 1070].

Чичерин, будучи учеником Кавелина, также не забывал о том, что этика теснейшим образом связана с правом. По его мнению, именно право «...ближе стоит к нравственности, нежели все другие области человеческой деятельности» [11, с. 691].

Закончив с нравственно-правовой проблематикой, перейдем к разбору такого явления, как нравы и определим, как же они соотносятся с нравственностью. Остановимся сначала на видении Кавелина, который относил нравы к области права. Нравы для него – это исторически сложившиеся нормы, определяющие правила поведения человека в обществе, вошедшие в обиход в связи с неоднократностью их применения. Это общественные привычки, обычаи, традиции, мода и т. д. Нравы для Кавелина это своего рода совокупность конформных норм. Он пишет: «Нравы, обычаи, привычки обусловлены сожителем людей в обществе и государстве, они имеют своим источником потребности организованного быта людей и, следовательно, относятся к области права, от которого отличаются только случайными признаками, больше по недоразумению, чем по существу дела» [2, с. 906]. Он считает, что для нравов, как и для права, характерно принуждение, пусть и осуществляемое не государством, а обще-

ством. За данную точку зрения Кавелина критиковали не меньше, чем за его формальную этику.

Перейдем теперь к рассмотрению чичеринского понимания нравов. По сути и по смыслу само определение понятия нравов, даваемое Чичериным, близко тому определению, которое давал Кавелин [9, с. 305]. Под нравами Чичерин понимал объективно установленный фактический порядок общественной жизни, формально-принудительный же порядок, в соответствии с его точкой зрения, устанавливается правом [там же, с. 304].

Сразу же становится заметно основное отличие понимания Чичерина, относящего нравы скорее к области нравственности, но никак не права. С его точки зрения, нравственность вполне может воплощаться в нравах. Конечно же, им подразумевалось, что это применимо не ко всем сферам проявления нравов, скажем, это не применимо к моде, которая для него была не более чем игрой на поверхности общественного сознания. Чичерин указывает на то, что нравственные понятия составляют «...самую неуловимую сторону нравов» [там же, с. 316].

Так как же, по мнению Чичерина, соотносятся нравственность и нравы? Чичерин дает очень простой ответ на данный вопрос. Так, связывая нравы с тем или иным общественным строем и бытом, он заявляет следующее: «Разложение строя ведет к шаткости нравственных правил, и наоборот, упадок нравственности ведет к разложению быта» [там же, с. 317]. Иными словами, Чичерин хочет сказать нам, что крепость общественных нравов положительным образом влияет на нравственную обстановку в обществе и наоборот.

Рассматривая проблему соотношения нравственности и нравов, нельзя не упомянуть мнение Гегеля по данному вопросу, учитывая то, что в какой-то степени оно пересекается с видением Чичерина. У Гегеля нравы выступали в качестве материального проявления нравственности в обществе. У него именно в нравах нравственность находила свою реализацию. Немецкий философ пишет, что «...в простом тождестве с действительностью индивидов нравственное являет себя как их всеобщий образ действия, как нравы» [1, с. 205].

Кавелин и Чичерин имели весьма схожие взгляды относительно того, как сочетается религия и этика. Так, они выводили религию из нравственных требований, а не наоборот. Они полагали, что именно религией осуществляется заимствование нравственных идей. Оба они считали, что этика вполне может существовать и отдельно от религии, в наибольшей степени данное утверждение применимо, конечно, к Кавелину. Но несмотря на это, они полагали, что в сфере этики религия, безусловно, играет важную роль, поскольку не все самостоятельно могут приобщиться к нравственности. И этика и религия, с их позиций, идут к одной цели, пусть и делают это разными способами. Так, Кавелин отмечал, что «...конечная цель этических учений, основанных на религии или на научных исследо-

ваниях, заключается в том, чтобы убедить людей ступить на путь нравственного развития» [2, с. 992]. Он писал, что люди «...чрезвычайно различны между собой, и действовать на всех одними и теми же доводами невозможно: для одних доступны и убедительны доводы вероучения, для других – аргументы науки и знания. Отбрасывать тот или иной путь, значило бы отвращать от истины и правды массы людей только потому, что они способны принять ее лишь в том, а не в другом виде» [там же, с. 992]. Кавелин полагал, что в области этики только и возможен синтез научного знания и религиозных представлений.

Чичерин имел весьма близкую позицию, считая церковь чисто нравственным союзом. В своей философии Чичерин особое положение отводил церкви, полагая, что именно она должна устанавливать общественные нравственные каноны. Немаловажно отметить и то, что Чичерин не был «...согласен с Гегелем в понимании религии как низшей ступени философского знания. У Чичерина религия и философия – это две формы человеческой духовности, дополняющие друг друга» [6, с. 59]. По его мнению, «...нравственность находит в религии самую твердую опору» [8, с. 174]. Русский философ пишет, что «...отрицать существование нравственности, независимой от откровенной религии, значит идти наперекор очевидности» [там же, с. 164]. Причем, по Чичерину, нравственные понятия встречаются во всех религиях, от язычества до христианства.

Как утверждает русский философ, нравственность ведет к единению людей, каждый человек является членом единого нравственного мира, в котором так или иначе присутствуют объективные нравственные убеждения. Философия вполне может служить источником таких убеждений, но нелегко существование союзов, целиком и полностью основанных на одних только философских началах. Во-первых, по причине того, что она составляет достояние единиц, а во-вторых, на ее основе сложно создать единую нравственную систему в силу огромного многообразия различных мировоззренческих картин. Чичерин отмечает: «Одна религия заключает в себе нравственное начало, способное соединить массы» [10, с. 228–229]. Именно в религии большинство людей находят для себя нравственную опору. «Иметь такую опору составляет потребность в особенности для тех, которые не чувствуют в себе достаточно внутренней силы, чтобы противостоять всем жизненным искушениям и идти твердую стопую среди превратностей, окружающих человека» [там же, с. 229]. Таким образом, религия у Чичерина раскрывает нравственное в людях, причем более доступным способом, чем философия, она определенным способом направляет человеческую совесть, укрепляет нравственные представления.

Следует, однако, отметить, что оба русских философа никогда не ставили нравственность в прямую зависимость от религии. Таким образом, они придерживались взглядов Канта, у которого человеческий разум был полностью автономен. Именно благодаря этой автономности

мы и можем говорить о наличии моральной природы человека. Непоколебимо придерживаясь своей позиции, Кант утверждал, что «мораль, поскольку она основана на понятии о человеке как существе свободном, но именно поэтому и связывающем себя безусловными законами посредством своего разума, не нуждается ни в идее о другом существе над ним, чтобы познать свой долг, ни в других мотивах, кроме самого закона, чтобы этот долг исполнить. По крайней мере это вина самого человека, если в нем имеется такая потребность, и тогда ему уже нельзя помочь ничем другим; ведь то, что возникает не из него самого и его свободы, не может заменить ему отсутствия моральности. Следовательно, для себя самой (и объективно, поскольку это касается ведения, и субъективно, поскольку это касается способности) мораль отнюдь не нуждается в религии; благодаря чистому практическому разуму она довлеет сама себе» [5, с. 5]. Вместе с тем мораль у Канта в финальной инстанции предполагала опору на веру в Абсолют.

Заканчивая статью и подводя итог, можно отметить, что этические идеи Кавелина и Чичерина имеют немало общего, но наличествуют в них и серьезные отличия, обусловленные различием мировоззрений. Не вызывает сомнения и тот факт, что оба философа, находясь под влиянием немецкой классической философии, произвели заимствование основополагающих и наиболее значимых ее положений. В своих этических построениях Кавелин был более близок к Канту, хотя и не был в полном смысле метафизиком, как Кант, по причине того, что был полупозитивистом.

Что же касается Чичерина, то, несмотря на то что кантианство также оказало свое влияние на определенную часть его этической философии, он был ближе к Гегелю, поскольку всячески пытался преодолеть формализм нравственности, укрепив ее связью с общественными началами.

Список литературы

1. Гегель Г.В.Ф. Философия права: пер. с нем. / ред. и сост. Д.А. Керимов и В.С. Нерсисянц; авт. вступ. ст. и примеч. В.С. Нерсисянц. М.: Мысль, 1990. 524 с.
2. Кавелин К.Д. Задачи этики // Собр. соч.: в 4 т. СПб., 1899. Т. 3: Наука, философия и литература. С. 897–1018.
3. Кавелин К.Д. Письмо к Ф.М. Достоевскому // Вестник Европы. 1880. Ноябрь. Т. 6. С. 431–456.
4. Кант И. Основы метафизики нравственности // Сочинения: в 6 т. М.: Мысль, 1965. Т. 4. Ч. I. С. 219–309.
5. Кант И. Религия в пределах только разума // Соч.: в 8 т. М.: Чоро, 1994. Т. 6. С. 5–222.

6. Лобеева В.М. Религия, наука, философия: основные идеи и особенности концепции Б.Н. Чичерина // Вестн. ПСТГУ I: Сер. Богословие. Философия. 2012. Вып. 2. С. 59–72.
7. Ржондковский Н. Об общественном значении нравственности (По поводу сочинения К.Д. Кавелина «Задачи этики. Учение о нравственности при современных условиях знания». СПб., 1885). (Начало): Октябрь // Юридический вестник: Октябрь. Издание Московского Юридического Общества. М.: Тип. А.И. Мамонтова и Ко, 1885. № 10. С. 263–287.
8. Чичерин Б.Н. Философия права. Кн. 3. Нравственность. М., 1900. С. 163–211.
9. Чичерин Б.Н. Курс государственной науки. Т. 2, кн. 4: Духовные интересы. М., 1894. С. 298–327.
10. Чичерин Б.Н. Наука и религия. М.: Республика, 1999. 495 с.
11. Чичерин Б.Н. О началах этики // Вопросы философии и психологии. М., 1897. № 4. С. 586–701.

K.D. KAVELIN AND B.N. CHICHERIN ON THE RELATIONS BETWEEN MORALITY, LAW, RELIGION, AND PUBLIC MORES

M.Yu. Ivanov

Tver State University, Tver

The article examines K.D. Kavelin's and B.N. Chicherin's views on the relations between morality, law, religion, and public mores. Their approaches to this problem are analyzed as formed under the influence of German classical philosophy heritage.

Keywords: *person, society, ethics, morality, law, religion, public mores.*

Об авторе:

ИВАНОВ Максим Юрьевич – аспирант кафедры философии и теории культуры ФГБОУ ВПО «Тверской государственной университет», Тверь. E-mail: IvanMax@bk.ru

Author information:

IVANOV Maxim Yourievich is a Ph.D. student of the Dept. of Philosophy and Culture Theory at Tver State University, Tver. E-mail: IvanMax@bk.ru

УДК 159.923.2

ГЕГЕЛЕВСКОЕ УЧЕНИЕ О ВЗАИМОСВЯЗИ АБСОЛЮТНОГО И КОНКРЕТНОГО В ИНТЕРПРЕТАЦИИ И.А. ИЛЬИНА

С.А. Малинин

ФГБОУ ВПО «Тверской государственный университет», г. Тверь

И.А. Ильин в своих работах уделял внимание двум аспектам философии Гегеля: философское понимание и олицетворение Бога и философское учение о Человеке — в его единстве с Богом. В гегелевском панлогизме Ильин выделяет разумную основу во всем сущем. Человеку же уготована противоречивая судьба. С одной стороны, человек обладает абсолютной индивидуальностью, в этом его изолированность от других людей. С другой, — все люди едины в своей высшей духовной сущности.

Ключевые слова: *абсолютное, конкретное, панлогизм, Бог, Человек.*

В религиозном и политическом пространстве современной России обращение к творчеству И.А. Ильина (28 марта (9 апреля) 1883, Москва – 21 декабря 1954, Цолликон) – выдающегося русского мыслителя, философа, писателя и публициста, – стало актуальным в стремлении приобщиться к особым знаниям о государстве российском. Н.А. Бердяев отмечал, что «русский человек склонен переживать основные идеи И.А. Ильина «трансцендентно, а не имманентно» [1, с. 138]. Ильин пытался претворить в жизнь общность теоретической и практической философии, воплотить свои логико-онтологические концепции в политико-правовых, социально-экономических и исторически-философских изысканиях.

Одним из основных моментов в трудах Ильина стало осмысление им гегелевского панлогизма, где немецкий философ заявляет обо всем сущем как имеющем в действительности разумную основу, о том, что все разумное представляет собой высшую ступень существования. Г.В.Ф. Гегель утверждает, что все действительное является разумным, а соответственно все разумное – действительным.

Ильин известен как автор труда «Философия Гегеля как учение о конкретности Бога и человека» – одного из фундаментальных исследований философии Гегеля.

Толкование философии Гегеля в учении Ильина связано с акцентированием внимания на двух «измерениях» гегелевской философии – философское понимание и олицетворение Бога (учение о сущности Бога и учение о пути Божиим) и философское учение о Человеке – в его единстве с Богом. По словам Ильина, основное, что необходимо знать, для того чтобы понимать философию Гегеля, это отношение Гегеля к конкретному эмпирическому миру. Мир Гегеля представляет собой «каркас логических конструкций» [3, с. 186]. Гегель заявляет о метафи-

зической ничтожности конкретно-эмпирического, считает его жалким усилием отойти от подлинной божественности, от чистой духовной спекулятивной мысли. Конкретно-эмпирический мир не является объективным и самостоятельным, он лишен Разума и Духа. Если конкретно-эмпирическое противостоит философии как хаос случайных обстоятельств, который чужд мысленной культуре, то абстрактно-формальное привносит в эту сферу первую и элементарную культуру. Абстрактно-формальное привносится к множественному и единичному извне, как инобытие к инобытию. Гегель настаивает на единичности формальной абстракции. Она выделяет только одну частную сторону предмета, и получается, что абстракция характеризует часть целостного предмета. Ильин, как приверженец спекулятивной философии, говорит, что она не может удовлетвориться таким понятием. Он считает, что рассудочное мышление не знает спекулятивной мысли и оторвано от философской идеи, не духовно. Рассудочное мышление подлежит корректировке.

Исходя из вышеизложенного, будет уместным перейти к понятию спекулятивного мышления в трактовке Ильина. Спекулятивное мышление, считает Ильин, это мышление, своеобразно сочетающееся с созерцанием. Спекулятивное мышление исходит из того, что оно сверхчувственно и внечувственно, поэтому оно не нуждается в конкретно-эмпирическом. По мнению Ильина, заблуждение Гегеля состоит в героически осуществляемом интуитивном познании предмета. Каждый раз, когда Гегель говорит о слабости чувственного и конкретно-эмпирического знания, он только рассуждает о «внешнем» опыте, т. е. о совокупности предметов в пространстве и о восприятии этих вещей душой человека. Сфера «внутреннего» остается в стороне. Гегель объясняет это тем, что время менее виновно в недостатке чувственного бытия и познания, т. е. в абстрактности-дискретности. «Внутренняя» область включает в себя особую сферу спекулятивной мысли и знания, которая является важнейшим достоянием духа. По мнению Ильина, основная феноменологическая ошибка Гегеля состоит в том, что он срастил мышление и смысл в одно единое неразрывное метафизическое образование. Из-за этого пласты состояний души интерпретируются как отрывки логического предмета в его сверхчувственной жизни, смысл расценивается как живое, творчески сменяющееся и развивающееся духовное начало.

Продолжая тему спекулятивного в творчестве Ильина, стоит отметить, что мысль – это центр идеальности, она гарантирует абсолютную реальность, достоверность и подлинность. По словам Гегеля, мысль есть первенствующая идеальная. Не соглашаясь с Кантом и Фихте, которые утверждали, что мысль – это субъективно-человеческое, Гегель говорил о мысли как о субъективно-объективном или Божественном. В своих трудах Ильин последовательно утверждает, что «все философское учение Гегеля посвящено адекватному раскрытию сущности Божества и описанию того творческого пути, который совершается

Субстанцией божественного смысла» [4, с. 177]. Спекулятивная мысль есть абсолютная и единственная реальность.

По мнению Ильина, в спекулятивной философии мысль передает всему реальному форму всеобщности. По Гегелю, всеобщность есть нечто само себя сознающее, это есть разум, знающий сам себя. Спекулятивная всеобщность определяется как «свободная сила», творческая сила, которая не боится самоотрицания. Всеобщность представляется субстанциональной непрерывностью и сплошностью. Всеобщее обладает своей особой спекулятивной конкретностью и имманентной ему диалектикой.

По мнению Ильина, диалектический метод есть у Гегеля результат интуитивистического познания (конечно, в действительности сильно подкрепленного схематической спекуляцией). Это же подтверждается Ильиным в статье «О возрождении гегельянства», где обозначается, что «когда говорят о “методе” Гегелевской философии, то под этим разумеют обыкновенно ту с виду однообразную диалектическую связь, которая соединяет все ее ступени между собою. Мы имеем здесь в виду не это, но тот способ философствования, который дал Гегелю возможности увидеть вообще в “понятии”... ту объективную связь... которая есть диалектическая связь...» [5, с. 10–15]. Диалектический процесс содержит реально смысловые противоположности и различия. Он создан с помощью «существенной и определенной» дифференциальности спекулятивных определений. И важным следствием этого является примиримость сторон.

По словам Гегеля, все реальное подлжит закону спекулятивной конкретности. Конкретность есть высшая цель всякого бытия. В интерпретации Ильина диалектическое осуществление реальною мыслью спекулятивной конкретности есть сущность всякого бытия и всякой ценности. Гегель говорит о спекулятивной конкретности как о многообразии спекулятивно-мысленных определений, сросшихся в единство. Диалектика уступает свое место спекулятивной конкретности тогда, когда обнаруживается эфемерность несовместимости противников и утверждается их соотносительность. Абсолютная конкретность осуществляется на высшей стадии спекулятивного процесса, это есть она – абсолютный организм смысла, который представляет собою природу самого Божества.

Основная концепция Гегеля состоит в том, пишет Ильин, что Понятие, которое открывается спекулятивной мысли, это есть самое Божество, т. е. единственная реальность. Спекулятивный смысл Понятия в том, что оно – идеальная реальность, диалектически развертывающая себя к органической конкретности. Спекулятивное Понятие есть бытие. Понятие есть единственный предмет истинного знания. С точки зрения Ильина, Понятие обладает как диалектической, так и конкретной природой. Конкретность заключается в его тотальности всех предшествующих определений. Соответственно диалектическая составляющая Понятия обнаруживается в его вечном творчестве, а его движение это

есть всеобщая абсолютная деятельность. Понятие в этой деятельности раскрывает свою сущность из глубины, реализует себя. Достигая абсолютной высоты, Понятие получает название идеи. Идея в данном случае выступает как само Божество. Исходя из вышеизложенного, можно сказать, что истинная философия исповедует пантеизм. Используя обыденное понимание, пантеизм – это отождествление Бога со всею и всяческою реальностью. Гегель категорически против такой формы пантеизма. По словам Гегеля, пантеизм видит всю реальность в абсолютном Понятии и его жизни, и абсолютное Понятие или, другими словами, спекулятивный Смысл есть само Божество. Но жизнь абсолютного Понятия разворачивается в систему, которая есть Наука. Из этого следует гегелевская концепция панэпистемизма.

По словам Ильина, для Гегеля, как спекулятивного философа, наука является объективной и божественной, подлинной реальностью, единой, раскрытой и осуществленной системой подлинного бытия Божия. Наука в целом есть процесс Божественного развития.

Ильин подчеркивает, что так как наука является живой сущностью Бога, то первой наукой, составляющей первую эпоху жизни Бога, является Логика. Логический процесс обладает тройственным значением: религиозным, систематическим и космологическим. Религиозное значение в том, что логика есть первое самораскрытие и самоизложение Бога, совершающееся до создания мира и человека. Логика является подлинным и первым откровением Бога самому себе в элементе истинной мысли. Систематическое знание заключается в том, что Логика, являясь системой категорий, имеет характер субстанциональной всеобщности. У Гегеля Логика получает свое космологическое, а точнее космогоническое значение в результате того, что она провозглашается априорной мирозданию. Логика есть реальная основа всего Мира, а также predetermined Божеством в его домировом состоянии потенциальный образ его собственного грядущего роста в Мире.

Подводя итог гегелевского философского понимания и олицетворения Бога, Ильин утверждает, что попытка Гегеля осуществить движение абсолютного к относительному приводит к процессуализации их соотношения. Отсюда вся философия Гегеля получает общепризнанный характер историзма, который определяется как победа разума «на земле». Абсолют выглядит как начало, несущее в себе свободу, стремящееся к ее самораскрытию в ткани общественной жизни. В гегелевском учении о мире как процессе самоосвобождения Божия обнаруживается, что человек с его волею и его нравственностью есть свидетельство кризиса спекулятивного пантеизма.

Оригинальность гегелевской идеи для Ильина состоит в том, что она предполагает присутствие в рисуемом ею образе мира человека. В философии Гегеля, по Ильину, взгляд на человека предполагает объединение естественного, духовного, общественного и космического

степеней человеческого существования. В таком виде духовная цельность человека обеспечивается верой в Бога, а также философским постижением Бога и существующей тревогой страдания.

У Гегеля, пишет Ильин, в компоненте человеческой душе находятся три великих этапа или ступени: «субъективного духа», «объективного духа» и «абсолютного духа». Стоит остановиться на каждом этапе немного подробнее. Низшая ступень – дух «субъективен». Дух обладает формой единичной души, которая заперта в своих состояниях и прикреплена к тому содержанию, которое непосредственно навязывается ему. «Душе» придётся усвоить весь объем своих, индифферентно воспринятых содержаний и освободить себя в них, а их в себе. Вторая ступень – дух «объективен». Душа, освободив себя внутренне, обращается к внешним условиям своего существования в мире и начинает с ними борьбу за свободу. Душа уже не замкнута в своих пределах. Высшей ступенью является «абсолютный дух». На этом этапе человеку открывается абсолютное знание, т. е. знание самой Истины и Идеи.

У Гегеля, отмечает Ильин, существует учение о стадиях развития духа, а именно о морали, нравственности и праве. Гегелевская философия права есть результат опыта, который раскрыт мыслью. Задача философии права – предоставить самому разуму предмета развить своё содержание. Гегель занимается исследованием естественного и действительного права. Естественное право – это не только совершенная сущность положительного права, а прежде всего модификация абсолютной сущности мира вообще. Право есть всюду, а то, что есть всюду, есть Разум. Естественное право разумно. Как сущность оно приобщается существованию, становясь действительным.

Мораль является суждением спекулятивного права. Она, по мнению Гегеля, является рациональным фактором, а не субъективным чувством. Мораль есть результат ущерба, который нанесен индивидуальной волей, когда она делается отличной от всеобщей воли. Мораль заключается в том, чтобы долженствовать всеобщему, когда посредством диалектического процесса воля обнаруживает, что любая воля, противопоставляющая себя универсальной воле, является безнравственной.

Нравственность у Гегеля, пишет Ильин, представляет собой единство абстрактного права и морали. Она, в свою очередь, образует триаду: 1) семья, 2) гражданское общество, 3) государство. Они являются институтами, в которых воля индивида открывает себя в гармонии со всеобщей волей.

Семья – это институт, который образован на чувствах. Однако в браке две самостоятельные личности утрачивают себя с тем, чтобы объединиться в одну личность, так что брак становится институтом, сформированным на разуме, к которому любовь не имеет никакого отношения. Гражданское общество появляется тогда, когда члены семьи приобретают самостоятельный статус и больше не часть семьи. Тогда об-

щество замыслено как общество отдельных индивидов, стремящихся к своим специфическим, эгоистическим интересам, разбитым на сословия. Можно выделить три таких сословия: класс сельскохозяйственный, который зависит от природы, класс промышленный и класс коммерческий, который зависит от своего труда и мыслительной деятельности, и класс универсальный, или правящий, зависящий от разума. Государство являет собой синтез семьи и гражданского общества. Оно разворачивается в: 1) отношении государства к своим гражданам (внутренняя политика или конституция); 2) взаимоотношений государства с другими государствами; 3) переход государства в мировую историю. Гегель писал: «В развитии самого государства должны наступать периоды, побуждающие благороднейшие натуры возноситься духом из современной действительности в идеальные сферы и находить в этих сферах то примирение с собой, которое уже невозможно для духа в действительности, в которой наступил разлад» [2, с. 66].

Государство в своей внутренней политике является воплощением индивидуальной и всеобщей свободы. Поэтому своей деятельности оно имеет три аспекта: тотальный (законы), особый (применение законов к конкретным делам) и единичный (монарх). Поэтому государство – это не внешняя власть, которая навязана личности, а следствие исполнения универсального характера самой личности. Государство, следовательно, является олицетворением свободы, выражением разумной воли. Во взаимоотношениях государства с другими государствами нет объективной сферы тотального права. В конечном счёте проблемы в их неизменно меняющихся отношениях разрешаются войной. В синтезе перехода государства в мир истории истинное сознание любой нации, которое актуализирует себя при помощи взаимоотношения установленных рациональных умов, выступает всеобщим сознанием в ходе мировой истории. Право универсального всемирного разума есть верховное право.

И.А. Ильин рассматривал панлогизм Гегеля в свете взаимосвязи абсолютного и конкретного. В ходе анализа учения Гегеля Ильин заявляет о разногласиях между гегелевской философской метафизической системой и его диалектическим методом. Сначала Ильин усматривает метафизический характер в гегелевской философии, т. е. выстраивание системы, которая давала гарантии обнаружить абсолютную истину. В противовес этому диалектический гегелевский метод, который понимал абсолютное как вечный процесс, который не имел конца, полностью не совпадал с гегелевским объективно-идеалистическим учением. Также Ильин отмечает парадокс между рационалистически-панлогистской основой гегелевской философии (консервативный характер) и все тем же диалектическим методом, утверждающим неотвратимость качественных перемен всего.

Список литературы

1. Бердяев Н.А. Духи русской революции // Литературная учеба. 1991. № 2. С. 123–139.
2. Гегель Г.В.Ф. Философия истории / пер. А.М. Водена; под ред. и с предисл. Ф.А. Горохова; Коммунистическая Академия при ЦИК СССР, Институт философии. М.: Гос. соц.-эк. изд-во, 1935. 168 с.
3. Гулыга А.В. Русский религиозно-философский ренессанс // Наш современник. 1990. № 7. С. 185–187.
4. Ильин И.А. Философия Гегеля как учение о конкретности Бога и человека. СПб.: Наука, 1994. 541 с.
5. Ильин И. О возрождении гегельянства // Русская мысль. 1912. № 33. Кн. 4. С. 35-41.

**HEGELIAN THEORY OF THE RELATIONS BETWEEN THE
ABSOLUTE AND THE CONCRETE IN I.A. ILYIN'S
INTERPRITATION**

S.A. Malinin

Tver State University, Tver

In his works, I.A. Ilyin paid considerable attention to two aspects of Hegel's philosophy: philosophical understanding and personification of God, and philosophical doctrine of Man in his unity with God. The Hegelian panlogism, Ilyin believes, reveals Reason as basis of all things in their concreteness. Human destiny is contradictory. On the one hand, man possesses an absolute individuality producing his isolation from other people. On the other, all the people are united in their highest spiritual essence.

Keywords: *concrete, absolute, panlogism, God, man.*

Об авторе:

МАЛИНИН Сергей Алексеевич – аспирант кафедры философии и теории культуры ФГБОУ ВПО «Тверской государственный университет», Тверь. E-mail: duks2011@yandex.ru

Author information:

MALININ Sergey Alekseevich – a PhD. student of the Dept. of Philosophy and Theory of Culture, Tver State University, Tver. E-mail: duks2011@yandex.ru

УДК 1 (091)

С.Л. ФРАНК О ДУХОВНЫХ ОСНОВАХ МИРОВОЗЗРЕНИЯ РУССКОЙ ИНТЕЛЛИГЕНЦИИ

Е.В. Шайхет

ФГБОУ ВПО «Тверской государственный университет», г. Тверь

Характеризуя духовные основы мировоззрения русской интеллигенции, С. Франк приходит к выводу о глубоком кризисе интеллигентского сознания. Поиск причин такового выявляет широкий круг онтологических, аксиологических и антропологических воззрений, лежащих в его основе. С. Франк определяет систему ценностей, ориентированных на преодоление кризиса, центром которой в противовес нигилистическому морализму становится религиозный гуманизм.

***Ключевые слова:** кризис интеллигентского сознания, моральные ценности, нигилизм, религиозный гуманизм.*

Русские мыслители XX в. столкнулись с очевидными свидетельствами кризиса цивилизации и культуры Нового времени, проявившимися в разрушительных войнах и революциях, результатом которых стала гибель культурных ценностей, веками создаваемых человечеством. В этой связи основной их задачей становится попытка активного противостояния этим процессам, поиск выхода из состояния культурного кризиса. Особое место в духовной жизни начала XX в. по праву занимает творчество С. Франка – философа, пытающегося определить и обосновать духовные основания бытия как главную тему своих размышлений. «В XX веке мир попал в водоворот бурного разрушительного движения, когда все привычные нравственные навыки жизни, и даже само физическое существование человека находятся под угрозой гибели», – констатировал он [6, с. 189]. Именно поэтому революции и иные «коренные ломки истории» бессмысленны. Они, не способные изменить человеческую природу, вызывают лишь хаос и разрушения. Не явилась исключением и русская революция, которая в своей ярости не остановилась ни перед чем, сокрушая и власть, и духовные завоевания, и ценности. Для С. Франка революция – радикальное выражение общего процесса духовного и нравственного опустошения, ведь «человечество думало достигнуть неба, оторвавшись от своих корней и свободно паря в воздухе... но дорасти до неба можно только будучи с самого начала, через глубины духовно-исторической почвы, укоренённым в нем самом» [3, с. 228].

Пытаясь разобраться в природе, сущности и причинах революционных потрясений, С. Франк подобно другим мыслителям приходит к выводу о необходимости глубочайшей характеристики русской интеллигенции как «идейного вдохновителя» революционных процессов. Концепция, окончательно оформившаяся в идеологии народничества и раз-

виваемая в общественно-политической мысли второй половины XX в., исходит из положения о «судьбоносном значении интеллигенции в развитии русского общества в силу присущей ей интеллектуальной монополии в “полуграмотной стране”» [4]. С. Франк понимает интеллигенцию как «целостно-культурный феномен», важными характеристиками которого являются «народопоклонничество», «космополитизм», «политикоцентризм». То есть тип сознания, характеризующийся отчужденностью от выработанных русским обществом традиционных социокультурных норм, переходящей в радикальный разрыв с ними. Однако именно кризис традиционного интеллигентского мировоззрения во многом определяет процесс крушения культуры. Идеалы истинной культуры блекнут, потому что утрачивается идеалистическое мировоззрение, в котором они и коренятся. «Исключительно трагический характер современной эпохи, неслыханное обилие в ней зла и слепоты, расшатанности всех обычных норм и жизненных устоев предъявляют к человеческой душе такие непомерно тяжёлые требования, с которыми она часто не в состоянии справиться» [1, с. 148]. Даже то, что было традиционно значимо для культуры в целом, теряет смысл либо становится исключительно политически утилитарным. «Литература, наука, искусство, философия, религия нужны лишь постольку, поскольку они могут быть орудиями политической борьбы; все идеи и духовные запросы, расширяющие кругозор и вносящие новые точки зрения и оценки, беспощадно отменяются, как ненужная роскошь и помеха...» [2, с. 83]. По мнению Франка, атмосфера нетерпимости, царящая в обществе, связана не только с нежеланием прислушаться к голосу предлагавших духовный путь преодоления разногласий и междоусобной борьбы, но и с непониманием самой интеллигенцией действительного характера идущего обновления общества и его структур.

Реакцией С. Франка на идеи, в основе которых лежало убеждение в необходимости и желательности насильственного установления социальной справедливости, стало не столько осуждение социального идеализма и тоталитарного сознания революционной интеллигенции, в которых можно было увидеть такие ценные по своим мотивам вещи, как «жажда целостного мировоззрения», «жажда веры», «стремление к синтезу веры и знания», готовность к самопожертвованию ради установления социальной справедливости, сколько признание их искажения *вследствие ложной направленности*.

Находя в религиозной идее фундамент национальной культуры, основы социального и культурного творчества, Франк приходит к выводу об «извращенной религиозности революционного сознания». Так как религиозность вообще предполагает признание «абсолютных ценностей» трансцендентального порядка, русская интеллигенция «безрелигиозна» не только в теории, но и по типу своего сознания и образа жизни.

По мнению С. Франка, одной из форм, способных заполнить «вакуум ценностей», становится *политикоцентризм* как стремление превра-

тить политическую борьбу в смысл жизни. Идея, заложенная просветителями XVIII в., признает изначальную и постоянную готовность людей жить в условиях свободы, реализоваться которой мешает «неразумное» государственное и социально-политическое устройство. Это порождает идею рационализации общественной жизни, приведения всего к одному знаменателю, распределения всего в точном порядке и на своём месте. Предельным случаем подобного общества философ считает тоталитарный режим. «Старая античная идея полного поглощения личности государством, растворения без остатка всех духовных сил и помышлений в механизме государственной власти – эта идея, следы которой так сильны и в наших учреждениях, и в наших умах, – противоречит современному нравственному сознанию и должна быть отвергнута решительно и безусловно... Личность стоит выше государства, и никакое государство не может смотреть на неё только как на своё орудие» [2, с. 86–87].

С. Франк предпринимает попытку глубокого анализа причин и сущности крушения наиболее крепких нравственных традиций и понятий в среде русской интеллигенции, что невозможно без выяснения ключевых черт её мировоззрения.

Определяя главную черту мировосприятия русской интеллигенции, мыслитель называет её *морализмом*, ибо «русский интеллигент не знает никаких абсолютных ценностей, никаких критериев, никакой ориентировки в жизни, кроме морального разграничения людей, поступков, состояний на хорошие и дурные, добрые и злые...» [9, с. 103]. Ценности теоретические, эстетические, религиозные и иные могут восприниматься им лишь смутно и неинтенсивно, часто «приносясь в жертву» моральным ценностям. Таким образом, вся история нашего умственного развития окрашена в яркий морально-утилитарный цвет, что может дать повод упрекнуть её в недоразвитости («интеллектуальной совести»), поскольку все имеет место и ценность лишь как внешняя форма для нравственной проповеди.

Особое место здесь занимает проблема значимости религиозных ценностей. «Кто любит истину или красоту, того подозревают в равнодушии к народному благу, но кто любит Бога – прямой враг народа». В этом, по мнению Франка, заложено неизбежное, метафизическое отталкивание двух мирозерцаний и мироощущений. С одной стороны, это религиозное настроение, пытающееся сблизить человеческую жизнь со сверхъестественным и абсолютным началом, найдя для нее вечную и универсальную опору. С другой стороны, настроение нигилистическое, стремящееся увековечить и абсолютизировать одно лишь «человеческое, слишком человеческое» [9, с. 106].

А так как религиозность несовместима с признанием абсолютно-го значения за земными, человеческими интересами, с нигилистическим и утилитарным поклонением жизненным благам, то, по мнению С. Франка, морализм русской интеллигенции есть выражение её *ниги-*

лизма. Но природа этого нигилизма особа. Нигилизм вообще исходит из отрицания или непризнания абсолютных, притом объективных ценностей, каковыми могут быть теоретическая или научная истина, художественная красота, объект религиозной веры или государственное и политическое могущество. И только в том случае, когда объектом стремления является благо относительное, лишенное абсолютной ценности, а именно удовлетворение субъективных человеческих нужд и потребностей, мораль – в силу некоторого логически неправомерного, но психологически неизбежного процесса мысли – абсолютизируется и кладется в основу всего практического мировоззрения.

Таким образом, умонастроение, в котором мораль не только занимает главное место, но и обладает безграничной и самодержавной властью над сознанием, лишенным веры в абсолютные ценности, можно назвать *морализмом*, и именно такой нигилистический морализм и образует сущность мировоззрения русского интеллигента [9, с. 110].

Символ веры русской интеллигенции – «благо народа», «удовлетворение нужд большинства». Служение этой цели – высшая обязанность, остальное – от лукавого. Все остальные служения – «неискоренимая слабость». В этом С. Франк усматривает одно из главных противоречий мировоззрения русской интеллигенции: столкновение религии служения земным нуждам и религии служения идеальным ценностям.

Нигилизм и морализм, безверие и фанатичная суровость нравственных требований, беспринципность в метафизическом смысле (ибо нигилизм – отрицание принципиальных оценок, объективного различия между добром и злом) и жесточайшая добросовестность в соблюдении эмпирических принципов, т. е., по существу, условных и непринципиальных требований, и есть *сущность нигилистического морализма*.

Для уяснения русского умонастроения не менее важно его специфическое понятие культуры. Культура, в общепризнанном значении, основана на вере в объективные ценности и служении им, и в этой связи может быть прямо определена как совокупность осуществляемых в общественно-исторической жизни объективных ценностей и норм. То есть культура существует не для чьего-либо блага или пользы, а лишь для самой себя, являясь сама по себе высшей ценностью человеческой деятельности. Напротив, понимание культуры русским интеллигентом отмечено печатью утилитаризма. Для него культура есть лишь некоторое средство для осуществления иной цели – именно удовлетворения субъективных жизненных нужд (строительство железных дорог, мостовых и канализации, развитие народного образования и др.).

Наиболее глубокое отражение такого мирозерцания, по мнению философа, можно найти в идеологии общественно-политического движения «русского народничества». Оно соединяет в себе все основные признаки обозначенного мировоззрения:

- нигилистический утилитаризм, отрицающий все абсолютные ценности и усматривающий единственную нравственную ценность в служении субъективным, материальным интересам «большинства» (народа);

- морализм – требование от личности строгого самопожертвования, безусловного подчинения собственных интересов делу общественного служения;

- противокультурная тенденция – стремление сократить и свести к минимуму высшие потребности во имя всеобщего равенства и солидарности в осуществлении моральных требований.

И хотя народничество представляло собой «пёстрое буйство» социально-политических теорий и программ, суть его была одна: «...его Бог есть народ, его единственная цель – счастье большинства, его мораль – служение этой цели, соединенное с аскетическим самоограничением и ненавистью или пренебрежением к самоценным духовным запросам» [9, с. 116].

Однако общий дух народничества выступает в истории русской интеллигенции в двух резко различных формах и понимается Франком как различие между «любовью к ближнему» и «любовью к дальнему» в пределах общей народнической этики:

- в форме непосредственного альтруистического служения нуждам народа;

- в форме религии абсолютного народного счастья.

Первый воплотился в образе интеллигента, который, воодушевлённый идеальными побуждениями, шёл в народ, чтобы помочь крестьянину в его текущих насущных нуждах своими знаниями и своей любовью (по мнению С. Франка, это и есть самый чистый и морально ценный плод нашего народничества). В этом типе народничества мораль выявила и воплотила все своё самое положительное и плодотворное, а именно *безусловный альтруизм*. Совершенно иной предстаёт пред нами другая разновидность – религия *абсолютного осуществления народного счастья*, которая нашла свое воплощение в форме *революционного социализма* [9, с. 117].

Согласно этой точки зрения проблема человеческого счастья есть проблема общественного устройства, а так как счастье обеспечивается материальными благами, то его достижение – это проблема распределения. Стоит лишь отнять блага у несправедливо владеющего ими меньшинства, чтобы обеспечить человеческое благополучие. Так укрепляется механически-рациональная теория счастья, которая утверждает идеал, по сравнению с коим простая личная помощь человека человеку не только бледнеет и теряет всякую моральную привлекательность, но кажется вредной растратой и даже изменой, ради немногих ближайших людей, всему человечеству и его вечному спасению. В русской исторической действительности

это нашло отражение в фактическом вытеснении либерального народничества группами воинственно настроенных сторонников террора.

В принципе, в основе социалистической веры лежит тот же утилитарный альтруизм – стремление к благу ближнего, но отвлечённый идеал абсолютного счастья в отдалённом будущем убивает конкретное нравственное отношение человека к человеку. Социалист любит уже не живых людей, а лишь свою идею – именно идею всечеловеческого счастья. Жертвуя ради идеи самим собой, он не колеблется приносить в жертву и других людей. Так в великой любви к грядущему человечеству рождается великая ненависть к реальным людям, олицетворяющим то зло, с которым он борется, страсть к устройению земного рая превращается в страсть к разрушению, а верующий народник – социалист становится *революционером*, т. е. человеком, чьим основным и внутренне необходимым средством к осуществлению морально-общественного идеала служит социальная борьба и насильственное разрушение существующих общественных форм.

Таким образом, механико-рационалистическая теория счастья предполагает, что гармоническое устройство жизни есть как бы естественное состояние, которое неизбежно и само собой установится, если будут отменены условия, преграждающие путь к нему, и прогресс не требует никакого творчества или положительного построения, а требует лишь ломки и разрушения противодействующих внешней преград [9, с. 127]. При этом психологическим побудителем и спутником разрушения является ненависть, которая превращается в глубочайший и страстный этический импульс народника-революционера.

Здесь С. Франк подходит к ещё одному важному этическому выводу: когда ненависть укрепляется в центре духовной жизни и поглощает любовь, которая ее породила, то происходит перерождение нравственности личности. Нравственность гибнет, когда отрицательные силы порицания, осуждения, негодования начинают преобладать в моральной жизни над положительными мотивами любви, одобрения, признания [9, с. 127].

Основная морально-этическая ошибка революционизма, по мнению С. Франка, заключается в *абсолютизации* начала борьбы и обусловленное ею пренебрежение к высшему и универсальному началу созидания. (Социализм и есть мировоззрение, в котором идея производства вытеснена идеей распределения – таков, прежде всего, морально-общественный дух социализма.)

Таким образом, нужно от разрушения и ненависти перейти к созиданию, основанному на любви, в самом широком смысле этого слова. Любовь к «бедным», по мнению Франка, не должна стать любовью «к бедности» и провозглашением целью жизни её упрощение и аскетическое отрицание богатства. «Русский интеллигент любит слабых, бедных, нищих телом и духом не только как несчастных, помочь которым –

значит сделать из них сильных и богатых, то есть уничтожить их как социальный и духовный тип. Он любит их именно как идеальный тип людей» [9, с. 134–135]. Его влечёт идеал простой, убогой и невинной жизни. Здесь аскетизм сталкивается с утилитаризмом и противодействует ему, создавая «неустойчивое равновесие». По Франку, классический русский интеллигент предстаёт пред нами как *воинствующий монах нигилистической религии земного благополучия*.

Так противоречие между морализмом и нигилизмом, между всеобщим, религиозно-абсолютным *характером* интеллигентской веры и нигилистически беспринципным ее *содержанием* определяет суть кризиса интеллигентского сознания.

Единственный выход из этого глубокого, а главное, практически бесплодного кризиса Франк видит в сознательном уяснении тех моральных и религиозно-философских основ, на которых лишь и могут базироваться господствующие идеи.

С. Франк считает, что русская интеллигенция при всех противоречиях своего традиционного устроения всегда обладала одним драгоценным формальным свойством: она всегда искала веры и стремились подчинить вере свою жизнь. И даже если, совершив глобальный переворот своего сознания, она перестанет быть «интеллигенцией» в привычном смысле этого слова, тем не менее она сумеет сделать шаг от производительного, противокультурного *нигилистического морализма* к творческому, созидательному, культурному *религиозному гуманизму*.

Главным принципом построения государственной и общественной жизни, по мнению С. Франка, должно стать признание неотъемлемых прав и ценности человеческой личности, ее свободы и творческой активности, невозможности любого насилия и произвола. И этот принцип должен корениться в душах людей, образуя моральные, но юридически обязательные принципы, и тогда никакой закон не в состоянии будет их изменить [7, с. 247], поскольку «духа и его исконных запросов умертвить нельзя». Франк искренне полагает, что «общество со всей своей громоздкостью, механичностью и внешней тяжеловесностью творится и приводится в движение скрытой силой некоего первичного духовного организма, лежащего в его основе. Этот первичный духовный организм есть богочеловечество, слитность человеческих душ в Боге» [5, с. 236]. Человек лишь тогда может действовать как субъект культуры, когда, проходя свой жизненный путь, «впитывает» культурные основы и традиции. Осуществляемое обществом культурное творчество «коренится в последнем счете все же в отдельных личностях и из них истекает... Величайшие идеи и помыслы рождаются только в тиши уединённой мысли мудрецов» [7, с. 178]. Лишь бескорыстный, неутилитарный поиск истины и следование красоте действительно способны обогащать культуру. «Доказывать вообще моральную ценность чего-либо невозможно; здесь есть только один путь – апелляция к нравственному чувству. И это нравствен-

ное чувство властно и внушительно говорит, что любовь к истине, справедливости, красоте, чести и прочим “призракам” обладает бесспорно и весьма высокою моральною ценностью» [8, с. 42].

В творчестве С. Франка был предложен интересный анализ сознания радикализма русской интеллигенции, позволяющий понять специфику того синтеза народнических устремлений и социалистических идей, приверженность которому сделала её активной силой революционного действия. Опираясь на наследие В.С. Соловьева, он рассмотрел формирование сознания русской интеллигенции в свете проблемы кризиса антропоцентрического гуманизма как важнейшего основания европейской постренессансной культуры и перспектив его преодоления на базе философии всеединства.

Список литературы

1. Франк С.Л. Крушение кумиров // Соч. Минск: Харвест; М.: АСТ, 2000. С. 147–244.
2. Франк С.Л. Политика и идеи: (О программе «Полярной Звезды») // Соч. Минск: Харвест; М.: АСТ, 2000. С. 81–96.
3. Франк С.Л. По ту сторону «правого» и «левого»: ст. по социальной философии // Новый мир. 1990. №4. С. 226–233.
4. Франк С.Л. Проект Декларации прав // Полярная звезда. 1906. №4. С. 243–254.
5. Франк С.Л. Реальность и человек. М: АСТ, 2007. 384 с.
6. Франк С.Л. Свет во тьме. Опыт христианской этики и социальной философии // Франк С.Л. Духовные основы общества. М: Республика, 1992. 244 с.
7. Франк С.Л., Струве П.Б. Очерки философии культуры. Культура и личность // Полярная звезда. 1905. № 3. С. 223–228.
8. Франк С.Л. Фр. Ницше и этика «любви к дальнему» // Соч. Минск: Харвест; М.: АСТ, 2000. С. 3–80.
9. Франк С.Л. Этика нигилизма (К характеристике нравственного мировоззрения русской интеллигенции) // Соч. Минск: Харвест; М.: АСТ, 2000. С. 97–144.

S.L. FRANK ON SPIRITUAL FOUNDATIONS OF THE RUSSIAN INTELLIGENTZIA WORLD OUTLOOK

E.V. Shaihet

Tver State University, Tver

Characterizing the spiritual foundations of the Russian intelligentsia world outlook, S. Frank comes to the conclusion that the intelligentsia consciousness is in the deep crisis state. Looking for its reasons, he uncovers a wide spectrum of ontological, axiological, and anthropological views forming the

crisis basis. S. Frank reveals the system of values oriented at this crisis overcoming with the core element of religious humanism opposed to nihilistic moralism.

Keywords: *intellegentzia consciousness crisis, moral values, nihilism, religious humanism.*

Об авторе:

ШАЙХЕТ Елена Владимировна – аспирантка кафедры философии и теории культуры ФГБОУ ВПО «Тверской государственный университет», Тверь. E-mail: shaihet.elena@yandex.ru

Author information:

SHAIHET Elena Vladimirovna – Ph.D. student of the Dept. of Philosophy and Theory of Culture, Tver State University, Tver. E-mail: shaihet.elena@yandex.ru

ЗАПАДНАЯ ФИЛОСОФИЯ И СОВРЕМЕННЫЙ МИР

УДК 1(091)

LA NOUVELLE THÉORIE CRITIQUE COMME THÉORIE NORMATIVE DES EXPÉRIENCES DE L'INJUSTICE

René Dorn

Université de Bordeaux, France

La Théorie Critique ne se limite ni à une analyse positiviste ou empiriste de la société, ni à une discipline scientifique, réifiée dans les pratiques ancrées dans la division du travail d'esprit scientifique, ni à une philosophie de la conscience au sens de la phénoménologie. À cet égard, la «théorie normative des expériences de l'injustice» créé par Axel Honneth pendant ses dernières années d'activités est remarquable. Le schéma idéaliste de l'éthique de Platon à Kant est remplacé par une matière de la justice sociale, fondée sur le concept concret de liberté sociale, qui dépasse chez A. Honneth la problématique de la distribution des biens et de l'injustice empiriquement observable. Honneth se tourne, comme l'avait fait autrefois Rousseau, vers une liberté qui n'est pas paisible, c'est une liberté de l'«homme policé» avec des tensions, qui est porteuse d'aporias qu'on ne peut pas résoudre au champ théorique.

Mots-clés: nouvelle théorie critique, la liberté, la responsabilité, la justice, la théorie normative des expériences de l'injustice

Le travail sur un concept philosophique, si celui-ci est entendu comme quelque chose de vivant et de vital, est fortement dépendant d'une analyse de la réalité sociale changeante et perceptible, si du moins ce travail veut avoir un sens fécond. La sociologie semble être le lieu pour une telle analyse. Malgré leur cloisonnement institutionnel, la sociologie et la philosophie sont encore étroitement reliées l'une à l'autre. On voit bien l'importance de ce fait pour l'École de Francfort, quand Adorno thématise la définition d'un concept philosophique face aux multiples formations historiques, linguistiques, religieuses et sociales de la philosophie au début de son cours sur la terminologie philosophique en Mai 1962 [5].

Le projet de l'École de Francfort prend sa forme complète si on précise que Horkheimer caractérise l'héritage philosophique tout entier comme Théorie Critique [32, p. 263]. Ce projet vise ainsi à une certaine totalité sociale avec les problèmes qui lui sont inhérents, en tenant compte de sa genèse logico-historique [10]. La totalité envisagé par la Théorie Critique est constituée par une structure immanente, qui limite les concepts et refuse l'absolu au sens de l'ancien universalisme.

On peut ainsi décrire et nommer cette activité comme une «collection des catégories» au sens d'un marxisme «hégélien» [13, p. 163]. La Théorie Critique ne se limite ni à une analyse positiviste ou empiriste de la société, ni

à une discipline scientifique, réifiée dans les pratiques ancrées dans la division du travail d'esprit scientifique, ni à une philosophie de la conscience au sens de la phénoménologie : qu'est-ce que, eu égard à cette signification de la Théorie Critique, la «théorie normative des expériences de l'injustice» mise en œuvre par Axel Honneth pendant ses dernières années d'activité? [45, p. 167]

Si on considère, avec Durkheim, qu'une règle juridique est un arrangement tout aussi permanent qu'un type d'architecture [16, p. 110], il devient plus facile, même pour un marxiste traditionnel, d'expliquer la théorie d'Axel Honneth en partant du concept de «réification». Le processus de la formation (*Bildung*) est caractérisé par une réalisation successive de la raison pratique [24 ; 43, p. 263]. Pour A. Honneth ainsi que pour Durkheim, cette formation des êtres humains est limitée par la structure des formes de vie des mœurs, qui inclut leur aspect temporel et physique, ainsi que la durée subjective et les transformations des êtres entre «foi et savoir» [15, p. 82]. Globalement nous pensons que le modèle de la réification des idées et des hommes de la Théorie Critique est dépendant d'une conception qui dénonce l'aliénation comme chez le jeune Lukács, et qui selon ses mots mêmes, nous fournit un concept d'une éthique de gauche basé sur une théorie de la connaissance de droite [34, p. 15]. Ce concept de la réification se prolonge dans la notion de «série» chez Sartre [39, p. 154]. L'avantage de ce concept, qui est une synthèse ingénieuse des pensées de Max Weber et de Karl Marx, est qu'il dévoile clairement les possibilités de la philosophie sociale selon A. Honneth [27, p. 23].

Mais malgré l'importance théorique de cette tradition de pensée, ce sont plutôt les analyses économiques d'Alfred Sohn-Rethel qui fondent, pour A. Honneth, le concept de «réification» de la Théorie Critique, même si Lukács reste toujours une figure de référence pour l'École de Francfort [27 ; 11, p. 83, 89]. Chez Sohn-Rethel, il n'y a pas de concept humaniste tel que l'aliénation avec toutes ses difficultés méthodologiques et anthropologiques que Honneth expose dans ses Tanner-Lectures [29, p. 23]. Chez Sohn-Rethel, la réification est le simple résultat de l'exploitation [44, p. 16]. Sohn-Rethel ne s'en tient pas seulement au problème matériel de la distribution des biens opposé au monde idéal de l'aliénation. Comme Georg Simmel, il se focalise sur les difficultés exclusivement philosophiques, posées par la monétarisation des valeurs. Il faut réaliser ici en dialogue avec Adorno, que la valeur elle-même est une réification hétéronome [2, p. 22]. Sohn-Rethel se concentre, pour utiliser ses propres mots, sur la «formalisation idéaliste de la réification» [44, p. 28].

Dans cette théorie de la réification, l'argent prend la place d'un *a priori* métaphysique, et le problème de la *Wertformenanalyse*, soulevé dans *Le Capital*, reste ainsi au centre de cette ambition. Son but est de démanteler les principes institutionnels de notre «monde bureaucratique» (Adorno), dit démocratique, dans lequel le problème de la distribution des biens peut être

considéré comme une expression institutionnalisée du mépris social au sens d'A. Honneth [19, p. 114].

Si on prend la réification dans ce sens large, il convient d'ajouter le topos de la société de gaspillage, décrite par Hannah Arendt et Günter Anders, pour retracer historiquement la pensée d'A. Honneth. Arendt a entrevu le problème de la destruction capitaliste comme un possible stimulateur de l'accumulation de richesses. Avec l'exemple de l'Allemagne évoqué dans son livre *Condition de l'homme moderne*, elle a annoncé un déclin des sphères publiques et privées. Selon elle, la dépréciation (des choses) du monde lors de la Deuxième Guerre Mondiale est la marque d'un processus sociétal qui a transformé les États-nations en sociétés de gaspillage [8, p. 252–257]. Cette idée a constitué le point de départ d'une retransformation de la Théorie Critique par Jürgen Habermas dans *L'espace public: archéologie de la publicité comme dimension constitutive de la société bourgeoise* [21, p. 18].

Habermas pense qu'Arendt a développé un concept novateur de totalitarisme, en partant de la théorie de la communication [22, p. 47]. Une nouvelle forme de philosophie sociale est née, qui réactualise l'ancienne controverse entre sociologie et philosophie. En outre, Habermas et Karl Otto Apel ont introduit la dimension sémiologique du langage, inspirée de Peirce et de Gadamer, dans la Théorie Critique, en développant une logique et un style d'histoire de la philosophie largement dérivés de l'École de Marbourg qui a formulé une «logique de reconstruction» avant [36].

Par cette conversion de la Théorie Critique, le glas de l'âge du marxisme a sonné avec le célèbre retour à Kant, une impulsion qui était certainement surestimé par un grand nombre de critiques. Au contraire, cette conversion a conservé les éléments importants du Marxisme comme une «bouteille à la mer» pour utiliser une expression de Horkheimer et Adorno.

Le projet husserlien de faire de la philosophie un fondement normatif pour toutes les sciences est ici réorienté vers une question éthique et non plus épistémologique comme chez le jeune Husserl – et la question de savoir si le Matérialisme Historique et la Théorie Critique sont capables de produire un tel fondement reste ouverte pour l'avenir.

Ce retour à Kant apparaît comme un résultat pessimiste de la théorie sociale esquissé par Kant dans *Qu'est-ce que les Lumières?*, que les «anciens Francfortois» ont appelé le *Verblendungszusammenhang*, terme difficile à traduire qu'on peut rendre en français par «contexte d'aveuglement». Ce potentiel figure comme une contrepartie irrationnelle de la «ruse de la raison» hégélienne chez Horkheimer et Adorno, et il joue encore un grand rôle chez Habermas et Honneth. Cette proclamation d'un «aveuglement» universel de la société ne relève pas du snobisme d'un intellectuel qui se méfie du «vulgus», de la «populace», ou des sciences, mais il repose sur la conviction que le sujet est véritablement capable de libérer sa conscience aliénée par une société oppressante. Ici il ne s'agit pas seulement d'une explication mais,

comme Pierre Bourdieu l'a remarqué dans ses *Médiations pascaliennes*, d'un «véritable travail de contre-dressage» [14].

Pour les Francfortois, le *Verblendungszusammenhang* est l'expression de l'industrie culturelle, à laquelle la conscience individuelle doit s'adapter [6, p. 394]. De ce point de vue, la nature immanente – cet abîme de la raison finie selon l'expression de Hegel [23, p. 100–123] – n'est rien d'autre qu'une cicatrice résultant de la mutilation sociale [4, p. 168]. Dans cette mutilation omniprésente de la société, le critique apparaît comme une «existence irréaliste» selon Adorno [4, p. 45], et le travail de chercheur dans le domaine des sciences humaines devient ainsi un «risque pour la vie» [40]. La situation des individus vivant dans la société mutilée est décrite métaphoriquement en ces termes dans la *Dialectique de la raison* : «Dans les dessins animés, Donald Duck reçoit sa ration de coups comme les malheureux dans la réalité, afin que les spectateurs s'habituent à ceux qu'ils reçoivent eux-mêmes» [6, p. 168].

A. Honneth évoque pour sa part une intention normative qui demande une «justice de restitution» [31, p. 27]. La répression de la société devient synonyme de limitation de l'expérience et de «restriction du sens» [35, p. 220]. A. Honneth, cette fois sous l'influence de Kracauer, Foucault et Althusser, ajoute à cette formule de Herbert Marcuse que ces « prémisses conceptuels » sont un dispositif qui nous emprisonne comme une partie de la nature, de laquelle nous sommes incapables de nous séparer [28, p. 224]. Pour Honneth, il existe un exemple contemporain des visions les plus noires du *Verblendungszusammenhang* en Europe, et c'est l'Italie de nos jours [26, p. 556]. Dans ces conditions, la remarque de Kracauer, selon laquelle d'autres «pouvoirs sociaux demandent un appel à d'autres forces», peut constituer un point de départ philosophique pour notre cas [33, p. 569].

Le facteur subjectif corrélé avec la tendance objective est, selon Bloch, «la riposte contre le mauvais existant» et contre la fatalité qui l'accompagne [12, p. 789]. Cette attitude remplace la vision d'un sujet brisé produite par le *Kulturpessimismus* de l'Entre Deux Guerres en Allemagne.

Le prototype du «sujet» de la Théorie Critique se trouve finalement établi par Adorno dans sa *Dialectique Négative*. Le vieux Lukács rejoint également avant sa mort un matérialisme non-orthodoxe, en proposant un cheminement ontologique de l'être social du sujet. Finalement, la philosophie sociale en général a toujours été guidée par cette idée kantienne d'accéder à la réalité pratique par une théorie qui fonde ses concepts entre logique et histoire. Le résultat de la Théorie Critique, le catalogue des catégories qui apparaît à la fois kantien et hégélien à l'origine, n'est pas seulement limité par l'interdépendance entre philosophie et sociologie mentionnée plus haut. Il est aussi soumis aux limites de la «critique de la critique». On peut constater que la métaphysique disparaît graduellement sous l'effet de cette critique de la critique sans disparaître complètement, si on regarde par exemple le jeune Adorno, qui veut sauver «le droit critique de la philosophie transcendantale»

avec une critique psychanalytique de Kant [1, t. I, p. 307]. Il définit cette philosophie comme une «analyse empirique de la conscience» – qui se fixe pour ambition d’obtenir des légalités idéales.

La phénoménologie et la psychanalyse comme paradigmes isolées sont finalement réfutés en faveur de la sociologie par le vieux Adorno [1, t. VIII, p. 80]. Günther Anders avait déjà constaté de son côté que les analyses de la conscience de Husserl sont trop focalisées sur le moi connaissant [7, p. 67].

Erich Fromm, l’un des premiers représentants de l’École de Francfort, critique l’absence complète de la psychanalyse dans l’étude empirique sur la «personnalité autoritaire» avec laquelle lui-même avait commencé avant la Guerre [20, p. 102].

Trente ans plus tard, A. Honneth pose la problématique d’une théorie sociale d’inspiration hégélienne, qui réintègre la psychanalyse aux projets philosophiques de l’École de Francfort dans son livre *Das Ich im Wir*. Sa théorie associe l’approche empiriste de la société, la philosophie matérialiste et la psychanalyse, pour arriver à une définition de l’activité de l’intellectuel qui ne suit pas entièrement l’ancienne Théorie Critique.

Toute cette discussion vivante et collective empêche que la Théorie Critique ne devienne une science pure, parce qu’elle «introduit un savoir qui va au-delà de la réalité donnée» comme l’écrit A. Honneth [30, p. 10]. En explicitant les possibilités d’une société non encore réalisée, la Théorie Critique évite de stagner à un stade doctrinaire de la métaphysique [41, p. 62].

La philosophie n’est qu’un moment de la société, dont la métaphysique est la vicissitude [3, p. 9], et elle devient en même temps plus que cela, si on pense à la relation entre métaphysique et société évoquée par Aristote [9]. La division du travail académique dans une société différenciée nécessite selon Oppenheimer, une sociologie indépendante, mais non pas «pure» comme le demande Lester Ward – il constate que la division du travail a formé des «artisans d’esprit spécialiste», mais que cette différenciation est aussi un processus d’intégration [37, p. 130] – un concept fondamental pour la théorie de l’individuation de M. Honneth, qui pense avec Foucault que «l’ordre de la connaissance ait transformé en ordre du pouvoir social» [30, p. 153]. Ce fait souligne, que la théorie et la praxis sont indissociables l’une de l’autre pour la Théorie Critique. Dans cette mesure, ses concepts vont au-delà de les ontologies régionales des sciences ainsi que les idéologies particulières. Ce non-conformisme modéré essaye de s’affranchir d’une identité prise dans ce *Verblendungszusammenhang*, sans se perdre dans un solipsisme de la conscience subjective, un pessimisme Nietzscheen ou un positivisme banal [38, p. 167].

Le schéma idéaliste de l’éthique de Platon à Kant est remplacé par une matière de la justice sociale, fondée sur le concept concret de liberté

sociale, qui dépasse chez A. Honneth la problématique de la distribution des biens et de l'injustice empiriquement observable [25, p. 53].

La «pureté» de cet idéal sert en tant que norme, comme un outil d'orientation, mais ni l'expression, ni la production d'une telle norme ne peut être pure [42, p. 109].

Même chez un philosophe de la théorie comme Wittgenstein, la pensée est explicitement action [47, p. 550]. Sous cet angle de l'action émancipatrice en philosophie, A. Honneth analyse ce refus de «pureté» dans le cas de l'herméneutique développée par Habermas [30, p. 226].

Ces deux maîtres participent, tout le monde le sait, à une discussion qui est profondément ancrée dans l'histoire de la philosophie. On peut mentionner, par exemple, la définition de la normativité dans les *Recherches logiques* de Husserl et à sa construction ultérieure de l'intersubjectivité, qu'A. Honneth traite de manière critique avec l'idée de l'autonomie décentrée développée dans *Unsichtbarkeit* et dans *Die Zerissene Welt des Sozialen*. Cette idée rend possible l'intégration des points de vue éthiques différents dans une même personne sous l'angle de la tolérance selon Rainer Forst [18, p. 514].

Il s'agit alors d'une forme et une proclamation de liberté qui détermine partiellement la personne et son comportement. A. Honneth se tourne, comme l'avait fait autrefois Rousseau¹, vers une liberté qui n'est pas paisible, c'est une liberté de l'«homme policé» [17, p. 55] avec des tensions, qui est porteuse d'apories qu'on ne peut pas résoudre au champ théorique [46, p. 168].

Pour conclure, on peut constater que la Théorie Critique elle-même est devenue une «théorie normative» politisée, le programme de l'École de Francfort a gagné en consistance par la confrontation et l'intégration de multiples paradigmes, ce en quoi A. Honneth est un exemple par excellence.

Bibliographie

1. Adorno Th. *Gesammelte Schriften*. Francfort-sur-le-Main, 1973–1990.
2. Adorno Th. Introduction à: Durkheim E. *Soziologie und Philosophie*. Francfort-sur-le-Main, 1976.
3. Adorno Th. *Metaphysik*. Francfort-sur-le-Main, 2002.
4. Adorno Th. *Minima Moralia*. Francfort-sur-le-Main, 1951.
5. Adorno Th. *Philosophische Terminologie*. Francfort-sur-le-Main, 1973. T. 1.
6. Adorno Th./ Horkheimer M. *Dialektik der Aufklärung*. Francfort-sur-le-Main, 2008.
7. Anders G. *Die Antiquiertheit des Menschen*. Munich, 1961. T. I.
8. Arendt H. *The Human Condition*. Chicago, 1988. P. 252–257.
9. Arist. *Meth. Phys.* 981b.

---

¹ Dans l'annotation du chapitre neuf du deuxième livre du *Contrat social*.

10. Bedeschi G. Introduzione a la Scuola di Francoforte. Rome, 1985. Ch. VI. P. 95–110.
11. Bensele F.; Jung W. (ed.), Lukacs 1998/99. Paderborn: 1999.
12. Bloch E. Das Prinzip Hoffnung. Francfort-sur-le-Main, 1976. T. II.
13. Bloch E. Subjekt-Objekt. Francfort-sur-le-Main, 1977.
14. Bourdieu P. Méditations pascaliennes. Chap. 5, Une contrainte par corps. Paris, 1997.
15. Bouton C. Temps et Esprit dans la philosophie de Hegel. Paris, 2000.
16. Durkheim E. Les règles de la méthode sociologique. Paris, 2010.
17. Fetscher I. Rousseaus politische Philosophie. Zur Geschichte des demokratischen Freiheitsbegriffs. Francfort-sur-le-Main, 2009.
18. Forst R. Toleration in Conflict. Cambridge, 2013.
19. Fraser N.; Honneth A. Redistribution or Recognition? Londres, 2004.
20. Fromm E. Anatomie der menschlichen Destruktivität. Reinbeck/Hambourg, 1977.
21. Habermas J. Im Sog der Technokratie. Francfort-sur-le-Main, 2013.
22. Habermas J. Strukturwandel der Öffentlichkeit. Francfort-sur-le-Main, 1990.
23. Hegel G. Werke. Berlin. 1834, t. IV.
24. Honneth A. Between hermeneutics and Hegelianism: John McDowell and the challenge of moral realism.
25. Honneth A. Das Ich im Wir. Francfort-sur-le-Main, 2010.
26. Honneth A. Das Recht der Freiheit. Francfort-sur-le-Main, 2013.
27. Honneth A. Disrespect. Cambridge, 2007.
28. Honneth A. Pathologien der Vernunft. Francfort-sur-le-Main, 2007.
29. Honneth A. Reification. Oxford, 2008.
30. Honneth A. The Critique of Power. Cambridge, Mass., 1991.
31. Honneth A., Menke Ch. (ed.). Theodor W. Adorno. Berlin, 2006.
32. Horkheimer M. Traditionelle und Kritische Theorie. Francfort-sur-le-Main, 1992, Nachtrag.
33. Kracauer S. Von Caligari zu Hitler. Francfort-sur-le-Main, 1984.
34. Lukacs G. Theorie des Romans. Neuwied, 1971.
35. Marcuse H. Der Eindimensionale Mensch. Neuwied, 1967.
36. Natorp P. Philosophie. Ihr Problem und Ihre Probleme. Göttingen, 1911.
37. Oppenheimer F. System der Soziologie. Jena, 1922. T. 1.
38. Plessner H. Gesammelte Schriften. Francfort-sur-le-Main, 2003. T. V.
39. Sartre J.-P. Critique de la raison dialectique. Paris. 1960. T. I.
40. Schmidt A. Genötigt, scharf zu denken, dans : Frankfurter Allgemeine Zeitung, 14.11.2011.
41. Schnädelbach H. Philosophie in der modernen Kultur. Francfort-sur-le-Main, 2000.
42. Simmel G. Soziologie. Berlin, 1908.
43. Smith N. Reading McDowell. London, 2002.

44. Sohn-Rethel A. Warenform und Denkform. Francfort-sur-le-Main, 1971.
45. Therborn G. From Marxism to Post-Marxism? Londres, 2008. Ch. 3.
46. Von Wolzogen Ch. Die Autonome Relation. Würzburg, 1984.
47. Wittgenstein L. Werksausgabe. Francfort-sur-le-Main 1984. T. I.

НОВАЯ КРИТИЧЕСКАЯ ТЕОРИЯ КАК НОРМАТИВНАЯ ТЕОРИЯ ОПЫТА НЕСПРАВЕДЛИВОСТИ

Р. Дорн

Университет г. Бордо, Франция

Критическая теория не сводится ни к позитивистскому или эмпиристскому анализу общества, ни к научной дисциплине, овеществленной в практиках, которые укоренены в разделении труда в научном духе, ни к философии сознания в смысле феноменологии, и в этом отношении примечательна «нормативная теория опыта несправедливости», созданная Акселем Хоннетом в последние годы его деятельности. Схема идеалистической этики от Платона до Канта заменена тематикой социальной справедливости, основанной на конкретном понятии социальной свободы, которая превосходит в его понимании проблематику распределения эмпирически наблюдаемых благ и несправедливости. Хоннет обращается, как некогда делал Руссо к свободе, которая не является безмятежной, это свобода «человека под полицейским надзором» вместе с противоречиями, порождаемыми апориями, которые нельзя разрешить в теоретическом поле.

Ключевые слова: *новая критическая теория, свобода, ответственность, справедливость, нормативная теория опыта несправедливости.*

Об авторе:

ДОРН Рене – докторант Университета Бордо, Франция. E- mail: rene.dorn@laposte.net

Author information:

DORN René – Ph.D. student of the Philosophy Dept., University of Bordeaux, France. E- mail: rene.dorn@laposte.net

УДК 1(091)

«ИСТОРИЧЕСКИЙ СЛОВАРЬ ФИЛОСОФИИ» КАК ВОПЛОЩЕНИЕ ФИЛОСОФСКОЙ ИСТОРИИ ПОНЯТИЙ В ФРГ ВО ВТОРОЙ ПОЛОВИНЕ XX ВЕКА

А.В. Горобий

ФГБОУ ВПО «Тверской государственный университет», г. Тверь

Рассматривается развитие истории понятий как особого направления в современной немецкой философии, корни которого, однако, уходят еще в эпоху Просвещения. Во второй половине XX в. воплощением поворота немецких философов к изучению понятий стал «Исторический словарь философии», в котором нашли отражение взгляды не только редактора Йоахима Риттера и его коллег, но и других влиятельных мыслителей – Эрика Ротхакера, Ханса-Георга Гадамера и Ханса Блюменберга.

Ключевые слова: история понятий, немецкая философия, философия языка, герменевтика, метафорология, словари.

История понятий несмотря на определенное программное единство, является чрезвычайно многообразным направлением немецкой мысли, постепенно распространяющимся на все новые академические дисциплины. Колыбелью данного направления была философия: еще на рубеже XVIII–XIX вв. Вильгельм Трауготт Круг, Христиан Август Брандис, Иоганн Якоб Брукер, Иоганн Готтфрид Гурлитт и другие мыслители говорили о необходимости изучать историю философских понятий. Однако лишь в первой половине XX в. увядание идеалистически-картезианской традиции открыло путь для полноценного рассмотрения истории философии через призму истории понятий. После Второй мировой войны дополнительный импульс истории понятий был придан необходимостью переосмысления прошлого Германии и поиска в нем неких идеологически нейтральных опор. Пристальное внимание к языку соответствовало духу времени и привело к конституированию истории понятий в качестве самостоятельного интеллектуального направления. «Исторический словарь философии» [1] стоял в центре этих тенденций и сейчас широко используется в Германии как концептуальная основа для дальнейших исследований по истории понятий. В нашей стране данный словарь известен несколько больше, чем другие труды по истории понятий, – благодаря рецензиям А.В. Гулыги и И.С. Андреевой [2; 3]. Разумеется, указанные обзорные рецензии являются лишь первыми шагами к изучению идейного богатства словаря. В связи с этим цель данной статьи – проанализировать «Исторический словарь философии» в качестве олицетворения поворота немецкой философии к изучению истории понятий. Названная цель достигается посредством решения двух задач:

– изучение идейных основ (истоков) «Исторического словаря философии»;

– анализ реализации этих основ в словаре, рассмотрение его ключевых положений.

Начиная с 1920-х гг. в немецком философском сообществе нарастала критика «Словаря философских понятий» Рудольфа Айслера (первое издание в 1899 г.) [4] и высказывались идеи «исторической и системной переработки на высоком научном уровне пока недостаточно исследованных материалов... поскольку словарь Айслера в его нынешней редакции не выдерживает конкуренцию с зарубежными энциклопедиями» [6, s. 704]. Одним из главных оппонентов выступил философ и социолог *Эрих Ротхакер* (1888–1965), который, требуя повышения научного уровня словаря, не отступал, однако, от традиционных целей философских словарей, а именно от защиты философии от релятивизма и сиюминутных тенденций. Он критиковал словарь Айслера за то, что «небрежная масса цитат» заслоняет «идею истории понятий как истории исторического сознания»; призывал к «удовлетворительному описанию культурно-философских базовых понятий» и к использованию для истории понятий методологии и результатов исследований по общей истории, теологии, истории литературы и искусств, т. е. проектировал синтез понятийной и проблемной истории. Ротхакер указывал, что многослойность историко-филологически тщательно разработанной истории всей философско-мировоззренческой и культурной терминологии должна послужить основой для прояснения заключенных в понятиях проблем, которые имеют свою собственную историю, скрытую под слоем истории терминологии. Он допускал только критический подход к истории понятий, так как свою историю имеют не собственно понятия, а термины и проблемы. Прояснение их истории способно открыть всю европейскую философскую и духовную историю с ее хронологическими и идейными коннотациями, выявить «проблемы, апории, типологию и диалектику философской мысли в целом». Кроме того, история понятия может внести вклад в языкознание, которое во многом остается привязанным к структуре языка [5]. После Второй мировой войны идеи переработки словарей продолжали жить во многом благодаря Ротхакеру, начавшему издавать журнал «Архив истории понятий».

Взгляды Ротхакера на историю понятий связаны с влиянием философии жизни Дильтея. В частности, Ротхакер считал познание выражением «творческой жизненной силы», т. е. экзистенциальный интерес обеспечивает связь между субъектом и предметом познания. Связующим звеном между ними является язык. В зависимости от особенностей «глубинных слоев личности» каждого человека в языке конструируются разные мировоззрения, стили жизни и культурные миры, наполненные символическими формами. Выраженное в языке мировоззрение позволяет осмысливать проблемную историю человеческих общностей, что, в свою очередь, порождает критику содержательных сторон мировоззрения.

Впервые программу нового словаря философ *Йоахим Риттер* (1903–1974) изложил в своей статье 1964 г.: «Айслер исходил (пусть и не всегда последовательно) из убеждения в том, что в основу словаря может быть положен некий комплекс понятий, представляющий современную философию при четком отграничении от ее предшественников. Сейчас развитие философии сделало это убеждение устаревшим. Принципиально изменилось отношение философии к своему прошлому. Греческая философия, патристика, схоластика, спекулятивные теории Нового времени, в особенности немецкий идеализм, стали частью современного философского образования, раздел между системной философией и историей философии стал проницаемым... Новый словарь должен быть открыт этим тенденциям развития философии в немецкоязычном пространстве, однако он не должен на программном уровне отдавать предпочтение какому-то одному виду философии, поскольку еще совершенно неясно, к какому результату приведет противопоставление “картезианской” и “исторической” модели философии» [6, s. 704–708].

В качестве единственной программной цели нового словаря Риттер провозгласил историю понятий: «История понятий, коренящаяся в постановке философских вопросов и отнюдь не чуждая философским исследованиям, еще только зарождается» [6, s. 705]. По мнению Риттера, история понятий должна прояснить спорный вопрос о соотношении понятий, слов, значений слов и предметов. Путеводной нитью для статей словаря должна быть история понятийных значений слов: свидетельства их употребления философами и их действительности позволяют перейти к изучению предметов, обозначаемых понятиями. В словаре философия должна быть показана «в горизонте своей истории и своего происхождения» [там же].

При этом Риттер опирался в основном на двух авторов – Ханса Блюменберга и Ханса-Георга Гадамера. В частности, Риттер цитировал мысль Блюменберга о том, что идеально разработанная картезианская система философии будет означать конец интереса к истории понятий, но и конец самой философии, поскольку всё её существование сведется к несению груза традиций – настолько пестрого, что он будет не поддаваться осмыслению [7, s. 7–8].

Еще в 1924 г. будущий основатель философской герменевтики *Ханс-Георг Гадамер* (1900–2002) отверг представление о вечной вневременной природе проблем, характерное для Николая Хартманна, и противопоставил ему положение об изменчивости и зависимости проблем от позиции субъекта по отношению к бытию (*Dasein*). Чистая проблемная история превращается в герменевтическую проблемную историю и порождает герменевтическую историю понятий, связанную с действительностью исторического бытия. Философская система, понимаемая как система проблем, пребывает в контексте человеческого существования и его истории: «Не там имеют место одинаковые пробле-

мы, где, как кажется, историческое самосознание вызывает употребление одинаковых слов и понятий, а там, где – даже при совершенно разном понятийном языке – обнаруживается тождественная духовная традиция и представление о бытии» [8, s. 56, 62, 69].

В 1950-х гг. Гадамер руководил Комиссией сената Немецкого научно-исследовательского общества (DFG) по исследованиям истории понятий и инициировал междисциплинарно-ориентированную историю понятий, нацеленную на прояснение «базовых понятий философии и других наук в процессе обмена между представителями отдельных наук и философии».

В 1960 г. был опубликован основной труд Гадамера «Истина и метод», во вступлении к которому философ уделяет значительное внимание истории понятий. Он заявляет, что природа истины, бытующей в философии, искусстве и истории, «превосходит» возможности контроля со стороны методов, считающихся научными. Следовательно, легитимность этой истины гуманитарных наук не может обосновываться методами, свойственными естественным наукам и ошибочно возведенными в ранг универсальных средств верификации. Гадамер перерабатывает теологическое учение о герменевтике, однако провозглашает её не ещё «одним из методов», а средством достижения согласия между различными гуманитарными дисциплинами о том, что их объединяет и что есть истина. Под герменевтикой он понимает не искусство толкования текстов, а постоянную рефлексию над процессом понимания. Поскольку предметом понимания, как правило, являются элементы предания, Гадамер считает рефлексию над понятиями в их исторической обусловленности предпочтительным путем самопознания философии.

В результате Гадамер приходит к утверждению истории понятий в качестве фундамента поиска истины в гуманитарных науках: «Размышление о том, чем является истина в науках о духе, не должно стремиться к мыслительному выделению самого себя из исторического предания, связанность которым сделалась для него очевидной. Такое размышление должно, следовательно, поставить себе самому требование, добиться от себя наивозможной исторической ясности своих собственных посылок. Стремясь понять универсум понимания лучше, чем это кажется достижимым, если исходить из понятия познания, выработанного современной наукой, оно должно искать также и иного отношения к тем понятиям, которыми оно само пользуется... Таково новое критическое сознание, неизбежно сопровождающее отныне всякое ответственное философствование и выводящее те языковые и мыслительные привычки, какие складываются у отдельного человека в процессе коммуникации с окружающим его миром, на суд исторической традиции, которой мы все принадлежим» [9, с. 37–38]. Вероятно, это самое серьезное обоснование необходимости и значимости истории понятий для философии. Гадамер видит в истории понятий не только философскую

основу гуманитарных наук, но и полагает, что история понятий вберет в себя прежние принципы и функции герменевтики.

В 1971 г. вышел первый том *«Исторического словаря философии»* под редакцией Йоахима Риттера, Карлфрида Грюндера и Готтфрида Габриэля. Составители словаря отказались от единой теории и методологии по прагматическим соображениям – с тем, чтобы словарь был не столько новаторским, сколько практичным вспомогательным средством для исследователей. В предисловии к первому тому Йоахим Риттер очень осторожно пишет о методологических и герменевтических основаниях словаря – о «самореализующемся развитии духа» и о том, что «философия через изменение своих исторических позиций, через противопоставление школ и направлений постоянно разворачивает себя как вечная философия (*philosophia perennis*) и воплощает имманентный для нее принцип разумного постижения» [10, s. VII].

В вопросе о предмете словаря Риттер акцентирует необходимость лексикографически сдержанного определения понятий в особенно объемных статьях, предметом которых являются «ведущие понятия» (*Leitbegriffe*) философии и в которых проблемы семантических изменений понятий предстают в особенно комплексном виде. Риттер предпочитает использовать многозначную категорию «понятийное слово» (*Begriffswort*) [10, s. X]. В первом томе словаря есть статья «Понятие», а в ней раздел «Понятие и слово». Автор подраздела Юрген Миттельштрасс рассматривает соотношение понятия и слова не исторически, а логико-прагматически в русле «методического конструктивизма» Пауля Лоренцена: понятия образуются «из нескольких слов, а именно предикатов, посредством логической операции абстрагирования» [11, s. 786].

Риттер предпочел не заимствовать у Гадамера полностью его амбициозную программу истории понятий, а ограничиться более скромной цитатой, относящейся к рассуждениям Гадамера о складывании понятия «образование» (*Bildung*) во времена Гёте: «Понятие образования помогает наиболее отчетливо ощутить, как глубока духовная эволюция, позволяющая нам все еще чувствовать себя как бы современниками Гёте и, напротив, заставляющая уже век барокко считать доисторическим временем. Наиболее значимые понятия и обороты речи, которыми мы привыкли оперировать, приняли свой облик именно в этом процессе, и тот, кто не желает заниматься языком, отдаваясь на волю его стихии, а стремится обрести самостоятельное и обоснованное понимание истории, обнаруживает, что вынужден переходить от одной проблемы из области истории слов и понятий к другой» [9, с. 45].

Далее Риттер отвергает «антикварное» отношение к понятиям и обращает внимание на «историческую многослойность предмета философии». Он приветствует «критическую рефлексия, которая противостоит абстрактному толкованию понятий и доводит до сознания читателя исторический характер и образование (*Prägung und Bildung*) поня-

тий» [10, s. VII–VIII]. В этом слышится неокантианский императив (озвученный Вильгельмом Виндельбандом) к достижению примиряющего баланса между истоками и современными нормами, между историзмом и презентизмом в истории философии. Составители словаря надеялись смягчить противоречия между картезианско-системной философией и историей философии: «История понятий подвержена опасности релятивирующего историзма – опасности затушевывания системной стороны понятий в пользу их привязки ко времени и опасности зависимости определений понятий от исторического горизонта. Она отвергает историческое суживание понятий. Изучение истории понятий делает их пригодными для философской рефлексии и создает достаточно прочную основу для их строгого использования. Тем самым могут быть преодолены траншеи, отделяющие историзм и нормативную семантику» [12, s. 799].

Также по прагматическим соображениям в словарь не были включены метафоры, присутствие которых означало бы представление истории понятий в совершенно новом свете и сделало бы основы проекта весьма шаткими. «Издатели с тяжелым сердцем были вынуждены отказаться от включения в номенклатуру словаря метафор и метафорических оборотов, хотя они хорошо осознают, что именно метафоры, как показал Х. Блюменберг, противостоящие понятийному анализу, имеют свою историю в более радикальном смысле, чем понятия, и ведут нас к познанию “субстрата мысли”, который является “питательной средой кристаллизации систем”. Причиной отказа было сознание того, что при нынешнем состоянии знаний описание метафор станет для словаря непосильной задачей» [10, s. IX].

В своей статье 1957 г. Ханс Блюменберг (1920–1996) утверждал, что значение обновленной истории понятий для философии состоит в сосредоточении исследовательского интереса именно на слое метафор: «Если симптомы нас не обманывают, то в философии намечается оживление исследований по истории понятий. Причины этого различны – это и осознание бесполезности массового изобретения новых понятий в течение последних десятилетий, и нарастающая сложность достижения взаимопонимания между философами, и развитие программы истории понятий в теологии. Если давно заброшенная история понятий вновь выступит на авансцену, то, прежде всего, необходимо будет пересмотреть структуру “философских понятий” по сравнению с прежними взглядами... Представление о том, что философский логос “преододел” дофилософский миф, сузило наше понимание философской терминологии. Наряду с понятиями в строгом смысле этого слова – имеющими свое определение и опирающимися на то или иное мировоззрение – существует широкий круг мифических трансформаций, метафизических условий, которые выражаются в многообразной метафорике. Эти элементы в их “агрегатном состоянии” более пластичны, восприимчивы к

невыразимому, менее подвержены давлению традиций. Здесь часто находит выражение то, что в устоявшихся системах остается незамеченным» [13, s. 432].

Далее Блюменберг вводит понятие «абсолютные метафоры», которые являются «основным резервом философского языка, который не поддается переводу в Фактическое, Логическое» [7, s. 9]. Поскольку абсолютные метафоры невозможно выразить посредством определенных понятий, постольку история понятий в трактовке Блюменберга означает смещение исследовательского интереса с понятий на метафоры – «на то, как метафоры заменяют, дополняют друг друга или как одна метафора выступает символом другой метафоры. Абсолютные метафоры имеют свою историю в более радикальном смысле, чем понятия, поскольку историческое изменение той или иной метафоры раскрывает метакинетическую смысловых горизонтов и картин мира, в рамках которых понятия, в свою очередь, претерпевают изменения» [там же, s. 11].

При характеристике философских взглядов самого Риттера необходимо учитывать влияние его учителя *Эрнста Кассирера (1874–1945)*. Еще до Второй мировой войны Риттер проявлял интерес преимущественно к истории философии, к проблеме сочетания преемственности и разрывов в ней. После войны он создает философскую теорию эпохи модерна, в центр которой помещает понятие «раскол» (*Entzweiung*) – это раскол между индивидом и буржуазным обществом. Современный мир, включая буржуазное общество, «абстрактные» права, индустриальный способ производства, естественные науки и технику, возник как разрыв с прежними жизненными укладами и мировоззрениями. Человек впервые получает возможность освободиться от господства природных сил и традиционных социальных связей, однако это освобождение зачастую происходит путем чистого отрицания, деисторизации и «расколдовывания» (*Entzauberung*) человеческого существования. Раскол современного мира закрепляется расколом философии на две области – субъективную нормативную этику и теорию государства и права, в позитивистском ключе изучающую внешние институциональные формы жизни.

Риттер считал философию исходным и конечным пунктом всех наук, поэтому преодоление раскола философии должно, по его мысли, помочь преодолеть и раскол современного мира. Гуманитарные науки и искусство могут компенсировать оторванность индивида от коллектива. Гуманитарные науки – это средство «поддержания исторического и духовного мира открытым для современного общества» [14, s. 377]. Риттер стремился не консервировать то, что справедливо ушло в прошлое, а «осовременивать» то, что несправедливо забыто. В этом смысле интерес философии к своей истории – это интерес к забытым вариантам решений системных вопросов.

Риттер видел первую задачу практической философии не в изобретении моральных норм или политических институтов, а в «герменевтике исторического мира» – понимании конкретно-исторической действительности с точки зрения имманентного ей разума. Соответственно Риттер констатирует еще один «раскол» – на этот раз раскол между системной философией и историей философии. Он признавал, что философия есть системная, а не историческая дисциплина, поэтому она не может быть тождественна истории своих понятий. Однако философский дискурс заключается не столько в обосновании (и критике) апофантических суждений, сколько в обосновании (и критике) категориальных различий. Именно для различий история понятий предоставляет богатый герменевтический материал. Представление вещей в новом свете, т. е. проведение новых различий, является двигателем не только философии, но и других сфер знания, вплоть до естественных наук. Таким образом, история понятий предстает как средство преодоления раскола философа с перспективой разрешения проблем современного общества.

Вклад Риттера в философию наряду с историей понятий связывается с «реабилитацией практической философии» и «либерально-консервативным обоснованием федеральной республики». Так называемая «школа Риттера» охватывает широкий круг современных философов, среди которых Э.В. Бёкенфёрде, В. Гёрдт, К. Грюндер, Х. Люббе, О. Марквард, Г. Рормозер, В. Шмидт-Биггеман, Р. Шпэман и др.

Издатель «Исторического словаря философии» Карлфрид Грюндер отмечал в предисловии к 4-му тому: «История понятий не имеет такой основы, как классическая филология, и таких надежных и удобных методов. У нас нет фонда подготовительных исследований понятий или хотя бы самых важных из них, которые требовалось бы лишь свести воедино. Количество авторов, которые изучают понятия и могут внести вклад в редактирование каждого тома, растет, но все еще невелико» [1, Bd. 1, s. 5]. Грюндер также отмечает многообразие форм и уровней исследований – от монографий до коротких заметок, из-за чего в прагматическом смысле пока можно говорить не об истории понятий, а только об истории слов. В этой связи разумным представляется выбор издателями заголовка «Исторический словарь философии», а не «Исторический словарь философских понятий».

В статье «История понятий» в первом томе словаря ее автор Хельмут Майер указывал, что история понятий ныне достигла статуса самостоятельной дисциплины в рамках философии и представляет собой «методический инструмент теоретической философии». Самоосмысление истории понятий ещё не закончилось, её задачи и функции окончательно не сформулированы. История понятий дополняет теоретическую философию, но никак не заменяет ее. Она представляет собой не просто пропедевтику философии, не простое собрание исторического материала в виде словарей, а интегральную часть самой философии в

том смысле, что последняя может успешно постигать общественно-историческую и природную действительность только посредством исторически обоснованного употребления понятий, значения которых однозначно прояснены и систематизированы [12, с. 788–789].

Современные исследователи критикуют словарь в первую очередь за теоретико-методологическую неопределенность и непоследовательность. Первоначально предполагался всего лишь трёхтомный словарь. Для него была разработана обширная подробная номенклатура, и это означало, что статьи будут очень маленькими, вмещающими только определение термина и несколько важнейших цитат. Первые тома «Исторического словаря философии», насчитывающие по 500 статей (в 12-м томе их только 250) и делающие акцент на латинских и греческих терминах, демонстрируют, в сущности, повторение подхода Айслера: в словаре документировалась история употребления философских терминов, а не излагалась история понятий. Тот факт, что история многих терминов выводилась из античности и затем излагалась в строго хронологическом порядке, создавал иллюзию непрерывности истории понятий, затушевывал случаи разрывов, пробелов, замены одних понятий другими. Отсутствие единой программы привело к тому, что в «Историческом словаре философии» история понятий не имела строго определенных очертаний, а реализовывалась в зависимости от потребностей фактического материала и возможностей авторов статей. Часто это была смесь проблемной истории, истории теории и истории терминологии. Однако именно методологическая либеральность словаря сделала его чрезвычайно полезным и практичным, обеспечила ему благосклонность критики [15, с. 35–36].

В последующих томах, охватывающих вторую половину алфавита, история понятий стала реализовываться более последовательно и настойчиво: в них больше нет статей, ограничивающихся объяснением значений терминов; статьи стали более обширными и историчными. В частности, если в первых томах термины Мартина Хайдеггера снабжались лишь цитатами из его книги «Бытие и время», что соответствовало состоянию знаний о философии Хайдеггера в 1960-х гг., то в более поздних томах рассказывается о «генезисе» терминов в лекциях Хайдеггера, о влиянии неокантианства на его философию и о собственных взглядах Хайдеггера на историю философии, из чего только и может стать ясна вся глубина созданных им терминов. Со временем изменился подход к определению состава статей. Очень мелкое деление номенклатуры в первых томах было оправдано прагматически, так как словарем можно было пользоваться без индекса, однако это приводило к недостаточно четкому выявлению взаимосвязей и различий между терминами. В более поздних томах под одним словарным заголовком стали рассматриваться по несколько взаимосвязанных понятий, однако это привело к необходимости регистра для пользования словарем.

Таким образом, «Исторический словарь философии» можно рассматривать как важнейшее звено, связывающее первый этап развития истории понятий (до середины XX в.) и современные исследования в этой сфере. С одной стороны, мы видим, что данный словарь полностью выдержан в русле философского взгляда на понятия, он вообрал в себя методологический багаж своих предшественников (словаря Айслера) и касается только философских понятий (не переходя границы других дисциплин). С другой стороны, большинство критиков отмечают теоретико-методологическую неопределенность «Исторического словаря философии», однако эта неопределенность означает и открытость истории понятий для дальнейшего развития, в частности для расширения междисциплинарных взаимодействий. Историзация системной философии Риттером вкупе с герменевтической философией Гадамера подразумевают универсальность языкового (понятийного) подхода для изучения феноменов самых разных областей познания.

Список литературы

1. Historisches Wörterbuch der Philosophie / hrsg. von J. Ritter, K. Gründer, G. Gabriel: in 13 Bd. Basel: Schwabe Verlag, 1971–2007.
2. Гулыга А.В. В поисках объективности (Historisches Wörterbuch der Philosophie / hrsg. von J. Ritter, K. Gründer. Bd. 1–6. Basel; Stuttgart. 1971–1984) // Новый мир. 1985. № 6. С. 262–265.
3. Андреева И.С. Исторический словарь философии. Т. 9 / под ред. Й. Риттера, К. Грюндера // Вопросы философии. 1998. № 4. С. 155–158.
4. Eisler R. Wörterbuch der philosophischen Begriffe und Ausdrücke. Berlin: Mittler, 1899. 956 s.
5. Rothacker E. Geleitwort // Archiv für Begriffsgeschichte. Nr. 1. Bonn, 1955. S. 5–9.
6. Ritter J. Zur Neufassung des «Eisler» – Leitgedanken und Grundsätze eines Historischen Wörterbuches der Philosophie // Zeitschrift für philosophische Forschung. 1964. Nr. 18. S. 704–708.
7. Blumenberg H. Paradigmen zu einer Metaphorologie // Archiv für Begriffsgeschichte. Nr. 6. 1960. S. 7–142.
8. Gadamer H.G. Zur Systemidee in der Philosophie // Festschrift für Paul Natorp: zum siebzigsten Geburtstage von Schülern und Freunden gewidmet / hrsg. von E. Cassirer. Berlin [et al.]: de Gruyter, 1924. S. 55–75.
9. Гадамер Х.-Г. Истина и метод: Основы философской герменевтики / пер. с нем.; общ. ред. и вступ. ст. [с. 5–36] Б.Н. Бессонова. М.: Прогресс, 1988. 699 с.
10. Ritter J. Vorwort // Historisches Wörterbuch der Philosophie. 1971. Bd. 1. S. V–XI.

11. Mittelstrass J. Begriff. II: Begriff und Wort // Historisches Wörterbuch der Philosophie. 1971. Bd. 1. S. 785–787.
12. Meier H. Begriffsgeschichte // Historisches Wörterbuch der Philosophie. Bd. 1. 1971. S. 788–808.
13. Blumenberg H. Licht als Metapher der Wahrheit. Im Vorfeld der philosophischen Begriffsbildung // Studium Generale. 1957. Nr. 10. S. 432–446.
14. Ritter J. Die Aufgabe der Geisteswissenschaften in der modernen Gesellschaft (1963) // Ritter J. Metaphysik und Politik. S. 377–406.
15. Kranz M. «Wider den Methodenzwang»? Begriffsgeschichte im Historischen Wörterbuch der Philosophie – mit einem Seitenblick auf die Ästhetischen Grundbegriffe // Begriffsgeschichte im Umbruch? / hrsg. von E. Müller. Hamburg: Meiner, 2005. S. 33–42.

**«HISTORISCHES WÖRTERBUCH DER PHILOSOPHIE»
(HISTORICAL DICTIONARY OF PHILOSOPHY) AS A
REALIZATION OF THE PHILOSOPHICAL CONCEPTUAL
HISTORY IN WEST-GERMANY IN THE 2ND HALF OF THE 20TH
CENTURY**

A.V. Gorobiy

Tver State University, Tver

This article deals with the conceptual history as a specific trend in the modern German philosophy, which has its roots, however, as far back as in the Enlightenment age. The 2nd half of the 20th century saw the German philosophy turn to studying concepts. As a result the «Historical Dictionary of Philosophy» was conceived reflecting not only views of his editor Joachim Ritter and his colleagues, but also views of other powerful German thinkers – Erich Rothacker, Hans-Georg Gadamer and Hans Blumenberg.

Keywords: conceptual history, German philosophy, philosophy of language, hermeneutics, metaphorology, dictionaries.

Об авторе:

ГОРОБИЙ Алексей Викторович – кандидат исторических наук, соискатель кафедры философии и теории культуры исторического факультета ФГБОУ ВПО «Тверской государственный университет». E-mail: alexogor@mail.ru

Author information:

GOROBIY Alexey Viktorovich – PhD in History, PhD student at the Chair for Philosophy and Theory of Culture at the History Department of the Tver State University. E-mail: alexogor@mail.ru

УДК 101

У. БЕК: РЕФЛЕКСИВНОСТЬ МОДЕРНИЗАЦИИ И СТАНОВЛЕНИЕ ГЛОБАЛЬНОГО ОБЩЕСТВА РИСКА

О.А. Тесленко

ФГБОУ ВПО «Тверской государственный университет», г. Тверь

Рассматривается теория рефлексивной модернизации У. Бека, ориентированная на анализ второй модерности в ее глобально-космополитическом измерении. Им анализируется установка эпистемологического космополитизма как адекватная реалиям глобального мира, чье становление было предопределено трансформацией индустриального капитализма, породившего вторую рефлексивную модерность – общество риска.

***Ключевые слова:** модерность, рефлексивная модернизация, общество риска, возвращение политического, индивидуализация.*

В сочинениях У. Бека тема рефлексивной модернизации сочетается с пристальным анализом того типа общества, который отмечен существенным отличием от классических институциональных устоев и культуры Нового времени. Этот социальный мыслитель связывает радикальный поворот от классической модерности к ее второму новому этапу с имманентным развитием ее оснований, которое приводит к космополитическому объединению планетарного сообщества и обнаружению многообразных и непредсказуемых рисков. Рефлексивность при этом рисуется ему отличительным звеном, которое позволяет сформироваться социокультурной модели, именуемой им «второй модерностью». Уже само обращение Бека к проблеме космополитических начал модерности содержит мотив, прямо заставляющий вспомнить о наследии И. Канта, посмотреть на него в свете опыта современности. Однако кантовский по своим истокам сюжет приобретает в сочинениях Бека отнюдь не классический ракурс рассмотрения, ибо он далек от утверждения телеологического развертывания разумных начал в истории человечества, видения их предустановленного триумфа в космополитически-универсальном измерении. Как раз напротив: парадокс состоит в том, что глобально-космополитическое сообщество как производное от рефлексивности оказывается отнюдь не наполненным гармонией примирения противоречий, а полным постоянно умножающимися непредсказуемыми рисками. И происходит это, как демонстрирует своим читателям Бек, в силу соморазвертывания тех рациональных оснований, которые несла в себе первая модерность. Рефлексивная модернизация предполагает, в его понимании, новое видение политики как способа осмысленного устройства совместного бытия людей на всех уровнях

общественной жизни. Попытаемся рассмотреть базисные основания понимания Беком задач рефлексивной модернизации в глобально-космополитической панораме общества риска.

Специфика видения Беком задачи построения теории рефлексивной модернизации, способной служить цели социокультурного обновления современного планетарного сообщества, определяется трактовкой им ряда наиболее значимых тем. В первую очередь он обращается к анализу космополитической ситуации и востребованного ею типа сознания, характерных для эпохи глобализации. Бек предлагает в этой связи истолкование феномена космополитизма путем его последовательного рассмотрения как итога эволюции модерности. Не меньший интерес этого автора вызывает базовая характеристика второй космополитической модерности как общества риска. Следующая тема, подлежащая рассмотрению в этой связи, – индивидуально-личностная составляющая современного фазиса рефлексивной модернизации. Новое истолкование феномена политического в современном сообществе – итог размышлений немецкого автора над задачами рефлексивной теории модернизации.

Для многочисленных аналитиков теории рефлексивной модернизации Бека очевидно, что центром его размышлений является полемика с идеями Просвещения и одновременно желание представить современный фазис социокультурного развития как своеобразное порождение намеченного ими пути. Уже обращение к перспективе космополитического видения истории как востребованной современным фазисом эволюции общества и культуры содержит пафос кантовской убежденности в необходимости за массой деталей событийного свойства узреть общие судьбы человечества. Кантовский космополитизм – квинтэссенция его идеи видения всеобщей истории во всемирно-гражданском плане. Идея Канта предлагает некую смысловую перспективу собирания воедино пестрого соцветия событийно явленного и фактуально запечатленного в ракурсе поступательного совершенствования человечества, начал разума и морали. Очевидно, что при всей возможности избрания такой смысловой оптики толкования истории она сразу же вызывает у свидетеля современных процессов массу совершенно справедливых вопросов.

Прежде всего, возникает проблема совместимости подобной телеологической трактовки социокультурного развития с многоцветием реалий современной эпохи при всей их представимости в универсальном поле медийного воспроизведения. При возможности прямой телетрансляции актуально происходящего на целостность потенциальной зрительской аудитории в масштабах планеты космополитический универсализм вряд ли можно трактовать как простую иллюзию. Однако современный космополитизм нельзя мыслить в телеологическом ключе, ибо он не совместим с очевидной открытостью происходящего события, отнюдь не побуждающему к идее замкнутой устремленности про-

исходящего к намеченной кантовским видением перфекционистской цели. Да и многоцветие современного панорамного универсалистски-космополитического видения не укладывается в европоцентристский идеал в его кантовской редакции. Для Канта именно европейский опыт по созданию гражданского общества как выражающего стремление к высотам практического и теоретического разума должен был стать всеобщим достоянием иных народов без скидки на их культурное своеобразие. Однако совершенно очевидно, что такого однозначного воспроизведения стереотипов европейских ценностей, мысли и действия в контекстах несхожих культур вряд ли можно сегодня ожидать. Отсюда и общая установка Бека на пересмотр традиционного понимания космополитической трактовки истории. Новый абрис космополитически-глобального мира должен, сообразно с его представлениями, родиться не чисто умозрительно, а стать итогом ретроспективного осмысления пути становления модерности.

Бек отнюдь не настроен скрывать, что своеобразная генеалогия современной космополитической ситуации диктуется в его прочтении теми реальными сдвигами, которые не могут уйти от взгляда внимательного свидетеля эпохи. Крушение мировой коммунистической системы и конец ее конфронтации с капитализмом западного образца не оказались финалом мировой истории. «Запад сталкивается с вопросами, которые бросают вызов фундаментальным предпосылкам его собственной социальной и политической системы. Ключевым вопросом, стоящим перед нами сегодня, является возможность воспроизведения в глобальном масштабе исторического симбиоза между капитализмом и демократией, который характеризовал Запад, без утраты его физических, культурных и социальных оснований» [5, р. 2]. Плюрализм культур и социальных обстоятельств, в которых оказывается глобальный мир после окончания холодной войны, как справедливо полагает Бек, отнюдь не снимает вопроса о судьбах индустриальной цивилизации, возможности освоения модернизационной модели, рожденной на Западе, в стремительно обретающем все новые и новые черты единства и взаимозависимости в планетарном сообществе.

Бек говорит о том, что новый космополитический реализм буквально «витают в воздухе». Но вместе с тем, как он полагает, тот космополитический реализм, который утвердился в европейском сознании по крайней мере со времени эпохи Канта, был представлен в идеалистической оболочке, в известной мере препятствующей здравому изучению социальной жизни. И именно поэтому он предлагает для реалистического видения «порядка вещей» очистить стратегию космополитического анализа от всего наносного и, выражаясь словами В. Беньямина, подвергнуть «спасительной критике» [1, с. 13]. Само понимание космополитического видения Бек намеренно не отождествляет с «идеалистически-элитным» подходом, который, по его справедливому замечанию,

зачастую служит идеологическим имперским амбициям, принадлежащим транснациональным организациям и возглавляющим их элитам. В этой связи Бек характеризует собственную космополитическую эмпирико-эпистемологическую стратегию анализа современных исторических реалий как отличную от философского видения, утвердившегося в мысли Нового времени. «Фокусировка на аналитически-эмпирическом космополитизме, на демонстрации эпистемологической необходимости космополитического видения в мире без границ создает новое поле исследований и противоречия, присущих космополитической реальности начала 21-го столетия. Это требует от нас не только развития новых категорий, но и ревизии грамматики социального и политического. Вызов состоит в создании нового синтаксиса – синтаксиса космополитической реальности» [4, р. 18]. Рассуждая таким образом, немецкий автор предлагает создание новой концептуальной стратегии соотнесения многоуровневых реалий современного стремительно объединяющегося мира. Весь категориальный аппарат теории рефлексивной модернизации предполагает, стало быть, стратегию видения реальности, которая предложит новое понимание тех явлений, которые традиционно приковывали внимание социальных мыслителей, через выявление нетрадиционной конфигурации, «синтаксиса» их соотнесения.

Космополитический реализм как эпистемологическая стратегия, лежащая в основе теории рефлексивной модернизации, в целом предполагает радикальное смещение акцентов в изучении панорамы социальной жизни с рассмотрения таковой как имеющей своим локусом отдельные национальные государства к транснациональной перспективе. Последняя означает, что любой социальный феномен, институт, подсистема национально-государственных целостностей, национальное государство могут быть поняты в наши дни как обретающие смысловое содержание только в транснациональном контексте единого мира. Такого рода взгляд меняет само содержание феноменов социального и политического. «В начале третьего тысячелетия, – рассуждает Бек, – основной принцип национальной реальной политики: “национальные интересы достигаются в национальных границах” – следует заменить принципом космополитической реальной политики: “наша политика тем национальнее и успешнее, чем она космополитичнее”» [1, с. 13]. Говоря о космополитизме как отличной от философско-онтологической эмпирико-эпистемологической стратегии, Бек вряд ли правомерно жестко противопоставляет их. Дело в том, что его эпистемологический космополитизм достаточно жестко опирается на определенные онтологические допущения относительно специфики конституирования социальной реальности через осмысленную деятельность человека, социальные практики. Само движение от традиционного общества к классической и «второй» модерности предполагает подобного рода допущения, ведущие в финальной инстанции и к космополитической эпистемологической стратегии. Об этом говорит сам строй рассуж-

дений Бека о логике рождения второй модерности, требующей и особого «синтаксиса» постижения.

Хотя Бек и говорит о методологическом характере космополитической стратегии, он бесспорно прибегает к ее фундированию со стороны представлений об имманентной логике развития модерности на Западе. «“Рефлексивная модернизация”, – констатирует он, – означает возможность творческого самоуничтожения целой эпохи – эпохи индустриального капитализма» [5, р. 3]. Сообразно с логикой немецкого теоретика, современное состояние мира – итог не революции или кризиса, а поступательного развития и победы западной модернизации. При этом Бек одобрительно ссылается на «Манифест» К. Маркса и Ф. Энгельса, где констатируется, что буржуазия не может существовать без постоянного совершенствования орудий производства, отношений в сфере такового, стало быть, и всех социальных связей. Ее деятельность порождает общественный динамизм, но в отличие от Маркса Бек не склонен видеть в капитализме собственного «могильщика», а, напротив, строй, который в своем победном шествии порождает новую социальную форму [5, р. 3]. Вторая модерность, стало быть, выглядит своеобразным итогом первой модерности или индустриальной цивилизации. Если первая модерность вытеснила социальные формы традиционализма, заменив их индустриальными, то рефлексивная модернизация приходит к внедрению радикально новых форм, которые прежде не существовали. Внутренний динамизм общества модерности подрубает корни присущих ему способов технологического развития, классового образования, основных страт, профессиональной структуры, конфигурации гендерных ролей, нуклеарной семьи, организации производственного процесса, бизнеса и т. д. Именно так, по мысли Бека, происходит радикализация модерности и рождается ее рефлексивный вариант, взывающий к стратегии космополитического мышления. Такой взгляд на природу современности видится ему противостоящим одновременно как классическим марксистским, так и функционалистским представлениям, противоречащим стереотипам самопонимания, бытующим в демократиях западного типа.

Космополитическая эпистемология ориентирует исследователя, сообразно с пониманием Бека, на отход от национально-государственной центрированности. Поводом для произведения такого рода перестановки акцентов становится прежде всего осознание транснационального характера экономики современности. Бек полагает, что экономическая глобализация не может оцениваться как несущая однозначно позитивную перспективу, ибо транснациональный капитал, обладая особым ресурсным и властным потенциалом, приводит к распаду союза «между рыночной экономикой, социальным государством и демократией, который до сих спланировал и узаконивал национально-государственный проект модерна» [3, с. 21–22]. Подобно Хабермасу, Бек достаточно справедливо оценивает значимость властных полномо-

чий транснационального капитала для уменьшения возможностей национального государства. Транснациональный капитал ставит под сомнение возможность осуществления идеала государства всеобщего благоденствия, демонстрируя автономию своих интересов и властных потенций. Международные корпорации «становятся приватными транснациональными квазигосударствами без демократической и политической легитимации» [1, с. 202]. Они обладают способностью создания своеобразных «гильдий глобальной эпохи» – транснациональных кооперативов правительств. Одновременно не следует забывать, что, хотя транснациональные корпорации и их альянсы обретают возможность самолегитимации в международном глобально-космополитическом сообществе, национальные государства, локализованные в пространстве, могут также заставлять их считаться со своими интересами, особенно, если они сплачиваются в определенные союзы, используя имеющиеся у них правовые возможности.

Всевластие транснационального квазигосударства, по Беку, имеет свои лимиты по ряду причин. Во-первых, им недостает политической и демократической легитимации. Во-вторых, их деятельность выстроена по критериям экономической оптимизации затрат и в силу этого обстоятельства приходит в противоречие с конкретными социальными задачами, которые необходимо решать в национально-государственных границах.

Космополитизация социальной жизни заставляет, согласно справедливому замечанию Бека, существенно меняться и национальные государства. Национальное государство сегодня, по его мнению, не должно мыслиться как обладающее абсолютной автономией по отношению к иным государственным образованиям. В современном мире сила государства и реализации его национальных интересов парадоксальным образом требует всестороннего учета интересов партнеров, использования согласованности с ними путем консенсуса. Именно в таком варианте государство может продемонстрировать способность обнаружения необходимого ему как политическому макротелу курса в согласии с иными государствами-партнерами. Внешняя и внутренняя политика оказываются нерасторжимым образом взаимосвязанными и конвертируемыми. Бек весьма содержательно раскрывает эту важную черту современной национально-государственной политики, требующей во имя реализации собственных интересов вхождения в альянсы со значимыми международными политическими сообществами. В едином глобальном мире изоляционизм становится признаком не силы, а слабости национально-государственной политики.

Формулируемая Беком платформа «космополитизации» деятельности национальных государств на международной арене отнюдь не означает его поклонения неолиберальному прочтению задач политики и его воплощению на практике. Он в достаточно критических тонах характеризует политико-экономические теории как неолиберализма, так и

национализма применительно к задачам национально-государственной политики. Им подчеркивается ложность альтернативы «неолиберальных стратегий дерегулирования и национальных или неонационалистических стратегий интервенций и протекционизма» [1, р. 229]. Обе эти платформы видятся Беку губительными для экономического и политического развития глобального сообщества, противореча эпистемологической установке космополитического мышления.

Неолиберализм рассматривается им как стратегия, которая полностью редуцирует политику государства к осуществлению цели обеспечения экономической свободы и процветания мирового капиталистического хозяйства. В подобном варианте, по сути дела, не может быть и речи об автономии политики и осознании ее специфических целей. Бек, верный собственной изначально критико-рефлексивной установке, констатирует, что в конце 70-х гг. XX столетия складывается неолиберальный консенсус между государствами и организациями, решения которых чрезвычайно важны для мировой экономики как целого. К их числу относятся США и группа лидирующих экономически стран Запада, МВФ, Всемирный банк и ряд других значимых институтов. Подобного рода консенсус вырабатывает для национально-государственных объединений требования соблюдения политической и всемирно-экономической свободы. Перестройка политических институтов в ключе подобной прагматики требует признания как всеобщего блага властного преобладания всемирных экономических акторов. Одновременно экономическая рациональность, по сути, поглощает политическую рациональность. Неолиберализм не может принять политического, социального и культурного многообразия современного глобального мира. Ему чужд диалогический взгляд на социокультурные процессы. К еще более серьезным трудностям ведут и установки национальной автаркии, изоляционизма, которые также превратно толкуют способ взаимосвязи экономики и политики. Здесь во внимание вовсе не принимается реальное единство глобального мира и его частей, многообразие в единстве.

Обретая космополитическую ориентацию, национальное государство представляется Беку постоянно ищущим легитимную опору собственных действий как внутри себя, так и собственно за своими пределами. Внутренняя легитимация принимаемых в его рамках решений может осуществляться путем демократической процедуры, но, коль скоро государство следует в своей политике стратегии согласования собственных интересов с индивидуальными и коллективно-блоковыми партнерами, ему необходимо обращаться и к иному типу обоснования своих решений. Зачастую речь, конечно же, идет о конвенционально принимаемых международных правовых актах, соглашениях тех или иных государственных альянсах, способных принимать, подобно Евро-союзу, форму наднационального или транснационального государства. В этом случае легитимация не несет в себе того, что традиционно пола-

гается в качестве демократического способа обоснования принимаемой государственной стратегии.

Бек, осознавая всю теоретическую и практическую сложность подобной ситуации, справедливо констатирует, что при подобных обстоятельствах складывается дефицит демократической легитимности стратегий космополитически ориентированных государств. «Демонтаж демократии и претензия на демократию растут и противоречат друг другу все более открыто, усиливают и ускоряют упадок легитимности господства» [1, с. 316]. Альянсы государств, членами которых могут быть те или иные национальные государства, могут принимать консолидированные решения во всех областях, которым должны следовать все участники подобного союза. Это может касаться как частных, так и определения отношения к иным странам, способным восприниматься как потенциальные союзники, достойные сотрудничества, или же как достойные санкций дискриминационного толка «государства-изгои». Сложные стратегические решения не требуют при таком развороте дел демократической легитимации.

В подобной перспективе, как полагает Бек, восполнение дефицита демократической легитимации возможно только при содействии международного гражданского общества. «Неправительственные организации, возможно, способны осваивать новые платя, новые источники легитимности у новых королей концернов: ведь экономика порождает глобальные побочные последствия, которые подвергают опасности основы жизни человечества и основы легитимности “автономных” решений капитала. В этом смысле адвокатские движения глобального гражданского общества суть защитники, творцы и судьи глобальных ценностей и норм» [1, с. 317]. Правозащитные движения глобального гражданского общества предстают в понимании Бека способными эффективно дебатировать локальные и общезначимые в масштабах планеты задачи, проблематизируя ценности и нормы, направляемые ими способы человеческой жизнедеятельности. Он справедливо говорит о резонансном характере многих их акций, способных влиять на политику в различных ее формах и проявлениях. Деятельность глобального гражданского общества требует детального анализа, и Бек, подмечая его значимость, отнюдь не притязает на детальную проработку этого сюжета. Однако судьбы такового в период, именуемый им «другой модерностью», несомненно заслуживают детальной типологической проработки.

Характеристика космополитической панорамы второй или рефлексивной модерности составляет пролог к ее рассмотрению Беком как глобального общества риска. Космополитический реализм представляется ему отнюдь не несущим в себе безоблачно оптимистические перспективы рефлексивной модернизации. Глобальный мир оказывается воспроизводящим рискованные ситуации в расширенном масштабе, несмотря на рефлексивные усилия людей, стремящихся к их минимизации.

Глобальный мир второй модерности, по Беку, существенным образом отличается от предшествующего фазиса развития общества своей наполненностью во многом неконтролируемыми рисками, затрагивающими всех жителей планеты. Он приходит к выводу о том, что в «развитых странах современного мира общественное производство богатств постоянно сопровождается общественным производством рисков» [2, с. 21]. Таким образом оказывается, что риски, продуцируемые лидерами мирового развития на базе внедрения в жизнь научно-технологических разработок, становятся всеобщим достоянием, усугубляя проблемы менее продвинутых или же отсталых стран, одолеваемых борьбой с бедностью. Становление общества риска – итог модернизационного процесса, понимаемого Беком предельно широко как итог технологической рационализации всех сторон человеческой жизни от организации труда до социальных институтов разного уровня и стилей существования личности. В развитых странах Запада удалось существенным образом ограничить материальную нужду, но сделано это было на базе расширенного использования достижений науки и технологии, имеющего в качестве своего побочного эффекта умножения рисков, которые приобрели планетарный размах.

Понимание «индустриального или классового» общества, разработанное в теоретических построениях К. Маркса и М. Вебера, имевшее своей центральной проблемой неравномерное распределение богатства, сталкивается, таким образом, с иной парадигмой осмысления социальных проблем в перспективе продуцирования и ограниченного контроля рискогенных ситуаций, возникших на витке второй модерности. Сама по себе эта парадигма мысли рождается, как полагает Бек, благодаря объективному, не обусловленному чьими-либо желаниями и столь же незаметному, как и необходимому, развитию основополагающих процессов классической модерности. Она лишь рефлексивно запечатлевает произошедшее то, что нельзя предпочесть или же отвергнуть.

В логике Бека получается, что рефлексивность (*reflexivity*) как базисная характеристика второй модерности, общества риска рождается ненамеренно и в этом противоположна рефлексии (*reflection*). Продолжая свои размышления, он пишет: «Тогда “рефлексивная модернизация” означает самоконфронтацию с эффектами общества риска, которые не могут рассматриваться и ассимилироваться в системе индустриального общества как измеряемые его институализированными стандартами» [5, р. 6]. Конечно же, можно говорить о востребованности рефлексивности как детерминированной необходимостью осмысления опасности для человека созданных им же продуктов, возникающей в определенную эпоху, но при этом не следует забывать, что рефлексия есть основание таковой и присутствовала в профессиональном дискурсе о специфике социального со времени рождения европейской философии. В эпоху первой модерности рефлексия становится ориентированной на «публичное применение разума» (И. Кант) с целью ответственной

ного отношения к социальным обстоятельствам общественной жизни. Пробуждение рефлексивности в ее понимании Беком как измерения сознания общества риска в целом происходит конечно же из предыдущего опыта применения рефлексии для решения социальных проблем классического модерна. Постклассическая философия с ее интересом к субъект-субъектным отношениям стимулировала климат рефлексивного анализа внутренних проблем модернизационного изменения общества и культуры, продуцируемых ими в глобальном контексте рисков. Рефлексивная теория модернизации – итог произошедшего поворота.

Вторая рефлексивная модернизация, как представляется Беку, проблематизирует отношение человека к миру во многих отношениях. Во-первых, существенно изменяется отношение человека к природе и культуре в целом. Во-вторых, само общество начинает рассматриваться как постоянно производящее проблемы, которые не укладываются в существующие каноны безопасности. В силу этого обстоятельства основополагающие социальные конвенции, задающие общественный порядок, начинают рассматриваться как подвергаемые ими опасности. В-третьих, подвергаются своеобразной инфляции коллективно значимые представления, являющиеся носителями основополагающих для сообществ смысловых образов реальности [5, р. 7]. Так происходит с классовым сознанием или верой в поступательный прогресс общества, характерными для первой модерности. Крушение подобного рода смысловой арматуры сознания продуцирует своеобразный вакуум смыслов и ведет, по мысли Бека, к постоянно нарастающей индивидуализации, побуждающей личность выбирать собственную идентичность в турбулентной атмосфере общества риска.

Общество риска, по Беку, предполагает обращение к феномену неточности, которая всегда присутствует в человеческой деятельности и подлежит своеобразному «обузданию» в границах присущей человеку рациональности.

«В обществе риска, – замечает он, – признание непредсказуемости опасностей, провоцируемых технико-индустриальным развитием, обуславливает саморефлексию относительно оснований социального единства и изучение превалирующих конвенций и оснований “рациональности”» [5, р. 8]. Становясь проблемой для себя, общество такого типа пытается ввести риск в определенные рациональные границы.

Делая риск центральной категорией рассмотрения общественной жизни, рефлексивная социальная теория оказывается в определенной оппозиции к построениям М. Вебера, для которого ее основу составляет целерациональное действие. И все же такого рода противоречие между риском и целерациональным действием отнюдь не является абсолютным. Это обстоятельство не уходит от внимания Бека. «Риски бесконечно воспроизводимы, поскольку они воспроизводят себя в соответствии с решениями и точками зрения, благодаря которым можно и должно оце-

нивать решения в плюралистическом обществе» [5, р. 9]. В самом деле: риск как таковой является характеристикой действия. Действие может быть рискованным, т. е. быть устремленным к результату, который выглядит нежелательным и по возможности не должен реализоваться в силу его предполагаемой антиценности, вредоносности и т. д. Риск характеризуется в познавательной, ценностной и нормативной перспективах (нормативность ценностно фундирована и предполагает границы допустимого). Целерациональное действие может быть заведомо устремленным к нежелательной цели, прибегать к средствам, порождающим таящий угрозу эффект. Или же опасными будут его непредвиденные побочные результаты в силу комплексности условий осуществления, конкретной ситуативности, вторгающимся в нее событиям. Рациональность в ее конкретных формах никогда не может полностью исключить иррационально-непредсказуемого, выступающего в облики рисков. И, конечно, целерациональное действие, организованные по этой модели коллективные практики, имеющие глобальный резонанс в варьирующихся контекстах, вполне могут таить в результате множественные риски.

Бек выступает с критикой научно-технологической рациональности, абсолютизация значения которой является, на его взгляд, постоянным источником рисков. По сути дела наиболее рационально выверенные в научно-техническом смысле целерациональные решения оказываются зачастую таящими наибольшие риски. Подчас в его работах звучит критика научно-технической рациональности, выдержанная в откровенно антисциентистском духе: «Наука стала ревнительницей охватившего весь мир заражения человека и природы. Поэтому не будет преувеличением сказать, что своим отношением к цивилизационным рискам наука во многих отраслях знания пока что утратила свое историческое право на рациональность» [2, с. 85]. В приведенной оценке научной рациональности Бек воспроизводит критические тезисы, адресованные науке многочисленными антисциентистскими доктринами от экзистенциальной мысли до леворадикальной версии неомарксизма. Конечно, научно-техническая рациональность довольно часто находится в альянсе с экономической и политической рациональностью, несет в себе потенциальные риски для общества и человека. Однако это отнюдь не означает, что она утрачивает историческое право рационального обоснования человеческой деятельности. Без научного анализа, технико-технологической экспертизы риски современности могли бы многократно умножиться. Разумеется, для решений стратегического толка необходима и этико-гуманистическая экспертиза, выясняющая их значение для человека. Однако она вполне может находиться в отношении взаимосвязи с научной экспертизой.

Общество риска, как справедливо представляется немецкому теоретику, умножает угрозы человеческому существованию, продуцирует новые лики отчуждения личности. Прежде всего, глобальное воз-

действие научно-технического разума на природу может нести в себе катастрофические последствия, которые сложно предугадать. «Таким образом, – констатирует Бек, – возникает глубокое, систематически обостряющееся противоречие между желанием получить прибыль и интересами собственности, которые двигают процесс индустриализации, с одной стороны, и многообразными грозными последствиями этого процесса, наносящими ущерб прибыли и собственности, не говоря уже об ущербе самой жизни» [2, с. 46]. Логика современной ситуации сводится к тому, что желание получить прибыль невзирая ни на что вполне классически современное, если следовать концептуальной канве немецкого автора, приводит в глобальном контексте к последствиям, угрожающим всем, в том числе и самим предпринимателям, сообразно с ситуацией второй модерности. Сегодня остро осознается принадлежность человека природе не только в ее внешней ипостаси, но и вследствие его телесности. Конечно, рассуждает Бек, высокий доход может дать шанс потребления более качественных продуктов питания, но нельзя при любом социальном статусе гарантированно уберечься от того, что происходит с экологическим окружением человека в целом. Люди все более и более, благодаря разнородным рискам, оказываются в плену экологического, научно-технологического, экономического, социального, политического, военного, культурного отчуждения.

Если первая модерность, как представляется Беку, в ее имманентном развитии ориентирована нуждой и присвоением благ, то вторая модерность мотивирована страхом перед открывающимися рисками. «Движущую силу классового общества можно выразить одной фразой: “Я хочу есть!” Движущая сила общества риска выражается фразой: “Я боюсь!” Место общества нужды занимает общество страха» [2, с. 60]. Таким образом, Бек, подобно Гидденсу и Лэшу, включает собственные конструкции относительно второй модерности как общества риска в перспективу антропологического обоснования. Состояние страха заставляет обитателей современного мира стремиться к обретению безопасности путем снятия рисков. Страх рисуется Бекем как экзистенциальное состояние, способное сплотить человеческие общности, но одновременно он готов признать, что это состояние отнюдь не всегда обеспечивает стабильность социальных альянсов.

Страх как антропологическая константа заставляет смотреть на совокупную деятельность человечества как потенциально враждебную себе. В этой связи Бек предлагает вспомнить наследие Т. Гоббса, усматривавшего, как известно, в изначальной человеческой агрессивности, враждебности людей друг другу и одновременно страхе перед ее разрушительным эффектом источник заключения общественного договора. «Политическая теория суверенитета Томаса Гоббса зиждится на формуле “homo homini lupus est” (“человек человеку волк”). Политическая теория общества риска исходит, в противоположность этому, из не-

сколько иного принципа: “человечество человечеству волк”. Характеристика хищника, о котором говорит Гоббс, атрибутируется не отдельному человеку, но человечеству. Человечество есть объект и субъект угрозы самому себе» [1, с. 334]. Глобальные риски, питаемые страхом, по мысли Бека, легитимизируют коллективный консенсус по поводу необходимых действий, сопряженных с их устранением. В данной связи он ссылается на идеи Ф.В. Шарпфа относительно того, что узость подхода к глобальным рискам преодолевается именно путем коллективного консенсуса и базирующихся на нем действий. Однако при подобном рода подходе остается масса теоретических и практических проблем.

Прежде всего, как это отчетливо осознает и сам Бек, взламывая национальную замкнутость, этот подход заменяет демократически легитимизированный национальный консенсус по той или иной проблеме консенсусом интернациональным, но не базирующимся на демократическом выборе и даже не несущим в себе возможность такового [1, с. 335]. В этой связи не трудно заметить, что опознание глобальной опасности ведется в границах определенных, принимаемых тех или иным сообществом, категориальных и ценностно-нормативных представлений, которые несут на себе печать определенной культурной традиции и подлежат критико-рефлексивному анализу. Очевидно, что альянс носителей представлений о глобальных рисках от лица человечества формулирует собственную социокультурно и властно окрашенную позицию. Поэтому есть резон постоянно внимательно отслеживать это обстоятельство: не исключено, что определенный альянс может под лозунгом борьбы с «всемирным злом» решать своекорыстные проблемы, изгоняя соперников-конкурентов с экономической или политической сцены. Итоги борьбы с рисками во имя обеспечения всеобщей безопасности обнаруживаются отнюдь не сразу, да и неэффективность той или иной стратегии в этом плане иной раз требует широкой медийной и социальной поддержки, предполагающей разноуровневые властные ресурсы.

В любом случае осознание особенностей жизни в глобальном обществе риска обостряет необходимость рефлексивного постижения идущих в нем процессов, что, как не без основания представляется Беку, влечет за собой два следствия: индивидуализацию общественной жизни и возрождение ее политического измерения.

Рефлексивная модернизация связана с индивидуализацией, которая означает, по Беку, «замену способов жизни индустриального общества новыми, в русле которых индивиды должны продуцировать, воплощать и созидать совместно сами собственные биографии» [5, р. 13]. В подобном варианте, констатирует он, ссылаясь также на мнение Э. Гидденса, индивидуализация является процессом, который стартует в индустриальном «обществе благоденствия», начиная с 60-х гг. минувшего столетия. В классическом индустриальном обществе коллективные способы жизни во многом напоминали русскую матрешку: классо-

вое деление общества предполагало нуклеарную семью с ее сексуальными ролями, что в свою очередь означало разделение труда между мужчиной и женщиной, а также институт брака. В новой ситуации второй модерности эти традиционные для ее классического варианта способы жизни радикально трансформируются, ибо индивид становится в одном лице актером и режиссером своей собственной биографии, социальной самоидентификации и рефлексивной личностной самоидентичности. «Индивидуализация и глобализация – по сути две стороны одного процесса рефлексивной модернизации» [5, р. 14]. Индивидуализация в сложившихся условиях «государства благоденствия» выглядит, по Беку, социально обязательным процессом, ибо личность в сложившейся ситуации должна самостоятельно конструировать собственный личностный образ и жизненный путь, обретая в этом процессе связи и обязательства. Как и всюду в обществе риска западного типа, это предполагает выбор во всех сферах, где реализует себя личность, а следовательно, связано с ее предпочтениями и рисками. Для западного «общества благоденствия» значительную проблему, как полагает сам Бек, является поиск коллективно значимого общего блага, так как оно эгоцентрично по своим условиям.

Положительным моментом второй рефлексивной модерности оказывается возвращение личности в сферу политики. Ведь постоянное экспериментирование с собой одновременно является проектированием и властным обустройством всех уровней общественной жизни, на которых пребывает индивид от сферы его частного существования до государственной макрополитики. Бек полагает, что в современных условиях институты становятся зависимыми от индивидов и их совместных практик, суб-политика, национальная и глобальная политика обретают единство [5, р. 16]. Получается, что рост благосостояния общества западного типа породил процесс индивидуализации, а он, в свою очередь, оказался своеобразным спусковым крючком политической активности во всех сферах общественной жизни, локальной и глобальной.

Возрождение политического означает в принципе осознание той роли, которая принадлежит совместным усилиям людей по преобразованию социального мироустройства. В определенном смысле такой взгляд на политику означает возвращение ее античного понимания, ярко запечатленного Аристотелем. Нередуцируемость политики к экономике, согласно Беку, постоянно подчеркивающему свои расхождения с неолиберальной политической экономией, ярко выявляется в период глобализации, второй рефлексивной модерности, когда становится очевидным, что властный компонент отнюдь не сводится к обеспечению эффективного функционирования хозяйственного механизма национальной экономики. Кроме того, и здесь идеи Бека вполне созвучны построениям М. Фуко, власть сопряжена не только с государственным механизмом, но и присутствует во всех сегментах общественной жизни в ее

локальном и глобально-космополитическом измерениях [5, р. 18]. Политическое воспринимается Беком в тройной оптике видения суб-политики локальности, национально-государственного и космополитически-глобального. Локальные политические события в глобальном мире могут иметь не только национальный, но и глобальный резонанс. И, наоборот, взаимосвязи, властные конstellляции транснациональных корпораций, национальных государств, их альянсов, международных организаций влияют на происходящее в локальных сегментах современного мира.

Теория рефлексивной модернизации, предложенная У. Беком, ориентирована на анализ второй модерности в ее глобально-космополитическом измерении. Установка эпистемологического космополитизма рассматривается им как адекватная реалиям глобального мира, чье становление было предопределено трансформацией индустриального капитализма, породившего вторую рефлексивную модерность. Методологическая стратегия Бека выглядит во многом оправданной, ибо позволяет рассмотреть конфигурацию противоречивых взаимосвязей транснациональных корпораций, национальных государств, межгосударственных альянсов, международных организаций и сил транснационального гражданского общества в перспективе глобального мира, подвергающегося постоянным рефлексивно-модернизационным изменениям, которые затрагивают страны разного уровня социально-экономического, политического и культурного развития. Не принимая неолиберальной установки в понимании взаимосвязи экономики и политики, Бек подчеркивает критико-рефлексивный потенциал собственной платформы, позволяющей продемонстрировать необходимость поддержания слабеющих демократических начал легитимации принимаемых в международном масштабе решений.

Говоря о рефлексивной модерности как обществе глобального риска, Бек очерчивает поле проблем, заслуживающих более подробного анализа. Среди них прежде всего вопросы связанные с соотношением научно-технической и гуманистической рациональностью в рефлексивной модернизации, предлагаемая им критика различных типов отчуждения, политического диктата транснациональных монополий и наднациональных политических союзов стран-лидеров современности, растущей поляризации богатства и бедности в мировом сообществе и т. д. Заслуживает внимания и намечаемая им тематика индивидуализации общественной жизни ренессанса политического в процессе рефлексивной модернизации, хотя эти тенденции анализируются им лишь на материале индустриально лидирующих стран и не выявляется в должной мере их резонансная значимость для мирового сообщества как целого.

Список литературы

1. Бек У. Власть и ее оппоненты в эпоху глобализма. М.: Прогресс-Традиция, 2007. 460 с.
2. Бек У. Общество риска. На пути к другому модерну. М.: Прогресс-Традиция, 2000. 381 с.
3. Бек У. Что такое глобализация? М.: Прогресс-Традиция, 2001. 304 с.
4. Beck U. *The Cosmopolitan Vision*. Cambridge: Polity Press, 2006. 200 p.
5. Beck U., Giddens A., Lash S. *Reflexive Modernization*. Stanford: Stanford University Press, 1994. 225 p.

U. BECK: REFLEXIVE MODERNIZATION AND THE EMERGENCE OF GLOBAL RISK SOCIETY

O.A. Teslenko

Tver State University, Tver

The article is aimed at the study of U. Beck's theory of reflexive modernization revealing the foundations of the second modernity in its global-cosmopolitan dimension. The platform of epistemological cosmopolitanism developed by this author is analyzed as adequate to the global world reality born as the outcome of the industrial capitalism development that generated the second modernity – risk society.

Keywords: *modernity, reflexive modernization, risk society, return of politics, individualization.*

Об авторе:

ТЕСЛЕНКО Олеся Анатольевна – аспирантка каф. философии и теории культуры ФГБОУ ВПО «Тверской государственной университет», г. Тверь. E-mail: teslenko_olesya@mail.ru

Author information:

TESLENKO Olesya Anatolyevna – Ph.D. student of the Dept. of Philosophy and Theory of Culture, Tver State University, Tver. E-mail: teslenko_olesya@mail.ru

УДК 1(091)

СМЕРТЬ АВТОРА В КОНЦЕПЦИИ РОЛАНА БАРТА

В.В. Шиканова

ФГБОУ ВПО «Тверской государственный университет», г. Тверь

В современной философской и культурологической мысли сосуществуют различные точки зрения на авторство текста. В статье предпринимается попытка проанализировать позицию Р. Барта в отношении упразднения классического понимания концепта автора на базе рассмотрения его эссе «Смерть автора».

Ключевые слова: *структурализм, постструктурализм, «смерть автора», скриптор, децентрированный субъект, читатель.*

С конца XX в. наблюдаются парадигмальные сдвиги во многих областях науки, на смену классическим философским концепциям приходят теории постметафизические [4, с. 6]. Возникшая ситуация характеризуется значительной неоднозначностью развития. О. Тоффлер оценивает «современную стадию ускорения социальных изменений» как носящую нелинейный характер [7, с. 16–17].

Проблематику и основные идеи философии как структурализма, так и постструктурализма раскрывает детализация рассмотрения понятий субъекта и объекта. Наблюдается отказ от онтологизации субъекта, подвергается критике классический рационализм. Культурный аспект проблемы раскрыт в структуралистских исследованиях К. Леви-Стросса и Ж. Лакана; «эпистемы», рассматриваются как определяющие возможность познавательной деятельности человека у М. Фуко. Среди постструктуралистов примечательны концепции Ж. Деррида (деконструкция, самоидентификация субъекта), Ж. Бодрийера (симулятивная модель «производства» субъекта), Ж. Делеза и Ф. Гваттари (шизоанализ, «тело без органов»). Р. Барт фокусирует свое внимание на семиологическом аспекте «письма» и «словесности».

В структурализме субъект предстает децентрированным, «лишенным единой точки сочленения и синтезирования содержаний сознания» [1, с. 227]; объект же является прерывным, многомерным. В отличие от классического объекта, в нем нельзя выделить ведущую траекторию его развития. Постигание объекта децентрированным субъектом предполагает поэтапное разворачивание первого, этот процесс не является заранее прогнозируемым. В различных вариативных моделях исследователей по-разному упраздняется (расширяется/ видоизменяется) понятие индивидуального классического субъекта. В этой перспективе заслуживает внимания постструктуралистская концепция Р. Барта.

Хронологически исследователи творчества Р. Барта отмечают начало постструктуралистского периода с 70-х гг. XX в. Опубликовано

ную в 1968 г. работу Р. Барта «Смерть автора» с позиции эволюции его взглядов от структурализма к постструктурализму можно считать относящейся к переходному этапу.

Смерть автора предстает частным аспектом общефилософской проблемы смерти субъекта. Фигура автора всецело утрачивает свою психологическую артикуляцию и деперсонифицируется.

Идейно-теоретическими источниками для Р. Барта в отношении нивелирования власти автора в литературе послужили: С. Малларме, П. Валери, М. Пруст. Последним в ряду предшественников Р. Барт отмечает также сюрреализм, а именно присущую ему идею автоматического (группового) письма и десакрализацию образа автора. Помимо литературы Р. Барт в качестве инструментария для анализа фигуры автора также упоминает современную лингвистику.

Взор исследователей обратился к указанной проблеме еще и вследствие начавшегося процесса дегуманизации искусства. В структуралистских концепциях речь идет о принципе дискурсивности письма. Имеется в виду опосредованность бессознательного социально-культурными факторам, а также взаимодействие индивидуальной психической активности и социальных механизмов культуры и языка. Таким образом, письмо становится неким пространством, где запечатлеваются, переплетаясь, жесты духовного и соматического. Исчезает миф о писателе как естественном носителе ценностей. Живой текст противопоставляется автору, продуцентом первого становится скриптор.

Как считает Р. Барт, автор ныне является лишь носителем определенного словаря, при помощи которого он создает текст; его же личные переживания, перипетии его жизни и эмоции должны покинуть поле текста, как не имеющие к нему никакого отношения. Эта фигура уже не автор, так как она максимально обезличена, а скриптор.

Остается лишь инструмент письма, скриптор, которого условно можно именовать «субъект», дабы обозначить принадлежность текста к исполнившему его лицу, что в будущем может вполне потерять значимость. Писатель способен лишь комбинировать различные виды письма, противопоставлять их друг другу, не придерживаясь только одного из них. Можно сказать, что письмо стремится к бесконечности и его нельзя прервать и остановить, а выражаемая автором «сущность» – это только готовый словарь, где слова без конца объясняют друг друга при помощи иных слов.

В данном контексте адекватно учесть вероятность плагиата. Вопрос плагиата стоит рассмотреть с двух сторон: как кражу (сознательную) интеллектуальной собственности лица, а также как стирание границ между условными субъектами, и освобождение письма от личностей, от принадлежности к эфемерным авторам.

Чистое письмо находит свое выражение через инструмент сознательной человеческой структуры с определенным интеллектуальным

уровнем. Однако постструктуралисты отказываются от понятия «Я» в классическом его значении. «Став фрагментарным, Я исчезает» [6, с. 17]. Субъективность предстает определенного рода виртуальным пространством, в котором взаимодействуют разнонаправленные смысловые линии. Все смыслы и их пересечение локализуется за пределами личности. «Когда “мною говорит другой”» (Ж. Лакан), он говорит через меня и мной, но никак не во мне. Так что гипотетический “центр” всегда находится вне того, центром чего мы его представляем. Субъект децентрирован, т. е. вообще не имеет центра» [5, с. 1].

При введении понятия «скриптор» взамен понятия «автор» некоторые вопросы устраняются ввиду того, что скриптор существует только в каждом конкретном моменте «сейчас», он рождается только единовременно с текстом. Длительность не возникает, следовательно, и рефлексия. Разговор становится очевиден только в момент обращения.

Таким образом, индивидуальность растворяется в пространстве интертекстуальности, где личность есть лишь фрагмент текста, набор ссылок. Индивид становится тем зеркалом, вовлеченным в игру симулякров, которым управляет незримо код сигнификации. Восприятие его ограничивается набором символов и знаков, которым он владеет [9, с. 138–139].

В современной постметафизической ситуации в философии культуры мир может быть осознан лишь сквозь призму субъект-субъектных, коммуникативных отношений [4, с. 6]. Целостная сущность письма являет себя в диалоге, в который вступают различные виды письма, относящихся к разным культурам. Эта множественность имеет общий центр, а именно – читателя.

Читатель – «нЕкто» в том плане, что заранее никаким образом не может быть определен как конкретное лицо. Здесь вступают в силу законы случайных чисел и теория вероятности. Совершенно случайно текст находит своих читателей. Ввиду сего категорию «читатель» в данном ключе мы не можем конкретизировать более, т. е. обозначить его биографию, рассказать его историю, проследить психологию и указать, к примеру, личный адрес. Тем не менее все эти факторы возникают уже на этапе прочтения, т. к. читателем в любом случае является конкретное лицо. Читатели разнятся между собой именно по указанным признакам.

Должен ли на этом этапе возникнуть вопрос идентификации «читателя» как лица, реципиента текста ввиду различия восприятия одного различными индивидами?

Ведь чем более осведомлен индивид, тем пространство запечатлевшихся цитат, коим и является читатель, будет обширнее, с увеличивающейся множественностью возникающих на этапе прочтения смыслов, отсылками к другим текстам. Причем пределы задаются существующим дискурсом, как таковых их нет – письмо неустанно рождает новые смыслы, которые сразу же высвобождаются. В многомерном письме

ме смыслы приходится распутывать, но расшифровывать совершенно нечего [2, с. 389].

На основании структуралистской и постструктуралистской терминологии возникли определенные стереотипы мышления, которые эволюционировали далее в популярные клише, закрепившиеся в кругах западных интеллектуалов [3, с. 147]. В юмористической форме их распространение отчетливо наблюдаемо в сети Интернет.

В Интернете зачастую утрачивается понятие авторства. Ярче всего это проявляется в мемах, демотиваторах, существовании таких сайтов, как Википедия, Луркоморье (<http://ru.wikipedia.org>, <http://lurkmore.to/>), – безличное письмо, доступное для свободной редакции; анонимность текстов.

Указанные явления – следствие деиерархизации культуры, стирания границ между центром и периферией, между создателем ценностей и их потребителем.

Является ли равным смерти автора сознательный отказ от авторства, или же это нечто другое? Сознательный отказ от права собственности, стирание субъективности?

Стоит ли оценивать данные акты, совершенные без ориентации на личностное измерение? Оставить ли чистым анализ, ограничив его письмом?

Преследуется ли этими актами цель, или цель в них самих?

Логично задаться вопросом, одно и то же ли лицо автор?

Как считает Р. Барт, – отнюдь. Рассматривать необходимо, сохраняется ли единство субъекта с привнесением длительности. Можем ли мы сказать, что автор неизменен и один во времени? Не возникают ли каждый раз разные авторы в одном пишущем лице?

Что есть определение единства автора?

Импульсы каждое мгновение времени различны; смысл, вкладываемый даже одним и тем же лицом в один и тот же текст, меняется в зависимости от времени и ситуации прочтения последнего.

Как замечает Р. Барт, письмо является обезличенной деятельностью. Не конкретное лицо, автор, совершает акт, а само письмо действует, перформирует.

А рождался ли тогда вообще автор?

Да, все же рождался, считает Р. Барт. Фигура автора формировалась последовательно по мере увеличения ценности человеческого достоинства в обществе. Рождение образа автора следует отнести к возникновению открытого общества Нового времени, чему способствовали английский эмпиризм, французский рационализм и утвержденный Реформацией принцип личной веры. Также в Новое время вообще изменяется существо человека, он становится субъектом. Человек становится точкой отсчета для сущего как такового. Возникает «этико-эстетическая

антропология» – гуманизм, а отношение человека к существу в целом оформляется в мировоззрение [8, с. 48–52].

Далее у Р. Барта примечательна следующая интенция: «Не останавливать течение смысла – значит, в конечном счете, отвергнуть самого Бога и все его ипостаси – рациональный порядок, науку, закон» [2, с. 390].

Понятие Бога – это еще понятие. И понятие, живущее в языке. Если убрать поле языка и поле длительности, останется, таким образом, неотрефлексированное бытие. Каждый вневременно осуществляемый миг наполнен божественностью «сейчас» как чистым функционированием вне языка и, следовательно, мышления. К сожалению, в категориях языка подробнее само функционирование не описать, т. к. оно вне языка, а следовательно, законы и схемы языка-мышления в нем тоже не имеют смысла, так как смысл и заключен в чистом бытии (как реализации жизни = Творчеству).

Таким образом, не останавливать течение смысла – не значит ли объединить понятие Бога с самим понятием жизни и принять полную ответственность за каждый совершаемый каждым акт на себя, не осуществляя поиски всеобщей справедливости и кары за неповиновение или девиацию вне?!

В заключение, подведем некоторые итоги. Смерть автора – частный случай смерти субъекта в философии. Письмо обретает собственную жизнь, оно более не привязано к автору как личному творцу. Ввиду того что в письме теряются следы субъективности, можно говорить о царящей в нем неопределенности, об отделении голоса от своего источника. На смену классическому автору приходит скриптор (инструмент письма, рождающийся одновременно с текстом), который продуцирует многомерное живое письмо, не имеющее ни начала, ни конца, нуждающееся лишь в расшифровке. Происходит констатация смерти автора, которая одновременно является рождением читателя. В сложившейся ситуации затрудняется аналитика текстов из-за амбивалентности понятий и эклектичности смысла. Таким образом, современное многомерное письмо является обезличенной деятельностью, растворяющей индивидуальность. Само письмо совершает деятельность, перформировать.

Список литературы

1. Автономова Н.С. Философские проблемы структурного анализа в гуманитарных науках. М.: Наука, 1977. 271 с.
2. Барт. Р. Смерть автора // Избранные работы: Семиотика. Поэтика: пер. с фр. / сост., общ. ред. и вступит. ст. Г.К. Косикова. М.: Издательская группа «Прогресс», «Универс», 1994. 616 с.
3. Губман Б.Л. Западная философия культуры XX века. Тверь: ЛЕАН, 1997. 288 с.

4. Губман Б.Л. Универсализм философского знания и многообразие культурных миров // Вестник Тверского государственного университета. Сер. Философия. 2012. № 1-2. С. 5–21.
5. Дьяков А.В. Децентрация субъекта и скольжение смысла: о возможности нецентрированной модели субъективности // Социо/Логос. Альманах рос.-франц. центра социологии и философии Института социологии Российской академии наук [Электронный ресурс] url:<http://www.sociologos.narod.ru/textes/dyakov.pdf> (Дата обращения 15.12.05.)
6. Лекторский В.А. Субъект в истории философии: проблемы и достижения // Методология и история психологии. 2005. Т. 5. Вып. 1. С. 5–18.
7. Тоффлер О. Наука и изменение // Пригожин И., Стенгерс И. Порядок из хаоса: новый диалог человека с природой. М., 1986. С. 16–17.
8. Хайдеггер М. Время картины мира // Хайдеггер М. Время и бытие / пер. В.В. Библихина. М.: Республика, 1993. 448 с.
9. Шиканова В. В. Система производства современной духовной культуры в срезе постмодернизма // Вестник Тверского государственного университета. Сер. Философия. 2013. № 1. С.137-144.

THE DEATH OF THE AUTHOR IN ROLAND BARTHES' THEORETICAL VIEWS

V.V. Shikanova

Tver State University, Tver

The problem of text's authorship generates prolific debates and different approaches in contemporary philosophy and cultural theory. The article examines R. Barthes's theoretical views on the disappearance of the classical understanding of the author on the basis of his essay «The Death of the Author».

Key words: *structuralism, post-structuralism, «the death of the author», scriptor, decentered subject, reader.*

Об авторе:

ШИКАНОВА Виктория Валерьевна – аспирантка кафедры философии и теории культуры фФГБОУ ВПО «Тверской государственный университет», Тверь. E-mail: vitamortecarent@mail.ru

Author information:

SHIKANOVA Victoria Valeryevna – Ph.D. student of the Dept. of Philosophy and Theory of Culture, Tver State University, Tver. E-mail: vitamortecarent@mail.ru

Некролог

КОГАН ЛЕОНИД АЛЕКСАНДРОВИЧ

8 декабря 2013 г. скончался старейший российский философ, доктор философских наук, профессор Леонид Александрович Коган.

Леонид Александрович Коган родился 27 февраля 1912 г. в Одессе в семье инженера. Окончив курсы преподавателей общественных наук, он преподавал философию в одесских вузах. В 1934–1937 гг. Л.А. Коган учился в аспирантуре МИФЛИ. Защитив кандидатскую диссертацию о мировоззрении Добролюбова, Л.А. Коган стал работать в Институте философии АН СССР. Он был привлечён Б.Э. Быховским к работе над известной трёхтомной «Историей философии».

В июле 1941 г. Л.А. Коган вступил в истребительный батальон народного ополчения Киевского района Москвы. В ноябре 1941 г. он был направлен в 1-ю ударную армию. Принимал участие в разгроме немцев под Москвой и прошёл с ней боевой путь на Западном, Северо-Западном, 2-м и 3-м Прибалтийских фронтах.

Полковник Л.А. Коган был награждён орденами Отечественной войны II степени (1943), Красной Звезды (1944), медалями «За боевые заслуги» (1942), «За оборону Москвы» (1944), «За победу над Германией» (1945).

С ноября 1945 по апрель 1946 г. Л.А. Коган работал в Твери старшим преподавателем Военной академии тыла и снабжения. В дальнейшем преподавал в Военной академии им. Фрунзе.

В 1955 г. Л.А. Коган вернулся в Институт философии, где работал в секторе истории русской философии. В 1964 г. защитил докторскую диссертацию.

Л.А. Коган – крупный специалист по истории русской философии. Ему принадлежит целый ряд работ по философским взглядам Добролюбова, Писарева, Антоновича. Особенностью исследований Л.А. Когана является опора на архивные документы и введение впервые в научный оборот первоисточников. В частности, им были привлечены сохранившиеся в архиве ранние работы Добролюбова, найдены философские материалы Н.А. Серно-Соловьёвича. Кроме того, Л.А. Коган возвращал из забвения имена малоизвестных русских мыслителей: А.А. Иовского, И.А. Пиотровского, крепостных вольнодумцев. В последних работах Л.А. Когана привлекало философское осмысление творчества Пушкина, Чехова, Владимира Соловьёва.

Большой заслугой Л.А. Когана является разработка раннего периода истории советской философии. Ему принадлежат фундированные архивными документами статьи об истории Института научной философии РАНИОН, Коммунистического университета им. Свердлова, Института красной профессуры, Института философии Комакадемии.

Л.А. Коган творчески работал до последних дней жизни. В мартовском номере «Вопросов философии» за 2013 г. была опубликована его статья о философско-исторической концепции «Медного всадника» и интервью с автором, символически озаглавленное: «Мы жили в очень сложное и необычное время».

С.Н. Корсаков, А.В. Козенко

НАШИ АВТОРЫ

ИЛЬИН Виктор Васильевич – доктор философских наук, профессор ГБОУ ВПО «Московский государственный технический университет имени Н.Э. Баумана», г. Москва. E-mail: vvilin@yandex.ru

ХАЙРУЛЛИН Аскар Гафиятуллович – доктор философских наук, профессор, заведующий кафедрой философии Набережночелнинского института (филиала) ФГАОУ ВПО «Казанский (Приволжский) федеральный университет», г. Набережные Челны. E-mail: askar58@mail.ru

ХАЙРУЛЛИНА Галия Абузяровна – кандидат философских наук, доцент кафедры философии Набережночелнинского института (филиала) ФГАОУ ВПО «Казанский (Приволжский) федеральный университет», г. Набережные Челны. E-mail: askar58@mail.ru

ШЕСТАКОВ Александр Алексеевич – доктор философских наук, профессор кафедры социально-гуманитарных наук ФГБОУ ВПО «Самарский государственный архитектурно-строительный университет», Самара. E-mail: shestakovalex@yandex.ru

СТОЦКАЯ Татьяна Геннадьевна – доктор философских наук, профессор кафедры социально-гуманитарных наук ФГБОУ ВПО «Самарский государственный архитектурно-строительный университет», Самара. E-mail: stotskaya@yandex.ru

МИНГУЛОВ Хамзя Ильясович – кандидат физико-математических наук, проректор ФГБОУ ВПО «Самарский государственный экономический университет», Самара. E-mail: mingulov@mail.ru

ЛЕБЕДЕВ Владимир Юрьевич – доктор философских наук, профессор кафедры социологии ФГБОУ ВПО «Тверской государственный университет», Тверь. E-mail: Semion.religare@yandex.ru

ФЕДОРОВ Алексей Васильевич – студент ГБОУ ВПО «Тверская государственная медицинская академия», ассистент Лаборатории междисциплинарных биосоциологических и биофилософских исследований (Российское философское общество), Тверь. E-mail: doctorfedorov100@rambler.ru

БАШИЛОВ Роман Николаевич – кандидат философских наук, доцент кафедры философии и психологии с курсами биоэтики и истории Отечества ГБОУ ВПО «Тверская государственная медицинская академия», Тверь. E-mail: bashilov.r@mail.ru

БАШИЛОВА Светлана Михайловна – кандидат философских наук, ассистент кафедры общественного здоровья и здравоохранения с курсом менеджмента ФПДО, ГБОУ ВПО «Тверская государственная медицинская академия», Тверь. E-mail: repina.c@mail.ru

ЖУК Валерий Николаевич – кандидат философских наук, доцент кафедры философии и теории культуры ФГБОУ ВПО «Тверской государственный университет», e-mail: Zhoukv@mail.ru

НИКИТИН Владимир Аркадьевич – преподаватель кафедры философии Набережночелнинского института (филиала) ФГАОУ ВПО «Казан-

ский (Приволжский) федеральный университет», г. Набережные Челны. E-mail: nizhnekamsk@chulpan.ru

ТЕДЕЕВА Татьяна Олеговна – соискатель кафедры философии Набережночелнинского института (филиала) ФГАОУ ВПО «Казанский (Приволжский) федеральный университет», г. Набережные Челны. E-mail: neronikus75@mail.ru

ШАЙСУЛТАНОВА Эльмира Ильдаровна – старший преподаватель кафедры философии Набережночелнинского института (филиала) ФГАОУ ВПО «Казанский (Приволжский) федеральный университет», г. Набережные Челны. E-mail: mir-sh@mail.ru

АНУФРИЕВА Карина Викторовна – кандидат философских наук, научный сотрудник кафедры философии и теории культуры ФГБОУ ВПО «Тверской государственной университет». E-mail: carina-oops@mail.ru

ПЕТРОВ Илья Александрович – аспирант кафедры философии и теории культуры ФГБОУ ВПО «Тверской государственной университет». E-mail: ipetrov@mail.ru

БУЛАНОВ Владимир Владимирович – кандидат философских наук, доцент кафедры философии и психологии с курсами биоэтики и истории Отечества ГБОУ ВПО «Тверская государственная медицинская академия», г. Тверь. E-mail: althotas3111978@mail.ru

ЕФРЕМЕНКОВ Константин Михайлович – аспирант кафедры философии и теории культуры ФГБОУ ВПО «Тверской государственной университет». E-mail: efremenkov.89@mail.ru

СЕМЕНОВ Владислав Викторович – кандидат исторических наук, старший научный сотрудник ФГБОУ ВПО «Самарский государственный архитектурно-строительный университет», Самара. E-mail: Vlad.Semjenov@gmail.com

КАРЛОВА Елена Юрьевна – аспирантка кафедры этики философского факультета ФГБОУ ВПО «Московский государственный университет им. М.В. Ломоносова», Москва. E-mail: pr.elena.karlova@yandex.ru

ГЕНГ Варвара Антоновна – кандидат экономических наук, зав. кафедрой менеджмента ФГБОУ ВПО «Тверской государственной университет», Тверь. E-mail: geng@pochta.ru

АНИКИН Даниил Александрович – кандидат философских наук, доцент ФГБОУ ВПО «Саратовский государственный университет имени Н.Г. Чернышевского»? Саратов. E-mail dandee@list.ru.

ЛИНЧЕНКО Андрей Александрович – кандидат философских наук, доцент ФГБОУ ВПО «Российская академия народного хозяйства и государственной службы при Президенте Российской Федерации». E-mail: linchenko1@mail.ru.

ПЕТРОВ Евгений Игоревич – аспирант кафедры философии и истории культуры ФГБОУ ВПО «Тверской государственной университет», Тверь. E-mail: wertop84@mail.ru.

БУРУХИН Сергей Васильевич – кандидат философских наук, доцент кафедры общегуманитарных дисциплин Тверского филиала АНО ВПО «Московский гуманитарно-экономический институт». E-mail: bsvasilich@gmail.com

БУРУХИНА Лариса Владимировна – кандидат философских наук, тренинг-менеджер ООО «Ритм-2000», г. Тверь. E-mail: larisaburuhina69@gmail.com

КОЗЛОВА Наталия Николаевна – кандидат исторических наук, доцент кафедры политологии ФГБОУ ВПО «Тверской государственный университет», г. Тверь. E-mail: n_s@rochta.ru

КОВАЛЕВА Елена Олеговна – старший преподаватель кафедры социологии и социальных технологий ФГБОУ ВПО «Тверской государственный технический университет», аспирантка кафедры психологии и философии ФГБОУ ВПО «Тверской государственный технический университет». E-mail: kovaleva-15@mail.ru

ИВАНОВ Максим Юрьевич – аспирант кафедры философии и теории культуры ФГБОУ ВПО «Тверской государственный университет», Тверь. E-mail: IvanMax@bk.ru

МАЛИНИН Сергей Алексеевич – аспирант кафедры философии и теории культуры ФГБОУ ВПО «Тверской государственный университет», Тверь. E-mail: duks2011@yandex.ru

ШАЙХЕТ Елена Владимировна – аспирантка кафедры философии и теории культуры ФГБОУ ВПО «Тверской государственный университет», Тверь. E-mail: shaihet.elena@yandex.ru

ДОРН Рене – докторант Университета Бордо, Франция. E-mail: rene.dorn@laposte.net

ГОРОБИЙ Алексей Викторович – кандидат исторических наук, соискатель кафедры философии и теории культуры исторического факультета ФГБОУ ВПО «Тверской государственный университет». E-mail: alexogog@mail.ru

ТЕСЛЕНКО Олеся Анатольевна – аспирантка каф. философии и теории культуры ФГБОУ ВПО «Тверской государственный университет», г. Тверь. E-mail: teslenko_olesya@mail.ru

ШИКАНОВА Виктория Валерьевна – аспирантка кафедры философии и теории культуры ФГБОУ ВПО «Тверской государственный университет», Тверь. E-mail: vitamortecarent@mail.ru

ПРАВИЛА ПРЕДСТАВЛЕНИЯ РУКОПИСЕЙ АВТОРАМИ В ЖУРНАЛ «ВЕСТНИК ТвГУ. СЕРИЯ ФИЛОСОФИЯ»

Все рукописи печатаются бесплатно

В редакционный совет журнала «Вестник ТвГУ. Серия Философия» необходимо представить:

- файлы на дискете либо CD (в отдельных случаях по предварительному согласованию с редсоветом допустима передача материалов по электронной почте):

- рукопись статьи;

- сведения об авторе(ах);

- документы на листах формата А4 (1 экз.):

- рукопись статьи;

- сведения об авторе(ах);

- рекомендация кафедры с указанием наименования тематического раздела, в котором предполагается опубликование материала;

- сопроводительное письмо (только для авторов, не работающих (не обучающихся) в ТвГУ).

Сведения об авторах должны содержать:

1. Фамилию, имя, отчество (полностью) автора.

2. Основное место работы.

3. Должность.

4. Ученую степень, ученое звание.

5. Адрес электронной почты (требование ВАКа).

Автор может факультативно указать о себе иные дополнительные сведения.

Все сведения печатаются в строку (без пунктов) на русском и английском языках.

Правила оформления текста статьи

Статья должна быть тщательно отредактирована, содержать признаки научной публикации:

- текстовый редактор Microsoft Word версии не ниже 97;

- формат бумаги А4;

- параметры страницы: поля – верхнее 3 см, левое и нижнее 2.5 см, правое 2 см, верхний колонтитул 2 см, нижний колонтитул 2 см;

- основной текст статьи: шрифт «Times New Roman» 12 pt; выравнивание по ширине; первая строка с абзачным отступом 1 см; межстрочный интервал «Одинарный».

На первой странице указывается индекс УДК (в левом верхнем углу); далее даются инициалы и фамилии авторов, затем название статьи, краткая аннотация статьи и ключевые слова на русском языке. Инициалы и фамилии авторов, название статьи, краткая аннотация статьи и

ключевые слова на английском языке размещаются в конце публикации после библиографического списка.

Перечень авторов разделен запятыми, инициалы перед фамилиями, шрифт «Times New Roman» 12 pt, жирный курсив; выравнивание по центру, абзацный отступ слева 1 см; автоматические переносы отключены; интервалы перед абзацем и после него 0 pt, межстрочный интервал одинарный).

Название статьи набирается прописными буквами (шрифт «Times New Roman» 16 pt; выравнивание по центру, автоматические переносы отключены; интервалы перед абзацем и после него – 6 pt, межстрочный интервал одинарный).

Аннотация содержит 3–7 строк, характеризующих содержание статьи (шрифт «Times New Roman» 12 pt, курсив; выравнивание по ширине; отступы: слева и справа 1.5 см, первая строка 0.7 см; интервалы перед абзацем и после него 12 pt, межстрочный интервал одинарный).

Ключевые слова состоят из 3–10 слов и словосочетаний, отражающих содержание статьи, разделенных запятыми, в конце их перечисления точка не ставится; шрифт «Times New Roman» 12 pt, жирный; выравнивание по левому краю; автоматические переносы отключены; интервалы перед абзацем 0 pt, после него 6 pt, межстрочный интервал одинарный). Далее следует текст статьи. Текст должен быть тщательно отредактирован, все данные, цитаты и библиография выверены.

Не используется более одного пробела между словами. Все лишние пробелы следует удалить из текста. Для удаления лишних пробелов используйте в Word опцию «Найти – Заменить».

Подчеркивание в тексте не применяется (смешивается с гиперссылками). Вместо подчеркивания используйте выделение курсивом или жирным шрифтом.

Все тексты проходят проверку системой «Антиплагиат».

После основного текста следует библиографический список, который включает:

➤ *заголовок* «Список литературы» (шрифт «Times New Roman» 12 pt; выравнивание по центру; интервалы: перед абзацем 12 pt, после него 6 pt, межстрочный интервал одинарный);

➤ *библиографическое описание источника* с порядковым номером ссылки на него по тексту, начиная с первого, выполненное по ГОСТ Р 7.0.5–2008. «Библиографическая ссылка. Общие требования и правила составления». (отдельным абзацем; шрифт «Times New Roman» 11 pt; абзацный отступ 0,5 см; выравнивание по ширине; межстрочный интервал одинарный). Номер ссылки в тексте заключается в квадратные скобки, в списке литературы – нумеруется арабскими цифрами без скобок.

Библиографический список не должен превышать 15 (для обзорных заказных статей – 20) наименований: приводятся только источники, на ко-

торые есть ссылки в тексте (ссылки на неопубликованные и нетиражированные работы не допускаются).

Технические вопросы можно выяснить по электронному адресу: s_r08@mail.ru.

Порядок рецензирования рукописей

Порядок рецензирования рукописей, поступающих в редакцию журнала «Вестник Тверского госуниверситета. Серия Философия»

1. Автор статьи представляет выписку из решения кафедры (научного подразделения), где выполнялась работа, содержащую рекомендацию статьи к публикации в журнале. Выписка подписывается заведующим кафедрой (руководителем научного подразделения) или его заместителем, подпись заверяется соответствующей кадровой структурой.

2. Представленная автором статья рецензируется экспертом редакции журнала (доктором, кандидатом наук) в форме экспертной анкеты, утвержденной редакционной коллегией. Экспертиза носит закрытый характер, рецензия в форме экспертной анкеты предоставляется автору статьи по его письменному запросу, а также по соответственному запросу в ВАК, без подписи и указания фамилии, должности, места работы рецензента.

3. Окончательное решение о принятии статьи автора и размещении ее в одном из номеров журнала принимается на заседании редакционной коллегии журнала.

4. Редакционная коллегия информирует о принятом решении автора по его запросу. Автору не принятой к публикации статьи редакционная коллегия направляет по его запросу мотивированный отказ.

Вестник Тверского государственного университета. № 8, 2014

Серия: «Философия». 2014. Выпуск 2.

Подписка по России ООО «МАП» – 80208

Цена свободная

Ответственный редактор А.В. Язенин

Технические редакторы А. В. Жильцов

Подписано в печать 16.04.2012. Выход в свет 30.04.2012.

Формат 70 x 108 ¹/₁₆. Бумага типографская № 1.

Печать офсетная. Усл. печ. л. 13,65.

Тираж 100 экз. Заказ № 184.

Тверской государственный университет.

Редакционно-издательское управление.

Адрес: Россия, 170100, г. Тверь, Студенческий пер., д.12.

Тел. РИУ: (4822) 35-60-63.